

Виталий Бианки

**РАССКАЗЫ
И СКАЗКИ**

Annotation

Рассказы и сказки о животных и растениях, которые учат раскрывать тайны леса, разгадывать маленькие и большие загадки из жизни зверей и птиц.

Для младшего школьного возраста

- [Виталий Бианки](#)
 - [Виталий Бианки](#)
 - [СКАЗКИ-НЕСКАЗКИ](#)
 - [Первая охота](#)
 - [Лесные домишки](#)
 - [Лис и мышонок](#)
 - [Чей нос лучше?](#)
 - [Чьи это ноги?](#)
 - [Кто чем поёт?](#)
 - [Хвосты](#)
 - [Сова](#)
 - [Лесной колобок – колючий бок](#)
 - [Росянка – комариная смерть](#)
 - [Мастера без топора](#)
 - [Красная горка](#)
 - [Приключения муравьишки](#)
 - [Как Лис Ежа Перехитрил](#)
 - [Хитрый Лис и умная Уточка](#)
 - [Теремок](#)
 - [Кукушонок](#)
 - [Золотое сердечко](#)
 - [Глупые вопросы](#)
 - [Отчего у сороки такой хвост](#)
 - [Кому зуёк кланяется, а плиска хвостом кивает](#)
 - [Почему чайки белые](#)
 - [Где раки зимуют](#)
 - [Заяц, Косач, Медведь и Дед Мороз](#)

- [Заяц, Косач, Медведь и Весна](#)
- [Мишка-башка](#)
- [ОРАНЖЕВОЕ ГОРЛЫШКО](#)
 -
 - [Что увидел Жаворонок, когда вернулся на Родину](#)
 - [О чём разговаривал Жаворонок с полевым Петушком](#)
 - [Что делали люди, когда с полей сошёл снег, и какое гнездо завил Оранжевое горлышко](#)
 - [Как пришла лисица и какие у Подковкиных родились дети](#)
 - [Какая у Поршков была детская площадка и что они делали](#)
 - [Как прилетела в поля Ястребиха и какая беда стряслась на Костяничной горке](#)
 - [Чему обучались поршки в школе первой ступени](#)
 - [Как в поля пришёл охотник с большим рыжим псом и чем это кончилось](#)
 - [Какую хитрость придумала Оранжевое горлышко, когда опустели хлебные поля и колхозники принялись копать картошку](#)
 - [Как Жаворонок простился с друзьями и о чём он пел, покидая Родину](#)
- [СКАЗКИ ЗВЕРОЛОВА](#)
 -
 - [Люля](#)
 - [Кузьяр-Бурундук и Инойка-Медведь](#)
 - [Глаза и уши](#)
 - [Терентий-Тетерев](#)
 - [Водяной конь](#)
- [Мышонок Пик](#)
 -
 - [Как мышонок попал в мореплаватели](#)
 - [Кораблекрушение](#)
 - [Страшная ночь](#)
 - [Хвост-цеплялка и шерстка-невидимка](#)
 - [Соловей-разбойник](#)
 - [Конец путешествия](#)
 - [Постройка дома](#)
 - [Незванный гость](#)
 - [Кладовая](#)
 - [Снег и сон](#)

- [Ужасное пробуждение](#)
- [По снегу и по льду](#)
- [Из беды в беду](#)
- [Горе-музыкант](#)
- [Мышеловка](#)
- [Музыка](#)
- [Хороший конец](#)
- [ЛЕСНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ](#)
- [МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ](#)
 -
 - [Музыкант](#)
 - [Голубой зверёк](#)
 - [Пёрышко](#)
 - [Моржиха](#)
 - [Непонятный зверь](#)
 - [Про двух охотников](#)
 - [На дереве](#)
 - [В медвежьей шкуре](#)
 - [Задерихвост](#)
 - [Поганки](#)
 - [Чёрная лисица](#)
 - [Как муха медведя от смерти спасла](#)
 - [Подкидыш](#)
 - [Дятел и малиновка](#)
 - [Аришка-Трусишка](#)
 - [Снегирушка-Милушка](#)
 - [Музыкальная канарейка](#)
 - [Муха и чудовище](#)
- [ПО СЛЕДАМ](#)
 -
 - [Снежная книга](#)
 - [По следам](#)
- [МОЙ ХИТРЫЙ СЫНИШКА](#)
 -
 - [Приказ на снегу](#)
 - [Тетерева в лунках](#)
 - [Мышарик](#)
 - [Плавунчик](#)
 - [Лупленный бочок](#)

- [Бешеный бельчонок](#)
 - [Про одного мальчика](#)
 - [Дробинка](#)
 - [Птичья песенка](#)
 - [Голубые лягушки](#)
 - [Сумасшедшая птица](#)
 - [Кузя двуххвостый](#)
 - [Тигр пятиполосик](#)
 - [Тайна ночного леса](#)
-

Виталий Бианки
Рассказы и сказки

Виталий Бианки
РАССКАЗЫ
И СКАЗКИ

Для младшего школьного
возраста

Художник
ТАТЬЯНА КАПУСТИНА

КИЕВ «ВЕСЕЛКА» 1985

Виталий Бианки

Открылась тяжёлая дверь, и перед глазами изумлённого мальчика предстал удивительный мир.

Прямо перед ним два бурых медвежонка схватились в обнимку. Их старший братишка-нянька не спускал глаз с озорников, а медведица-мать развалилась на пригорке и дремлет.

А там, немножко дальше, два тигра – один на скале, другой внизу – оскалили зубы, – сейчас кинутся друг на друга... Мальчик, крадучись, прошёл мимо них. В страхе оглянулся. А вдруг кинутся? Нет, не кидаются, – так и остались...

Вот высоко в воздухе застыл без движения орёл. Вот взлетевшая утка замерла над гнездом; в гнезде – яйца. Мальчик быстро протянул руку за ними – и пальцы больно ударились о что-то крепкое, холодное...

Стекло. Все звери и птицы за стеклом!

Неужели они не живые? Тогда, наверно, они заколдованы, как в сказке. Узнать бы такое волшебное слово, чтобы разом всех оживить. Кто научит его этому слову?

Мальчик попал в Зоологический музей Академии наук. Здесь работал его отец – русский учёный-естествоиспытатель. В доме напротив родился в 1894 году мальчик – будущий писатель Виталий Валентинович Бианки.

С природой его познакомил отец. Он брал сына с собой на охоту и на прогулки. Называл ему каждую травку, каждую птицу и зверюшку. Научил его узнавать птиц по полёту, зверя – по следу и – самое главное – научил сына записывать свои наблюдения.

К двадцати семи годам жизни у Виталия Валентиновича Бианки накопились целые тома дневников. И опять, как в детстве, ему захотелось найти то волшебное слово, которое заставило бы ожить всех этих птиц и зверей.

Таким словом и стало художественное слово рассказчика-писателя.

Первая В. В. Бианки для детей – «Лесные домишки» – вышла в 1923 году. За двадцать пять лет своей литературной работы Бианки написал около двухсот сказок, рассказов, повестей. Юным читателям хорошо известны его сборники: «Сказки», «Лесная газета», «По следам», «Где раки зимуют», «Рассказы об охоте», «Последний выстрел» и многие другие.

На двадцати восьми языках народов нашей Родины издавались его произведения. На многие иностранные языки переведены его книги.

Прекрасно зная и горячо любя родную природу, большую часть своей жизни Бианки проводит в лесу с ружьём, биноклем, записной книжкой. И его рассказы, сказки, повести раскрывают перед юными читателями картины живой природы. В самом обыкновенном он умеет показать новое, незамеченное нами.

Бианки ведёт юного читателя по охотничьим тропам Алтая, поднимается с ним без дорог по горам Кавказа, бродит по тайге, тундре, степи...

Но больше всего Бианки любит рассказывать о тех животных и растениях, которых всякий может встретить у себя в саду, на берегу соседней речки, в лесах и полях северной и среднерусской полосы нашей Родины.

Писатель раскрывает своему юному читателю глаза на окружающий мир, отвечает на его вопросы.

Много загадок природы уже раскрыто нашими учёными. Ещё больше надо изучить, разгадать, понять.

И книги Бианки зовут юного читателя наблюдать, сравнивать, думать, быть хорошим следопытом, исследователем. Бианки не только показывает, – он учит юного читателя раскрывать тайны леса, разгадывать маленькие и большие загадки из жизни зверей и птиц.

Ведь только тот, кто хорошо знает природу, может ею управлять, обращая её богатства на пользу Родине.

Советский человек – хозяин своих лесов, полей, рек, озёр и он должен хорошо знать своё хозяйство.

Юный читатель многое узнает, прочитав рассказы и сказки Бианки. Он научится наблюдать, он станет бережливым хозяином богатств родной природы, он полюбит её.

Художественное слово писателя поможет ему в этом.

Гр. Гроденский

СКАЗКИ-НЕСКАЗКИ

Первая охота

Надоело Щенку гонять кур по двору.

«Пойду-ка, – думает, – на охоту за дикими зверями и птицами».

Шмыгнул в подворотню и побежал по лугу.

Увидели его дикие звери, птицы и насекомые и думают каждый про себя.

Выпь думает: «Я его обману!»

Удод думает: «Я его удивлю!»

Вертишейка думает: «Я его напугаю!»

Ящерка думает: «Я от него вывернусь!»

Гусеницы, бабочки, кузнечики думают: «Мы от него спрячемся!»

«А я его прогоню!» – думает Жук-Бомбардир.

«Мы все за себя постоять умеем, каждый по-своему!» – думают они про себя.

А Щенок уже побежал к озерку и видит: стоит у камыша Выпь на одной ноге по колено в воде.

«Вот я её сейчас поймаю!» – думает Щенок, и совсем уж приготовился прыгнуть ей на спину.

А Выпь глянула на него и шагнула в камыш.

Ветер по озеру бежит, камыш колышет. Камыш качается

взад – вперед,

взад – вперед.

У Щенка перед глазами жёлтые и коричневые полосы качаются

взад – вперед,

взад – вперед.

А Выпь стоит в камыше, вытянулась – тонкая-тонкая, и вся в жёлтые и коричневые полосы раскрашена. Стоит, качается

взад – вперед,

взад – вперед.

Щенок глаза выпучил, смотрел, смотрел – не видит Выпи в камыше.

«Ну, – думает, – обманула меня Выпь. Не прыгать же мне в пустой камыш! Пойду другую птицу поймаю».

Выбежал на пригорок, смотрит: сидит на земле Удод, хохлом играет, – то развернёт, то сложит.

«Вот я на него сейчас с пригорка прыгну!» – думает Щенок.

А Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял.

Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пёстрый лоскут, и торчит из него кривая игла.

Удивился Щенок: куда же Удод девался? «Неужели я эту пёструю тряпку за него принял? Пойду поскорей маленькую птичку поймаю».

Подбежал к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка.

Кинулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло.

«Ага! – думает Щенок. – Попалась!»

Поднялся на задние лапы, заглянул в дупло, а в чёрном дупле змея извивается и страшно шипит.

Отшатнулся Щенок, шерсть дыбом поднял – и наутёк.

А Вертишейка шипит ему вслед из дупла, головой крутит, по спине у неё извивается полоска чёрных перьев.

«Уф! Напугала как! Еле ноги унёс. Больше не стану на птиц охотиться. Пойду лучше Ящерку поймаю».

Ящерка сидела на камне, глаза закрыла, грелась на солнышке.

Тихонько к ней подкрался щенок – прыг! – и ухватил за хвост.

А Ящерка извернулась, хвост в зубах у него оставила, сама под камень!

Хвост в зубах у Щенка извивается,

Фыркнул Щенок, бросил хвост – и за ней. Да куда там! Ящерка давно под камнем сидит, новый хвост себе отращивает.

«Ну, – думает Щенок, – уж если Ящерка и та от меня вывернулась, так я хоть насекомых наловлю».

Посмотрел кругом, а по земле жуки бегают, в траве кузнечики прыгают, по веткам гусеницы ползают, по воздуху бабочки летают.

Бросился Щенок ловить их, и вдруг – стало кругом, как на загадочной картинке: все тут, а никого не видно – спрятались все.

Зелёные кузнечики в зелёной траве притаились.

Гусеницы на веточках вытянулись и замерли: их от сучков не отличишь.

Бабочки сели на деревья, крылья сложили – не разберёшь, где кора, где листья, где бабочки.

Один крошечный Жук-Бомбардир идёт себе по земле, никуда не прячется.

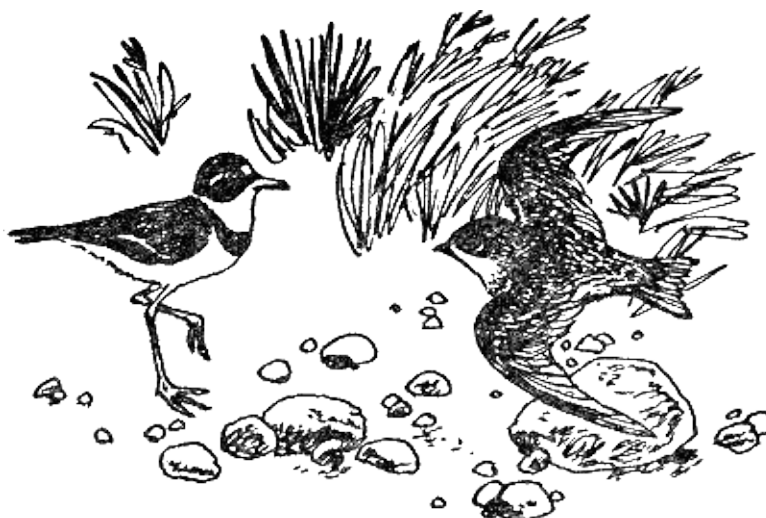
Догнал его Щенок, хотел схватить, а Жук-Бомбардир остановился, да как пальнёт в него летучей едкой стружкой – прямо в нос попал.

Взвизгнул Щенок, хвост поджал, повернулся – да через луг, да в подворотню.

Забился в конуру и нос высунуть боится.

А звери, птицы и насекомые – все опять за свои дела принялись.

Лесные домишки

Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки-береговушки. Гонялись друг за другом с визгом и писком: играли в пятнашки.

Была в их стае одна маленькая Береговушка, такая проворная: никак её догнать нельзя было – от всех увёртывается.

Погонится за ней пятнашка, а она – туда, сюда, вниз, вверх, в сторону бросится, да как пустится лететь – только крылышки мелькают.

Вдруг – откуда ни возьмись – Чеглок-Сокол мчится. Острые изогнутые крылья так и свистят.

Ласточки переполошились: все – врассыпную, кто куда, – мигом разлетелась вся стая.

А проворная Береговушка от него без оглядки за реку, да над лесом, да через озеро!

Очень уж страшной пятнашкой был Чеглок-Сокол.

Летела, летела Береговушка – из сил выбилась.

Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, – а место совсем незнакомое. Посмотрела вниз – внизу река течёт. Только не своя – чужая какая-то.

Испугалась Береговушка.

Дорогу домой она не помнила: где ж ей было запомнить, когда она неслась без памяти от страха?

А уж вечер был – ночь скоро. Как тут быть?

Жутко стало маленькой Береговушке.

Полетела она вниз, села на берегу и горько заплакала.

Вдруг видит: бежит мимо неё по песку маленькая жёлтая птичка с чёрным галстучком на шее.

Береговушка обрадовалась, спрашивает у жёлтой птички:

– Скажите, пожалуйста, как мне домой попасть?

– А ты чья? – спрашивает жёлтая птичка.

– Не знаю, – отвечает Береговушка.

– Трудно же будет тебе свой дом разыскать! – говорит жёлтая птичка. – Скоро солнце закатится, темно станет. Оставайся-ка лучше у меня ночевать. Меня зовут Зуёк. А дом у меня вот тут – рядом.

Зуёк пробежал несколько шагов и показал клювом на песок. Потом закланялся, закачался на тоненьких ножках и говорит:

– Вот он, мой дом. Заходи!

Взглянула Береговушка – кругом песок да галька, а дома никакого нет.

– Неужели не видишь? – удивился Зуёк. – Вот сюда гляди, где между камешками яйца лежат.

Насилу-насилу разглядела Береговушка: четыре яйца в бурых крапинках лежат рядышком прямо на песке среди гальки.

– Ну, что же ты? – спрашивает Зуёк. – Разве тебе не нравится мой дом?

Береговушка не знает, что и сказать: скажешь, что дома у него нет, ещё хозяин обидится. Вот она ему и говорит:

– Не привыкла я на чистом воздухе спать, на голом песке, без подстилочки...

– Жаль, что не привыкла! – говорит Зуёк. – Тогда лети-ка вон в тот еловый лесок. Спроси там голубя по имени Витютень. Дом у него с полом. У него и ночуй.

– Вот спасибо! – обрадовалась Береговушка.

И полетела в еловый лесок.

Там она скоро отыскала лесного голубя Витютня и попросилась к нему ночевать.

– Ночуй, если тебе моя хата нравится, – говорит Витютень.

А какая у Витютня хата? Один пол, да и тот, как решето – весь в дырках. Просто прутьики на ветви накиданы как попало. На прутьиках белые голубиные яйца лежат. Снизу их видно: просвечивают сквозь дырявый пол.

Удивилаеь Береговушка.

– У вашего дома, – говорит она Витютню, – один пол, даже стен нет. Как же в нём спать?

– Что же, – говорит Витютень, – если тебе нужен дом со стенами, лети,

разыщи Иволгу. У неё тебе понравится.

И Витютень сказал Береговушке адрес Иволги: в роще, на самой красивой берёзе.

Полетела Береговушка в рощу.

А в роще берёзы одна другой красивее. Искала, искала Иволгин дом и вот, наконец, увидела: висит на берёзовой ветке крошечный, лёгкий домик. Такой уютный домик и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги.

«Какой же у Иволги домик маленький, – подумала Береговушка. – Даже мне в нём не поместиться».

Только она хотела постучаться, – вдруг из серого домика вылетели осы.

Закружились, зажужжали, сейчас ужалят!

Испугалась Береговушка и скорей улетела прочь.

Мчится среди зелёной листвы.

Вот что-то золотое и чёрное блеснуло у неё перед глазами.

Подлетела ближе, видит: на ветке сидит золотая птица с чёрными крыльями.

– Куда ты спешишь, маленькая? – кричит золотая птица Береговушке.

– Иволгин дом ищешь, – отвечает Береговушка.

– Иволга – это я, – говорит золотая птица. – А дом мой вот здесь, на этой красивой берёзе.

Береговушка остановилась и посмотрела, куда Иволга ей показывает. Сперва она ничего различить не могла: всё только зелёные листья да белые берёзовые ветви. А когда всмотрелась, так и ахнула.

Высоко над землёй к ветке подвешена лёгкая плетёная корзиночка.

И видит Береговушка, что это и в самом деле домик. Затейливо так свит из пеньки и стебельков, волосков и шерстинок и тонкой берёзовой коржурки,

– Ух! – говорит Береговушка Иволге. – Ни за что не останусь в этой зыбкой постройке! Она качается, и у меня всё перед глазами вертится, кружится... Того и гляди, её ветром на землю сдует. Да и крыши у вас нет.

– Ступай к Пеночке! – обиженно говорит ей золотая Иволга. – Если ты боишься на чистом воздухе спать, так тебе, верно, понравится у неё в шалаше под крышей.

Полетела Береговушка к Пеночке.

Жёлтая маленькая Пеночка жила в траве как раз под той самой берёзой, где висела Иволгина воздушная колыбелька.

Береговушке очень понравился её шалашик из сухой травы и мха, «Вот

славно-то! – радовалась она. – Тут и пол, и стены, и крыша, и постелька из мягких пёрышек! Совсем как у нас дома!»

Ласковая Пеночка стала её укладывать спать. Вдруг земля под ними задрожала, загудела.

Береговушка встрепенулась, прислушивается, а Пеночка ей говорит:

– Это кони в рощу скачут.

– А выдержит ваша крыша, – спрашивает Береговушка, – если конь на неё копытом ступит?

Пеночка только головой покачала печально и ничего ей на это не ответила.

– Ох, как страшно тут! – сказала Береговушка и вмиг выпорхнула из шалаша. – Тут я всю ночь глаз не сомкну: всё буду думать, что меня раздавят. У нас дома спокойно: там никто на тебя не наступит и на землю не сбросит.

– Так, верно, у тебя такой дом, как у Чомги, – догадалась Пеночка. – У неё дом не на дереве – ветер его не сдует, да и не на земле – никто не раздавит. Хочешь, провожу тебя туда?

– Хочу! – говорит Береговушка.

Полетели они к Чомге.

Прилетели на озеро и видят: посреди воды на тростниковом островке сидит большеголовая птица. На голове у птицы перья торчком стоят, словно рожки.

Тут Пеночка с Береговушкой простилась и наказала ей к этой рогатой птице ночевать попроситься.

Полетела Береговушка и села на островок. Сидит и удивляется: островок-то, оказывается, плавучий. Плывёт по озеру куча сухого тростника. Посреди кучи – ямка, а дно ямки мягкой болотной травой устлано. На траве лежат Чомгины яйца, прикрытые лёгкими сухими тростиночками.

А сама Чомга рогатая сидит на островке с краешка, разъезжает на своём судёнышке по всему озеру.

Береговушка рассказала Чомге, как она искала и не могла найти себе ночлега, и попросилась ночевать.

– А ты не боишься спать на волнах? – спрашивает её Чомга.

– А разве ваш дом не пристанет на ночь к берегу?

– Мой дом – не пароход, – говорит Чомга. – Куда ветер гонит его, туда он и плывёт. Так и будет всю ночь на волнах качаться.

– Боюсь... – прошептала Береговушка. – Домой хочу, к маме...

Чомга рассердилась.

– Вот, – говорит, – какая привередливая! Никак на тебя не угодишь!
Лети-ка, поищи сама себе дом, какой нравится.

Прогнала Чомга Береговушку, та и полетела.

Летит и плачет.

А уж ночь наступает: солнце зашло, темнеет.

Залетела Береговушка в густой лес, смотрит: на высокой ели, на толстом суку выстроен дом.

Весь из сучьев, из палок, круглый, а изнутри мох торчит тёплый, мягкий.

«Вот хороший дом, – думает она, – прочный и с крышей».

Подлетела маленькая Береговушка к большому дому, постучала клювиком в стенку и просит жалобным голоском:

– Впустите, пожалуйста, хозяйюшка, переночевать!

А из дома вдруг как высунется рыжая звериная морда с оттопыренными усами, с жёлтыми зубами. Да как зарычит страшилище:

– С каких это пор птахи по ночам стучат, ночевать просят к белкам в дом?

Обмерла Береговушка, – сердце камнем упало. Отшатнулась, взвилась над лесом да стремглав, без оглядки, наутёк!

Летела, летела – из сил выбилась. Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, – а место знакомое. Посмотрела вниз – внизу река течёт, своя река, родная!

Стрелой бросилась вниз к речке, а оттуда – вверх, под самый обрыв крутого берега.

И пропала.

А в обрыве – дырки, дырки, дырки. Это всё ласточкины норки. В одну из них и юркнула Береговушка. Юркнула и побежала по длинному-длинному, узкому-узкому коридору.

Добежала до его конца и впорхнула в просторную круглую комнату.

Тут уже давно ждала её мама.

Сладко спалось в ту ночь усталой маленькой Береговушке у себя на мягкой тёплой постельке из травинок, конского волоса и перьев...

Покойной ночи!

Лис и мышонок

- Мышонок, мышонок, отчего у тебя нос грязный?
- Землю копал.
- Для чего землю копал?
- Норку делал.
- Для чего норку делал?
- От тебя, лис, прятаться.
- Мышонок, мышонок, а я тебя подстерегу!
- А у меня в норке спальня.
- Кушать захочешь – вылезешь!
- А у меня в норке кладовочка.
- Мышонок, мышонок, а ведь я твою норку разрою!
- А я от тебя в отнорочек – и был таков!

Чей нос лучше?

Мухолов-Тонконос сидел на ветке и смотрел по сторонам. Как только полетит мимо муха или бабочка, он сейчас же погонится за ней, поймает и проглотит. Потом опять сидит на ветке и опять ждёт, высматривает. Увидел поблизости Дубоноса и стал жаловаться ему на своё горькое житьё.

– Очень уж мне утомительно, – говорит, – пропитание себе добывать. Целый день трудишься-трудишься, ни отдыха, ни покоя не знаешь, а всё впроголодь живёшь. Сам подумай: сколько мошек надо поймать, чтобы сытым быть. А зёрнышки клевать я не могу: нос у меня слишком тонок.

– Да, твой нос никуда не годится! – сказал Дубонос. – То ли дело мой! Я им вишнёвую косточку, как скорлупу, раскусываю. Сидишь на месте и клюёшь ягоды. Вот бы тебе такой нос.

Услыхал его Клёт-Крестонос и говорит:

– У тебя, Дубонос, совсем простой нос, как у Воробья, только потолще. Вот посмотри, какой у меня замысловатый нос! Я им круглый год семечки из шишек вылуциваю. Вот так.

Клёт ловко поддел кривым носом чешуйку еловой шишки и достал семечко.

– Верно, – сказал Мухолов, – твой нос хитрей устроен!

– Ничего вы не понимаете в носах! – прохрипел из болота Бекас-Долгонос. – Хороший нос должен быть прямой и длинный, чтобы им козявок из тины доставать удобно было. Поглядите на мой нос!

Посмотрели птицы вниз, а там из камыша торчит нос длинный, как карандаш, и тонкий, как спичка.

– Ах, – сказал Мухолов, – вот бы мне такой нос!

– Постой! – запищали в один голос два брата-кулика – Шилонос и Кроншнеп-Серпонос. – Ты ещё наших носов не видал!

Поглядел Мухолов и увидел перед собой два замечательных носа: один смотрит вверх, другой – вниз, и оба тонкие, как иголки.

– Мой нос для того вверх смотрит, – сказал Шилонос, – чтоб им в воде всякую мелкую живность поддевать.

– А мой нос для того вниз смотрит, – сказал Кроншнеп-Серпонос, – чтоб им червяков да букашек из травы таскать.

– Ну, – сказал Мухолов, – лучше ваших носов не придумаешь!

– Да ты, видно, настоящих носов и не видал! – крикнул из лужи Широконос. – Смотри, какие настоящие носы бывают: во-о!

Все птицы так и прыснули со смеху, прямо Широконосу в нос!

– Ну и лопата!

– Зато им воду щелокчить-то как удобно! – досадливо сказал Широконос и поскорей опять кувырнулся головой в лужу.

– Обратите внимание на мой носик! – прошептал с дерева скромный серенький Козодой-Сетконос. – У меня он крохотный, однако служит мне и сеткой, и глоткой. Мошкара, комары, бабочки целыми толпами в сетку-глотку мою попадают, когда я ночью над землёй летаю.

– Это как же так? – удивился Мухолов.

– А вот как! – сказал Козодой-Сетконос, да как разинет зев, – все птицы так и шарахнулись от него.

– Вот счастливец! – сказал Мухолов. – Я поодной мошке хватаю, а он ловит их сразу сотнями!

– Да, – согласились птицы, – с такой пастью не пропадёшь!

– Эй вы, мелюзга! – крикнул им Пеликан-Мешконос с озера. – Поймали мошку – и рады.

А того нет, чтобы про запас себе что-нибудь отложить. Я вот рыбку поймаю – и в мешок себе отложу, опять поймаю – и опять отложу.

Поднял толстый Пеликан свой нос, а под носом у него мешок, набитый рыбой.

– Вот так нос! – воскликнул Мухолов, – целая кладовая! Удобней уж никак не выдумаешь!

– Ты, должно быть, моего носа ещё не видал, – сказал Дятел. – Вот полюбуйся!

– А что ж на него любоваться? – спросил Мухолов. – Самый обыкновенный нос: прямой, не очень длинный, бэз сетки и без мешка. Таким носом пищу себе на обед доставать долго, а о запасах и не думай.

– Нельзя же всё только об еде думать, – сказал Дятел-Долбонос. – Нам, лесным работникам, надо инструмент при себе иметь для плотничьих и столярных работ. Мы им не только корм себе добываем, но и дерево долбим: жилище устраиваем, и для себя и для других птиц. Вот у меня какое долото!

– Чудеса! – сказал Мухолов. – Столько носов видел я нынче, а решить не могу, какой из них лучше. Вот что, братцы: становитесь вы все рядом. Я посмотрю на вас и выберу самый лучший нос.

Выстроились перед Мухоловом-Тонконосом Дубонос, Крестонос, Долгонос, Шилонос, Серпонос, Широконос, Сетконос, Мешконос и Долбонос.

Но тут упал сверху серый Ястреб-Крючконос, схватил Мухолова и

унёс себе на обед.

А остальные птицы с перепугу разлетелись в разные стороны.

Чьи это ноги?

Летел Жаворонок высоко над землёй, под самыми облаками. Поглядит вниз – сверху ему далеко видно – и поёт:

Я ношусь под облаками,
Над полями и лугами,
Вижу всех, кто подо мной,
Всех под солнцем и луной.

Устал петь, спустился и сел на кочку отдыхать. Вылезла из-под дерева Медянка и говорит ему:

– Сверху ты всё видишь, – это правда. А вот снизу никого не узнаешь.
– Как это может быть? – удивился Жаворонок. – Непременно узнаю.
– А вот иди, ложись со мной рядом. Я тебе буду снизу всех показывать, а ты отгадывай, кто идёт.

– Ишь какая! – говорит Жаворонок. – Я к тебе пойду, а ты меня ужалишь. Я змей боюсь.

– Вот и видно, что ты ничего не знаешь, – сказала Медянка, – первое – я не змея, а просто ящерица; а второе – змеи не жалят, а кусают. Змей-то и я боюсь: зубы у них такие длинные, и в зубах – яд. А у меня, гляди-ка: малюсенькие зубки. Я ими не то что от змеи, от тебя и то не отобьюсь.

– А где же у тебя ноги, если ты ящерица?
– Да зачем мне ноги, если я по земле ползаю не хуже змей?
– Ну, если вправду ты – безногая ящерица, – сказал Жаворонок, – так мне бояться нечего.

Соскочил с кочки, лапки под себя поджал и лёг рядом с Медянкой. Вот лежат они рядышком, Медянка и спрашивает:
– Ну-ка ты, верхогляд, узнавай, кто идёт, и зачем он сюда пожаловал?
Взглянул Жаворонок перед собой и обмер: идут по земле высоченные ноги, через большие кочки, как через малые комочки земли, шагают, пальцами в землю след вдавливают.

Перешагнули ноги через Жаворонка и пропали: не видать больше. Медянка на Жаворонка посмотрела и улыбнулась во весь рот. Облизнула сухие губы тонким язычком и говорит:

– Ну, друг, видно, не разгадал ты моей загадки. Кабы ты знал, кто

через нас шагнул, так не испугался бы. Я вот лежу и смекаю: две ноги высоких, пальцев на каждой счётом три больших, один маленький. И знаю уж: птица идёт большая, высокая, по земле гулять любит – хороши ходули для ходьбы. Так оно и есть: Журавль это прошёл.

Тут Жаворонок встрепенулся весь от радости: Журавль ему знакомый был. Спокойная птица, добрая – не обидит.

– Лежи, не пляши! – зашипела на него Медянка. – Гляди: опять ноги идут.

И верно: ковыляют по земле голые ноги, неизвестно чьи.

Пальцы словно лоскутами клеёнки обшиты.

– Отгадывай! – говорит Медянка.

Жаворонок думал-думал, – никак не может припомнить, чтобы прежде такие ноги видел.

– Эх ты! – засмеялась Медянка. – Да ведь это совсем просто отгадать. Видишь: пальцы широкие, ноги плоские, по земле идут – спотыкаются. Вот в воде с ними удобно: повернёшь ногу боком – она воду, как ножом режет; растопыришь пальцы – и весло готово. Это Чомга-нырец – водяная такая птица – из озера вылезла.

Вдруг упал с дерева чёрный комок шерсти, приподнялся с земли и пополз на локтях.

Присмотрелся Жаворонок, а это вовсе не локти, а сложенные крылья.

Повернулся комок боком – сзади у него цепкие звериные лапки и хвост, а между хвостом и лапками кожа натянута.

– Вот чудеса! – сказал Жаворонок. – Кажется, крылатая тварь, как и я, а на земле узнать её никак не могу.

– Ага! – обрадовалась Медянка, – не можешь узнать. Хвастался, что под луной всех знаешь, а Летучей-то Мыши и не узнал.

Тут Летучая Мышь вскарабкалась на кочку, расправила крылья и улетела к себе на дерево.

А уж из-под земли другие ноги лезут.

Страшные лапы: короткие, мохнатые, на пальцах тупые когти, жёсткие ладошки в разные стороны вывернуты.

Затрепетал Жаворонок, а Медянка говорит:

– Лежу, гляжу и смекаю: лапы в шерсти – значит звериные, короткие, как обрубки, и ладошками врозь, а на толстых пальцах когтищи здоровые. На таких ногах по земле шагать трудно. А вот под землёй жить, землю лапами рыть да назад её за собой отбрасывать – очень даже удобно. Вот вышло у меня: подземный зверь. Крот называется. Гляди, гляди, а то он сейчас опять под землю уйдёт.

Зарылся Крот в землю – и опять нет никого. Не успел Жаворонок в себя прийти, глядь: бегут по земле руки.

– Это что за акробат? – удивился Жаворонок. – Зачем ему четыре руки?

– А по веткам в лесу прыгать, – сказала Медянка. – Ведь это же Белка-векша.

– Ну, – говорит Жаворонок, – твоя взяла: никого я на земле не узнал. Дай-ка, теперь я тебе загадку загадаю.

– Загадывай, – говорит Медянка.

– Видишь в небе тёмную точку?

– Вижу, – говорит Медянка.

– Отгадай, какие у неё ноги?

– Да ты шутишь! – говорит Медянка. – Где ж мне так высоко ноги разглядеть?

– Какие тут шутки! – рассердился Жаворонок. – Уноси свой хвост подобру-поздорову, пока не сгребли тебя эти когтистые лапы.

Кивнул Медянке на прощанье, вскочил на лапки и улетел.

Кто чем поёт?

Слышишь, какая музыка гремит в лесу?

Слушая её, можно подумать, что все звери, птицы и насекомые родились на свет певцами и музыкантами.

Может быть, так оно и есть: музыку ведь все любят, и петь всем хочется. Только не у каждого голос есть.

Вот послушай, чем и как поют безголосые.

Лягушки на озере начали ещё с ночи.

Надули пузыри за ушами, высунули головы из воды, рты приоткрыли...

– Ква-а-а-а!.. – одним духом пошёл из них воздух.

Услыхал их Аист из деревни. Обрадовался!

– Целый хор! Будет мне чем поживиться!

И полетел на озеро завтракать.

Прилетел и сел на берегу. Сел и думает: «Неужели я хуже лягушки? Поют же они без голоса. Дай-ка и я попробую».

Поднял длинный клюв, застучал, затрещал одной его половинкой о другую, – то тише, то громче, то реже, то чаще: трещотка трещит

деревянная, да и только! Так разошёлся, что и про завтрак свой забыл.

А в камышах стояла Выпь на одной ноге, слушала и думала:

«Безголосая я цапля! Да ведь и Аист – не певчая птичка, а вон какую песню наигрывает».

И придумала: «Дай-ка на воде сыграю!»

Сунула в озеро клюв, набрала полный воды да как дунет в клюв! Пошёл по озеру громкий гул:

– Прумб-бу-бу-бумм!.. – словно бык проревел.

«Вот так песня! – подумал Дятел, услышав Выпь из лесу. – Инструмент-то и у меня найдётся: чем дерево не барабан, а нос мой чем не палочка?»

Задом упёрся, передом откинулся, размахнулся головой – как задолбит носом по суку!

Точь-в-точь – барабанная дробь.

Вылез из-под коры Жук с предлинными усами.

Закрутил, закрутил головой, заскрипела его жёсткая шея, – тоненький-тоненький писк послышался.

Пищит усач, а всё напрасно; никто его писка не слышит. Шею натрудил – зато сам своей песней доволен.

А внизу под деревом из гнезда вылез Шмель и полетел петть на лужок.

Вокруг цветка на лужку кружит, жужжит жилковатыми жёсткими крылышками, словно струна гудит.

Разбудила шмелиная песня зелёную Саранчу в траве.

Стала Саранча скрипочки налаживать. Скрипочки у неё на крылышках, а вместо смычков – длинные задние лапки коленками назад. На крыльях – зазубринки, а на лапках зацепочки.

Трёт себя Саранча лапками по бокам, зазубринками за зацепочки задевает – стрекочет.

Саранчи на лугу много: целый струнный оркестр.

«Эх, – думает Долгоносый Бекас под кочкой, – надо и мне спеть! Только вот чем? Горло у меня не годится, нос не годится, шея не годится, крылышки не годятся, лапки не годятся... Эх! Была не была, – полечу, не смолчу, чем-нибудь да закричу!»

Выскочил из-под кочки, взвился, залетел под самые облака. Хвост раскрыл веером, выпрямил крылышки, перевернулся носом к земле и понёсся вниз, переворачиваясь с бока на бок, как брошенная с высоты дощечка. Головой воздух рассекает, а в хвосте у него тонкие, узкие пёрышки ветром перебирает.

И слышно с земли, будто в вышине барашек запел, заблеял.

А это Бекас.
Отгадай, чем он поёт?
Хвостом!

ХВОСТЫ

Прилетела Муха к Человеку и говорит:

– Ты хозяин над всеми зверями, ты всё можешь сделать. Сделай мне хвост.

– А зачем тебе хвост? – говорит Человек.

– А затем мне хвост, – говорит Муха, – зачем он у всех зверей – для красоты.

– Я таких зверей не знаю, у которых хвост для красоты. А ты и без хвоста хорошо живёшь.

Рассердилась Муха и давай Человеку надоедать: то на сладкое блюдо сядет, то на нос ему перелетит, то у одного уха жужжит, то у другого. Надоела, сил нет! Человек ей и говорит:

– Ну, ладно! Лети ты, Муха, в лес, на реку, в поле. Если найдёшь там зверя, птицу или гада, у которого хвост для красоты только приведён, можешь его хвост себе взять. Я разрешаю.

Обрадовалась Муха и вылетела в окошко.

Летит она садом и видит: по листу Слизняк ползёт. Подлетела Муха к Слизняку и кричит:

– Отдай мне твой хвост, Слизняк! Он у тебя для красоты.

– Что ты, что ты! – говорит Слизняк. – У меня и хвоста-то нет: это ведь брюхо моё. Я его сжимаю да разжимаю, – только так и ползаю. Я – брюхоног.

Муха видит – ошиблась, – и полетела дальше.

Прилетела к речке, а в речке Рыба и Рак – оба с хвостами. Муха к Рыбе:

– Отдай мне твой хвост! Он у тебя для красоты.

– Совсем не для красоты, – отвечает Рыба. – Хвост у меня – руль. Видишь: надо мне направо повернуть – я хвост вправо поворачиваю. Надо налево – я влево хвост кладу. Не могу я тебе свой хвост отдать.

Муха к Раку:

– Отдай мне твой хвост, Рак!

– Не могу отдать, – отвечает Рак. – Ножки у меня слабые, тонкие, я ими грести не могу. А хвост у меня широкий и сильный. Я как шлёпну хвостом по воде, так меня и подбросит. Шлёп, шлёп – и плыву, куда мне надо. Хвост у меня вместо весла.

Полетела Муха дальше. Прилетела в лес, видит: на суку Дятел сидит.

Муха к нему;

– Отдай мне твой хвост, Дятел! Он у тебя для красоты только.

– Вот чудачка! – говорит Дятел. – А как же я деревья-то долбить буду, еду себе искать, гнёзда для детей устраивать?

– А ты носом, – говорит Муха.

– Носом-то носом, – отвечает Дятел, – да ведь и без хвоста не обойдёшься. Вот гляди, как я долблю.

Упёрся Дятел крепким, жёстким своим хвостом в кору, размахнулся всем телом, да как стукнет носом по суку – только щепки полетели!

Муха видит: верно, на хвост Дятел садится, когда долбит, – нельзя ему без хвоста. Хвост ему подпоркой служит. Полетела дальше.

Видит: Оленуха в кустах со своими оленятами. И у Оленухи хвостик – маленький, пушистый, беленький хвостик. Муха как зажужжит:

– Отдай мне твой хвостик, Оленуха!

Оленуха испугалась.

– Что ты, что ты! – говорит. – Если я отдам тебе свой хвостик, так мои оленятки пропадут.

– Оленяткам-то зачем твой хвост? – удивилась Муха.

– А как же, – говорит Оленуха. – Вот погонится за нами Волк. Я в лес кинусь – прятаться. И оленятки за мной. Только им меня не видно между деревьями. А я им белым хвостиком машу, как платочком: сюда бегите, сюда! Они видят – беленькое впереди мелькает, – бегут за мной. Так все и убежим от Волка.

Нечего делать, полетела Муха дальше.

Полетела дальше и увидела Лисицу. Эх, и хвост у Лисицы! Пышный да рыжий, красивый-красивый!

«Ну, – думает Муха, – уж этот-то мой будет». Подлетела к Лисице, кричит:

– Отдавай хвост!

– Что ты. Муха! – отвечает Лисица. – Да без хвоста я пропаду. Погонятся за мной собаки, живо меня, бесхвостую, поймают. А хвостом я их обману.

– Как же ты, – спрашивает Муха, – обманешь их хвостом?

– А как станут меня собаки настигать, я хвостом верть! – хвост вправо, сама влево.

Собаки увидят, что хвост мой вправо метнулся, и кинутся вправо. Да пока разберут, что ошиблись, я уж далёко.

Видит Муха: у всех зверей хвост для дела, нет лишних хвостов ни в лесу, ни в реке. Нечего делать, полетела Муха домой. Сама думает:

«Пристану к Человеку, буду ему надоедать, пока он мне хвост не сделает».

Человек сидел у окошка, смотрел на двор.

Муха ему на нос села. Человек бац себя по носу, а Муха уж ему на лоб пересела. Человек бац по лбу, а Муха уж опять на носу.

– Отстань ты от меня, Муха! – взмолился Человек.

– Не отстану, – жужжит Муха. – Зачем надо мной посмеялся, свободных хвостов искать послал? Я у всех зверей спрашивала – у всех зверей хвост для дела.

Человек видит: не отвязаться ему от мухи – вон какая надоедная! Подумал и говорит:

– Муха, Муха, а вон Корова на дворе. Спроси у неё, зачем ей хвост.

– Ну, ладно, – говорит Муха, – спрошу ещё у Коровы. А если и Корова не отдаст мне хвоста, сживу тебя, Человек, со свету.

Вылетела Муха в окошко, села Корова на спину и давай жужжать, выспрашивать:

– Корова, Корова, зачем тебе хвост? Корова, Корова, зачем тебе хвост?

Корова молчала, молчала, а потом как хлестнёт себя хвостом по спине – и пришлёпнула Муху.

Упала Муха на землю, – дух вон, и ножки кверху. А Человек и говорит из окошка:

– Так тебе, Муха, и надо – не приставай к людям, не приставай к зверям. Надоеда.

Сова

Сидит Старик, чай пьёт. Не пустой пьёт – молоком белит. Летит мимо Сова.

– Здорово, – говорит, – друг!

А Старик ей:

– Ты, Сова, – отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонисься, – какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

– Ладно же, – говорит, – старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, сам лови.

А Старик:

– Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. На стариковом лугу мыши в норах свистят, перекликаются:

– Погляди-ка, кума, не летит ли Сова – отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

– Не видать Совы, не слышать Совы. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худа не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

– А пускай идут, – говорит Старик. – Чай, мыши не волки, не зарежут тёлки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут, землю роют, шмелей ловят. А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

– А пускай летят, – говорит Старик. – Что от них толку: ни мёду, ни воску, – волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок разносить.

– И ветер разнесёт, – говорит Старик, а сам в затылке скребёт.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с цветка на цветок, – не родится клевер на лугу; не по нраву это Старику.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит, – трава, слышишь, без клеверу, что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять; поило лижет, а молоко всё жиже да жиже.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придёшь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит. Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится. Корова без клеверу тощает. Молока у коровы мало. Вот и чай белить Старику нечем стало.

Нечем стало Старику чай белить, – пошёл Старик Сове кланяться:

– Уж ты, Совушка-Вдовушка, меня из беды выручай: нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.

– То-то, – говорит, – старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось.

Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей пугать.

Сова полетела мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливаться.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить – Сову хвалить, к себе в гости звать уваживать.

Лесной колобок – колючий бок

Жили-были старик со старухой – те самые, от которых Колобок укатился. Пошли они в лес. Старик и говорит старухе:

– Глянь-ка, старуха, никак под кустиком-то наш Колобок лежит?

Старик плохо видел, да и у старухи глаза слезились. Наклонилась она поднять Колобок – и наткнись на что-то колючее. Старуха: «Ой!» – а Колобок вскочил на коротенькие ножки и покатил по дорожке.

Катится Колобок по дорожке, – навстречу ему Волк.

– Колобок, Колобок, я тебя съем!

– Не ешь меня, Серый Волк, я тебе песенку спою:

Я лесной Колобок – Колючий Бок!
Я по коробу не скребён,
По сусеку не метён,
На сметане не мешен.
Я под кустиком рос,
Весь колючками оброс,
Я на ощупь нехорош,
Меня голыми руками не возьмёшь!
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
От тебя, Волк, подавно уйду!

Волк рассердился – хватя его лапой. Колючки в лапу впились, – Волку, ой, больно! А Колобок подскочил и покатился по дорожке – только его Волк и видел!

Катится Колобок – навстречу ему Медведь.

– Колобок, Колобок, я тебя съем!

– Где тебе, косолапому, съесть меня!

Я лесной Колобок – Колючий Бок!
Я по коробу не скребён,
По сусеку не метён,
На сметане не мешен.
Я под кустиком рос,

Весь колючками оброс,
Я на вкус нехорош,
Меня в рот не возьмёшь!
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от Волка ушёл,
От тебя, Медведь, подавно уйду!

Медведь разозлился, хотел его в пасть схватить, – губы наколол, – ой, больно! А Колобок опять покатился – только Медведь его и видел!

Катится Колобок – навстречу ему Лиса.

– Колобок, Колобок, куда катишься?

– Качусь по дорожке.

– Колобок. Колобок, спой мне песенку!

Колобок и запел:

Я лесной Колобок – Колючий Бок!
Я по коробу не скребён,
По сусеку не метён,
На сметане не мешен.
Я под кустиком рос,
Весь колючками оброс,
Я кругом нехорош,
Как меня ты возьмёшь?
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от Волка ушёл,
От Медведя ушёл,
От тебя, Лиса, не хитро уйти!

И только было покатился по дорожке – Лиса его тихонечко, одними коготками толк в канаву! Колобок – плюх! – в воду. Мигом развернулся, заработал лапками – поплыл. Тут все и увидели, что это совсем не Колобок, а настоящий лесной ёж.

Росянка – комариная смерть

Летел Комар над прудом и трубил:

Я – Комарище —
Жигать мастерщце.
Носом востёр,
Зол и хитёр,
Все меня боятся:
За всех умею взяться,
Зверя и птицы
Крови напиться.
Недруги ищут
Меня, Комарищу,
А я удал:
Жиг! – и умчал.

Никому меня, Комара, не словить!

Услыхала его Стрекоза и говорит:

– Не хвались, Комар, храбростью да ловкостью. В лесу дремучем на болоте топучем живёт Росянка – Комариная Смерть. Изловит тебя, кровопийцу, Росянка.

– А вот не изловит! – говорит Комар.

Затрубил и полетел в лес.

Прилетел в лес дремучий – видит: сидит на сосне Копалуха. Перо у Копалухи плотное, ноги жёсткие, нос костяной. Поди подступись к ней!

А Комар сел ей на бровь, – где пёрышек нет, изловчился – жиг её в бровь!

Сорвалась Копалуха с сосны, заклохтала, загремела крыльями по лесу!

А Комар увернулся, в сторону метнулся, повыше поднялся – летит, трубит:

– Не словила меня, Комара, Копалуха!

Летит по лесу дремучему, видит: в кустах Грибник пробирается, суковатым батожком подпирается, картузом от мошки отбивается. На теле у Грибника рубаха, на ногах – штаны, а внизу – сапоги. Поди подступись к нему!

Комар сел ему на нос, – где на коже нет одёжи, – изловчился – жиг его в нос!

Вскрикнул Грибник, замахал батожком, грибы выронил. А Комар увернулся, в сторону метнулся, повыше поднялся – летит, трубит:

– Не словил меня, Комара, Грибник!

Летит по лесу дремучему, видит: из чащи Сохатый прёт, бородой трясёт, рогами дерева задевает, ногами бурелом сокрушает. Всё тело Сохатого длинной шерстью поросло, а рога да копыта костяные. Поди-ка к нему подступись!

А Комар подлетел, на веко ему – где шерсть коротка – сел – жиг в глаз!

Взревел Сохатый, рогом дерево с корнем вырвал, копытами землю взрыл.

А Комар увернулся, в сторону метнулся, повыше поднялся – летит, трубит:

– Не словил меня, Комара, Сохатый!

Летел-летел, глядит: среди леса дремучего болото топучее. Никого на болоте нет, только мох кругом, а во мху малая Травинка растёт.

Спустился Комар на болото, сел на Травинку.

Спрашивает Травинку:

– Уж не ты ли Росянка – Комариная Смерть?

Отвечает Травинка сладким голоском:

– Погляди, Комар, на мои цветочки.

Поглядел Комар на цветочки. Белые цветочки в зелёных колокольчиках. Солнце за тучку – цветочки в колокольчики. Солнце из тучки – и цветочки выглянут.

Говорит Комар Травинке:

– Хороши у тебя цветочки! А не видала ты Росянки – Комариной Смерти?

Говорит Травинка сладким-пресладким голоском:

– Погляди, Комар, на мой колосок...

Поглядел Комар на колосок.

Колосок прямой, зелёный, стройненький. Говорит Комар Травинке:

– Ничего себе колосок. А не слыхала ты про Росянку – Комариною Смерть?

Говорит Травинка приторным голоском:

– Погляди, Комар, на мои листочки!

Поглядел Комар на листочки. Круглые листочки лежат на земле, по краям их частые булабочки, на булабочках медвяная роса капельками.

Как увидел Комар те капельки – сразу пить захотел. Слетел на листок,

опустил в каплю носок, стал росу медвяную пить.

Летела мимо Стрекоза, увидала Комара на листке и говорит:

– Попался Комар Росянке!

Хотел Комар крыльями взмахнуть – крылья к листку пристали; хотел ногами шагнуть – ноги увязли; хотел нос вытащить – нос прилип!

Изогнулись гибкие булабочки, вонзились в комариное тело, прижали Комара к листку – и выпила Росянка комариную кровь, как пил Комар кровь звериную, птичью и человечесью.

Тут Комару и смерть пришла.

А Росянка и по сей день на болоте живёт и других комаров к себе ждёт.

Мастера без топора

Загадали мне загадку: «Без рук, без топорёнка построена избёнка». Что такое?

Оказывается, – птичье гнездо.

Поглядел я – верно! Вот сорочье гнездо, как из брёвен, всё из сучьев сложено; пол глиной вымазан, соложкой устлан; посередине вход; крыша из веток. Чем не избёнка? А топора Сорока никогда и в лапках не держала.

Крепко тут пожалел я птицу: трудно, ох как трудно, поди, им, горемычным, свои жилища без рук, без топорёнка строить! Стал я думать: как тут быть, как их горю пособить?

Рук им не приделаешь.

А вот топор... Топорёнок для них достать можно.

Достал я топорёнок, побежал в сад.

Глядь – Козодой-Полуночник на земле между кочек сидит. Я к нему:

– Козодой, Козодой, трудно тебе гнёзда вить без рук, без топорёнка?

– А я и не вью гнёзда! – говорит Козодой. – Глянь, где яйца высиживаю.

Вспорхнул Козодой, – а под ним ямка между кочек. А в ямке два красивых мраморных яичка лежат.

«Ну, – думаю про себя, – этому ни рук, ни топорёнка не надо. Сумел и без них устроиться».

Побежал дальше.

Выбежал на речку. Глядь – там по веткам, по кусточкам Ремез-Синичка скачет, тоненьким своим носиком с ивы пух собирает.

– На что тебе пух, Ремез? – спрашиваю.

– Гнездо из него делаю, – говорит. – Гнездо у меня пуховое, мягкое, – что твоя варезка.

«Ну, – думаю про себя, – этому топорёнок тоже ни к чему – пух собирать...»

Побежал дальше.

Прибежал к дому. Глядь – над коньком Ласточка-Касаточка хлопочет – гнёздышко лепит. Носиком глинку приминает, носиком её на речке колукает, носиком носит.

«Ну, – думаю, – и тут мой топорёнок ни при чём. И показывать его не стоит».

Побежал дальше.

Прибежал в рощу. Глядь – там на ёлке Певчего Дрозда гнездо. Загляденье, что за гнёздышко! Снаружи всё зелёным мхом украшено, внутри – как чашечка гладкое.

– Ты как такое себе гнёздышко смастерил? – спрашиваю. – Чем его внутри так хорошо отделал?

– Лапками да носом мастерил, – отвечает Певчий Дрозд. – Внутри всё цементом обмазал – из древесной трухи со слюной со своей.

«Ну, – думаю, – опять я не туда попал. Надо таких искать птиц, что плотничают».

И слышу: «Тук-тук-тук-тук! Тук-тук-тук-тук!» – из лесу.

Я туда. А там Дятел.

Сидит на берёзе и плотничает, дупло себе делает – детей выводить.

Я к нему:

– Дятел, Дятел, стой носом тукать! Давно, поди, голова разболелась. Гляди, какой я тебе инструмент принёс: настоящий топорёнок!

Поглядел Дятел на топорёнок и говорит:

– Спасибо, только мне твой инструмент ни к чему. Мне и так плотничать ладно: лапками держусь, на хвост обопрюсь, пополам согнусь, головой размахнусь – носом ка-ак стукну! Только щепки летят да труха!

Смутил меня Дятел: птицы-то, видно, все мастера без топора.

Тут увидел я гнездо Орла. Большущая куча толстых сучьев на самой высокой сосне в лесу.

«Вот, – думаю, – кому топор-то нужен: сучья рубить!»

Подбежал к той сосне, кричу:

– Орёл, Орёл! А я тебе топорёнок принёс!

Разнял Орёл крылья и клекочет:

– Вот спасибо, парнишка! Кинь свой топорёнок в кучу. Я сучков на него ещё навалю – прочная будет постройка, доброе гнездо.

Красная горка

Чик был молодой красноголовый воробей. Когда ему исполнился год от рождения, он женился на Чирике и решил зажить своим домиком.

– Чик, – сказала Чирика на воробьином языке, – Чик, а где же мы устроим себе гнездо? Ведь все дупла в нашем саду уже заняты.

– Эка штука! – ответил Чик, тоже, конечно, по-воробьиному. – Ну, выгоним соседей из дому и займём их дупло.

Он очень любил драться и обрадовался такому удобному случаю показать Чирике свою удаль. И, раньше чем робкая Чирика успела его остановить, он сорвался с ветки и помчался к большой рябине с дуплом. Там жил его сосед – такой же молодой воробей, как Чик.

Хозяина около дома не было.

«Заберусь в дупло, – решил Чик, – а когда прилетит хозяин, буду кричать, что он хочет отбить у меня дом. Слетятся старики – и вот зададим соседу!»

Он и забыл совсем, что сосед женат и жена его уже пятый день мастерит гнездо в дупле.

Только Чик просунул в дырку голову, – рраз! – кто-то больно щёлкнул его по носу. Пискнул Чик и отскочил от дупла. А сзади уже мчался на него сосед. С криком сшиблись они в воздухе, упали на землю, сцепились и покатались в канаву.

Чик дрался на славу, и соседу его приходилось уже плохо. Но на шум драки со всего сада слетелись старики воробьи. Они сейчас же разобрали, кто прав, кто виноват, и задали Чикю такую встрёпку, что он не помнил, как и вырвался от них.

В себя пришёл Чик в каких-то кустах, где прежде ему никогда не случалось бывать. Все косточки у него ныли.

Рядом с ним сидела перепуганная Чирика.

– Чик! – сказала она так грустно, что он, верно бы, расплакался, если б только воробьи умели плакать. – Чик, мы теперь никогда больше не вернёмся в родной сад! Где мы выведем теперь детей?

Чик и сам понимал, что ему нельзя больше попадаться на глаза старикам воробьям: они забьют его насмерть. Всё-таки он не хотел показать Чирике, что трусит. Поправил клювом свои растрёпанные пёрышки, немножко отдышался и сказал беспечно:

– Эка штука! Найдём себе другое место, ещё получше.

И они отправились куда глаза глядят – искать себе новое место для житья.

Только вылетели они из кустов, как очутились на берегу весёлой голубой реки. За рекой поднималась высокая-высокая гора из красной глины и песка. Под самой вершиной обрыва виднелось множество дырок и норок. У больших дырок сидели парочками галки и рыжие соколки-пустельги; из маленьких норок то и дело вылетали быстрые ласточки-береговушки. Целая стая их лёгкой тучкой носилась над обрывом.

– Смотри, как у них весело! – сказала Чирика. – Давай и мы устроим себе гнездо на Красной горке.

Чик с опаской поглядел на соколов и галок. Он думал: «Хорошо береговушкам: они сами копают себе норки в песке. А мне чужое гнездо отбивать?» И снова у него заныли сразу все косточки.

– Нет, – сказал он, – тут мне не нравится: такой шум, прямо оглохнуть можно.

И они полетели дальше.

Дальше была роща, а за рощей – домик с дощатым сараем.

Чик и Чирика опустились на крышу сарая. Чик сразу заметил, что тут нет ни воробьёв, ни ласточек.

– Вот где житьё-то! – радостно сказал он Чирике. – Гляди, сколько разбросано по двору зерна и крошек. Мы будем тут одни и никого к себе не пустим.

– Чш! – шикнула Чирика. – Смотри, какое страшилище там, на крыльце.

И правда: на крыльце спал толстый Рыжий Кот.

– Эка штука! – храбро сказал Чик. – Что он нам сделает? Гляди, вот как я его сейчас!..

Он слетел с крыши и так стремительно понёсся на Кота, что Чирика даже вскрикнула.

Но Чик ловко подхватил у Кота из-под носа хлебную крошку и – раз-раз! – опять уже был на крыше.

Кот даже не шевельнулся, только приоткрыл один глаз и зорко поглядел на забияку.

– Видела? – хвастал Чик. – А ты боишься!

Чирика не стала с ним спорить, и оба принялись искать удобное место для гнезда.

Выбрали широкую щель под крышей сарая. Сюда принялись они таскать сначала солому, потом конский волос, пух и перья.

Не прошло и недели, как Чирика положила в гнездо первое яичко –

маленькое, всё в розовато-бурых пестринках. Чик был так рад ему, что сложил даже песенку в честь своей жены и себя самого:

Чирик, Чик-чик,
Чирик, Чик-чик,
Чики-чики-чики-чики,
Чики, Чик, Чирик!

Песенка эта решительно ничего не значила, зато её так удобно было распевать, прыгая по забору.

Когда в гнезде стало шесть яичек, Чирика села их высидывать.

Чик полетел собирать для неё червячков и мух, потому что теперь её надо было кормить нежной пищей. Он замешкался немного, и Чирике захотелось поглядеть, где он.

Только она высунула нос из щели, как с крыши протянулась за ней рыжая лапа с растопыренными когтями. Рванулась Чирика – и целый пучок перьев оставила в когтях у Кота. Ещё чуть-чуть – и была бы её песенка спета.

Кот проводил её глазами, запустил в щель лапу и выволок разом всё гнездо – целый ком соломы, перьев и пуха. Напрасно кричала Чирика, напрасно подоспевший Чик смело кидался на Кота, – никто не пришёл им на помощь. Рыжий разбойник преспокойно съел все шесть их драгоценных яичек. Ветер поднял пустое лёгкое гнездо и скинул его с крыши на землю.

В тот же день воробьи навсегда покинули сарай и переселились в рощу, подальше от Рыжего Кота.

В роще им скоро посчастливилось найти свободное дупло. Они снова принялись таскать солому и целую неделю трудились, строили гнездо.

В соседях у них жили толстоклювый Зяблик с Зяблихой, пёстрый Мухолов с Мухоловкой и франтоватый Щегол со Щеглихой. У каждой пары был свой дом, пищи хватало всем, но Чик успел уже подраться с соседями – просто так, чтобы показать им, какой он храбрый и сильный.

Только Зяблик оказался посильней его и хорошо потрепал забияку. Тогда Чик стал осторожней. Он уже не лез в драку, а только топорилил перья и задиристо чирикал, когда мимо пролетал кто-нибудь из соседей. За это соседи на него не сердились: они и сами любили похвастать перед другими своей силой и удалью.

Жили спокойно, пока вдруг не стряслась беда.

Первый поднял тревогу Зяблик. Он жил дальше других от воробьёв, но

Чик услышал его громкое тревожное: рюм-пиньк-пиньк! рюм-пиньк-пиньк!
– Скорей, скорей! – крикнул Чик Чирике. – Слышишь: Зяблик запинькал – опасность!

И правда: кто-то страшный к ним приближался. После Зяблика закричал Щегол, а там и Пёстрый Мухолов. Мухолов жил всего за четыре дерева от воробьёв. Если уж он увидел врага, значит, враг был совсем близко.

Чирика вылетела из дупла и села на ветку рядом с Чиком. Соседи предупредили их об опасности, и они приготовились встретить её лицом к лицу.

В кустах мелькнула пушистая рыжая шерсть, и лютый враг их – Кот – вышел на открытое место. Он видел, что соседи уже выдали его воробьям и ему теперь не поймать Чирику в гнезде. Он злился.

Вдруг кончик его хвоста зашевелился в траве, глаза прищурились: Кот увидел дупло. Что же, ведь с полдюжины воробьиных яиц – неплохой завтрак! И Кот облизнулся. Он вскарабкался на дерево и запустил в дупло лапу.

Чик и Чирика подняли крик на всю рощу. Но и тут никто не пришёл к ним на помощь. Соседи сидели по своим местам и громко кричали от страха. Каждая пара боялась за свой дом.

Кот зацепил когтями гнездо и вытащил его из дупла.

Но в этот раз он пришёл слишком рано: яиц в гнезде не оказалось, сколько он ни искал.

Тогда он кинул гнездо и сам спустился на землю. Воробьи провожали его криком.

У самых кустов Кот остановился и обернулся к ним с таким видом, точно хотел сказать:

«Погодите, миленькие, погодите! Никуда вы от меня не денетесь! Устраивайте себе новое гнездо, где хотите, выводите птенцов, а я приду и слопаю их, да и вас заодно».

И он так грозно фыркнул, что Чирика вздрогнула от страха.

Кот ушёл, а Чик с Чирикой остались горевать у разорённого гнезда.

Наконец Чирика сказала:

– Чик, ведь через несколько дней у меня непременно будет новое яичко. Летим скорей, найдём себе местечко где-нибудь за рекой. Там уж Кот не достанет нас.

Она и не знала, что через реку есть мост и что Кот частенько хаживает по этому мосту. Чик этого тоже не знал.

– Летим, – согласился он.

И они полетели.

Скоро очутились они под самой Красной горкой.

– К нам, к нам летите! – кричали им береговушки на своём, на ласточкином, языке. – У нас на Красной горке жизнь дружное, весёлое.

– Да, – крикнул им Чик, – а сами драться будете!

– Зачем нам драться? – отвечали береговушки. – У нас над рекой мошек на всех хватает, у нас на Красной горке пустых норок много – выбирай любую.

– А пустельги? А галки? – не унимался Чик.

– Пустельги ловят себе в полях кузнечиков и мышей. Нас они не трогают. Мы все в дружбе.

И Чирика сказала:

– Летали мы с тобой, Чик, летали, а краше этого места не видели. Давай тут жить.

– Что ж, – сдался Чик, – раз норки у них есть свободные и драться никто не будет, можно попробовать.

Подлетели они к горе, и верно: ни пустельги их не тронули, ни галки.

Стали норку себе по вкусу выбирать: чтобы и не очень глубокая была, и вход пошире. Нашлись такие две рядом.

В одной они гнездо выстроили, и Чирика высиживать села, в другой Чик ночевал.

У береговушек, у галок, у соколов – у всех давно уже вывелись птенцы. Одна Чирика терпеливо сидела в тёмной своей норке. Чик с утра до ночи таскал ей туда пищу.

Прошло две недели. Рыжий Кот не показывался. Воробьи уж и забыли о нём.

Чик с нетерпением ждал птенцов. Каждый раз, как притаскивал он Чирике червяка или муху, он спрашивал её:

– Тукают?

– Нет ещё, не тукают.

– А скоро будут?

– Скоро, скоро, – терпеливо отвечала Чирика.

Однажды утром Чирика позвала его из норки:

– Лети скорей: один тукнул!

Чик сейчас же примчался в гнездо. Тут он услышал, как в одном яйце птенчик чуть слышно тукал в скорлупу слабым клювиком. Чирика осторожно помогла ему: надломить скорлупку в разных местах.

Прошло несколько минут, и птенчик показался из яйца – крошечный, голый, слепой. На тоненькой-тоненькой шейке моталась большая голая

голова.

– Да какой он смешной! – удивился Чик.

– Совсем не смешной! – обиделась Чирика. – Очень хорошенький птенчик. А тебе нечего тут делать, бери вот скорлупки да закинь их куда-нибудь подальше от гнезда.

Пока Чик относил скорлупки, выклевался второй птенчик и начал постукивать третий.

Вот тут-то и началась тревога на Красной горке.

Из своей норки воробьи слышали, как пронзительно вдруг закричали ласточки.

Чик выскочил наружу и сейчас же вернулся с известием, что Рыжий Кот карабкается по обрыву.

– Он видел меня! – кричал Чик. – Он сейчас будет здесь и вытащит нас вместе с птенцами.

Скорей, скорей летим прочь отсюда!

– Нет, – грустно ответила Чирика. – Никуда я не полечу от маленьких моих птенчиков. Пусть будет, что будет.

И сколько ни звал Чик, она и с места не тронулась.

Тогда Чик вылетел из норки и стал, как сумасшедший, кидаться на Кота. А Кот лез и лез по обрыву. Тучей вились над ним ласточки, с криком летели на выручку к ним галки и пустельги.

Кот быстро вскарабкался вверх и уцепился лапой за край норки. Теперь ему оставалось только просунуть другую лапу за гнездом и вытащить его вместе с Чирикой, птенцами и яйцами.

Но в эту минуту одна пустельга клюнула его в хвост, другая – в голову, а две галки ударили в спину.

Кот зашипел от боли, повернулся и хотел схватить птиц передними лапами. Но птицы увернулись, и он кубарем покатился вниз. Ему не за что было уцепиться: песок сыпался вместе с ним, и чем дальше, тем скорей, чем дальше, тем скорей.

Птицам стало уже не видно, где Кот; с обрыва несло только облако красной пыли. Плюх! – и облако остановилось над водой.

Когда оно рассеялось, птицы увидели мокрую кошачью голову посредине реки. Сзади на крыльях поспевал Чик и клевал Кота в затылок.

Кот переплыл реку и выбрался на берег. Чик и тут от него не отстал. Кот был так напуган, что не посмел схватить его, задрал мокрый хвост и галопом помчался домой.

С той поры ни разу не видели на Красной горке Рыжего Кота.

Чирика спокойно вывела шестерых птенцов, а немного погодя и ещё

шестерых, и все они остались жить в свободных ласточкиных гнёздах.

А Чик перестал задира́ть соседей и крепко подружился с ласточками.

Приключения муравьишки

Залез Муравей на берёзу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

«Отдохну немножко – и вниз».

У муравьёв ведь строго: только солнышко на закат – все домой бегут. Сядет солнце, – муравьи все ходы и выходы закроют – и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: жёлтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несётся листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается – чуть жив от страха.

Занёс ветер листок на луг за деревней, да там и бросил. Листок упал на камень, Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает:

«Пропала моя головушка. Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров – сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-Землемер лежит. Червяк червяком, только спереди – ножки и сзади – ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

– Землемер, Землемер, снеси меня домой!

У меня ножки болят.

– А кусаться не будешь?

– Кусаться не буду.

– Ну садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спинку к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост – к голове. Потом вдруг встал во весь рост, да так и лёг на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нём росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошёл, так и пошёл землю мерить. Муравьишка то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

– Не могу больше! – кричит. – Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле

отдышался. Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги, как ходули, между ног голова качается.

– Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять – одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у Муравьишки замелькали. А идёт Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук.

– Слезай, – говорит. – Вот Жужелица бежит, она резвей меня.

Слез Муравьишка.

– Жужелка, Жужелка, снеси меня домой!

У меня ножки болят.

– Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у неё ровные, как у коня.

Бежит шестиногий конь, бежит, не трясёт, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

– А теперь слезай, – говорит Жужелица. – Не с моими ногами по картофельным грядкам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишки – лес густой. Тут и со здоровыми ногами – целый день бежать. А солнце уже низко.

Вдруг слышит Муравьишка: пищит кто-то:

– А ну, Муравей, полезай ко мне на спину, поскачем.

Обернулся Муравьишка – стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

– Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

– А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился Муравей на спине у Блошака. Только-только ножки поставил.

– Влез?

– Ну влез.

– А влез, так держись.

Большачок подобрал под себя толстые задние ножки, – а они у него, как пружинки складные, – да щёлк! – распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щёлк! – на другой. Щёлк! – на третьей.

Так весь огород и отщёлкал до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

– А через забор можешь?

– Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнечика попроси: он может.

– Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой!

У меня ножки болят.

– Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечику на загривок. Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустились на землю.

– Стоп! – сказал Кузнечик. – Приехали.

Муравьишка глядит вперёд, а там река: год ей плыви – не переплывёшь.

А солнце ещё ниже.

Кузнечик говорит:

– Через реку и мне не перескочить: очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрепал по-своему, глядь – бежит по воде лодочка на ножках.

Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка-Клоп.

– Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Ладно, садись, перевезу.

Сел Муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху. А солнце уж совсем низко.

– Миленький, шибче! – просит Муравьишка. – Меня домой не пустят.

– Можно и пошибче, – говорит Водомер.

Да как припустит! Оттолкнётся, оттолкнётся ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

– А по земле не можешь? – спрашивает Муравьишка.

– По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперёд и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке домой!

– Гляди, – говорит Водомер, – вот тебе и конь ползёт.

Видит Муравьишка: ползёт мимо Майский Хрущ – тяжёлый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко ускачешь? Всё-таки послушался Водомера.

– Хрущ, Хрущ, снеси меня домой. У меня ножки болят.

– А ты где живёшь?

– В муравейнике за лесом.

– Далеконько... Ну что с тобой делать? Садись, довезу.

Полез Муравьишка по жёсткому жучьему боку.

– Сел, что ли?

– Сел.

– А куда сел?

– На спину.

– Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишка Жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жёстких крыла приподнял. Крылья у Жука точно два перевёрнутые корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться: «Уф, уф, уф!» Будто мотор заводит.

– Дяденька, – просит Муравьишка, – поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит:

– Уф, уф, уф!

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали.

– Жжж! Тук-тук-тук!.. – поднялся Хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх – выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ – у Муравьишки даже дух захватило.

– Жжж! Тук-тук-тук! – несётся Жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес – и пропал.

А вот и берёза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной берёзы выключил Жук мотор и – шлёп! – сел на сук.

– Дяденька, миленький! – взмолился Муравьишка. – А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жёсткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

– А уж как тебе вниз спуститься – не знаю.

Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь.

Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишка вниз, а там под самой берёзой его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло. Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья.

Не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке Гусеница-Листовёртка сидит, шёлковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

– Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась, – не пустят меня домой ночевать.

– Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

– Все меня жалели, никто не гнал, ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на неё, да как куснёт!

С перепугу Гусеница лапки поджала, да кувырк с листа – и полетела вниз.

А Муравьишка на ней висит – крепко вцепился. Только недолго они падали: что-то их сверху – дёрг!

И закачались они оба на шёлковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у Листовёртки из брюшка, тянется, не рвётся.

Муравьишка с Листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются. А внизу, в муравейнике, муравьи хлопчут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли – один, последний, вход остался. Муравьишка с Гусеницы кувырк – и домой!

Тут и солнышко зашло.

Как Лис Ежа Перехитрил

Жил в лесу Лис. Хитрый-прехитрый – всех проведёт и обманет. Уж на что Ёж мастер защищаться. На нём тулуп – куда как хорош, – Ежа и руками не возьмёшь. А Лис схитрил и взял.

* * *

Вот идёт Ёж по лесу, похрюкивает, ножками-коротышками по корешкам постукивает.

Лис на него.

Ёж брык! – и стал шариком. Поди-ка, сунься к нему, – кругом колючки.

Лис обошёл его кругом, вздохнул и говорит:

– Ну, раз ты теперь шарик, надо тебя покатать.

И лапой – осторожно, одними когтями, – покатил его по земле.

Ёж – тук-тук-тук-фык! – сердится. А сделать ничего не может: развернись только – разом Лис зубами схватит!

– Катись, катись, шарик, – Лис говорит.

И вкатил его на горку.

Ёж – тук-тук-тук-фык-фык! – сердится, а сделать ничего не может.

– Катись, шарик, под горку, – Лис говорит.

И столкнул его вниз.

А внизу под горкой яма была. А в яме-то – вода.

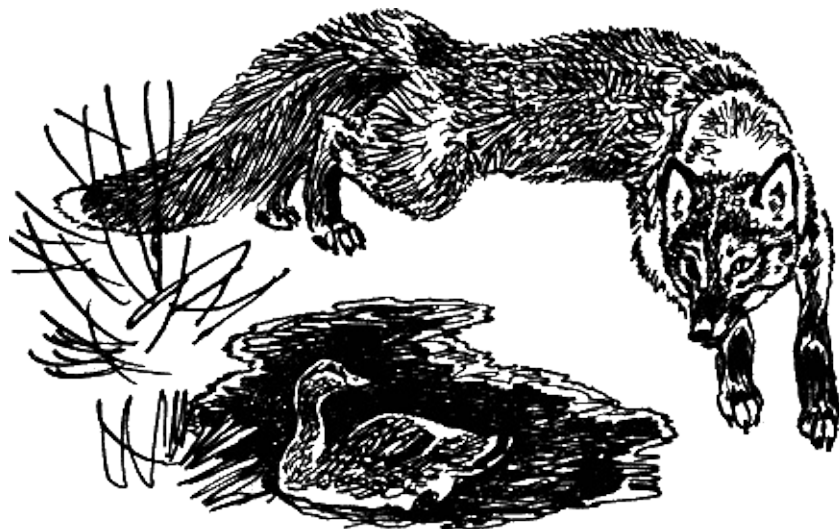
Ёж – тук-тук-тук, фык-фык-фык! – да бух в яму!

Тут уж, хочешь не хочешь, пришлось ему развернуться и к берегу вплавь пуститься.

А Лис уж тут как тут – и хватить его из-под низу за пузечко!

Только Ежа и видели.

Хитрый Лис и умная Уточка

Осень. Хитрый Лис думает:

«Утки в отлёт собрались. Дай-ка схожу на речку – утятинкой раздобудусь».

Подкрался из-за куста, видит: правда, целая стая уток у берега. Одна Уточка стоит под самым кустом, лапкой перья в крыле перебирает.

Лис хватить её за крыло!

Со всех силёнок рванулась Уточка. Оставила перья у Лиса в зубах.

«Ах ты!.. – Лис думает. – Вырвалась как...»

Стая всполошилась, поднялась на крыло и улетела.

А эта Уточка не могла с ней: крыло сломано, перья вырваны. Она спряталась в камышах, подальше от берега.

Ушёл Лис ни с чем.

* * *

Зима. Хитрый Лис думает:

«Замёрзло озеро. Теперь Уточка моя, никуда от меня не денется: по снегу куда ни пойдёт, – наследит, – по следу её и найду».

Пришёл на речку, – верно: лапки с перепонками наследили на снегу у берега. А сама Уточка под тем же кустом сидит, распушилась вся.

Тут ключ из-под земли бьёт, не даёт льду намёрзнуть, – тёплая

полынья, и пар от неё идёт.

Кинулся Лис на Уточку, а Уточка – нырк от него! – и ушла под лёд.

«Ах ты!.. – Лис думает. – Утопилась ведь...»

Ушёл ни с чем.

* * *

Весна. Хитрый Лис думает: «Тает лёд на речке. Пойду мёрзлой утятинкой полакомлюсь».

Пришёл, а Уточка плавает под кустом, – жива, здоровёхонька!

Она тогда нырнула под лёд и выскочила в полынью, – под другим берегом: там тоже ключ был.

Так всю зиму и прожила.

«Ах ты!.. – Лис думает. – Стой же, сейчас за тобой в воду кинусь...»

– Зря, зря, зря! – закрикала Уточка.

Порх с воды и улетела.

За зиму-то у неё крыло зажило и новые пёрышки отросли.

Теремок

Стоял в лесу дуб. Толстый-претолстый, старый-престарый.

Прилетел Дятел пёстрый, шапка красная, нос вострый.

По стволу скок-поскок, носом стук-постук – выстукал, выслушал и давай дырку долбить. Долбил-долбил, долбил-долбил – выдолбил глубокое дупло. Лето в нём пожил, детей вывел и улетел.

Миновала зима, опять лето пришло.

Узнал про то дупло Скворец. Прилетел. Видит – дуб, в дубу – дырка. Чем Скворцу не теремок?

Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

Никто из дупла не отвечает, пустой стоит терем.

Натаскал Скворец в дупло сена да соломы, стал в дупле жить, детей выводить.

Год живёт, другой живёт – сохнет старый дуб, крошится; больше дупло, шире дыра.

На третий год узнал про то дупло желтоглазый Сыч.

Прилетел. Видит – дуб, в дубу – дырка с кошачью голову. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос вострый, теперь я живу – Скворец, первый в роще певец. А ты кто?

– Я Сыч. Попадёшь мне в когти – не хнычь. Ночью прилечу – цоп! – и проглочу. Ступай-ка из терема вон, пока цел!

Испугался Скворец Сыча, улетел.

Ничего не натаскал Сыч, стал так в дупле жить: на своих пёрышках.

Год живёт, другой живёт – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло Белка. Прискакала. Видит – дуб, в дубу – дырка с собачью голову. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос вострый, жил Скворец – первый в роще певец, теперь я живу – Сыч. Попадёшь мне в когти – не хнычь. А ты кто?

– Я Белка – по веткам скакала, по дуплам сидела. У меня зубы долги, остры, как иголки. Ступай из терема вон, пока цел!

Испугался Сыч Белки, улетел.

Натаскала Белка моху, стала в дупле жить.

Год живёт, другой живёт – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло Куница. Прибежала, видит – дуб, в дубу – дыра с человечью голову. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос вострый, жил Скворец – первый в роще певец, жил Сыч – попадёшь ему в когти – не хнычь, теперь я живу – Белка – по веткам скакалка, по дуплам сиделка. А ты кто?

– Я Куница – всех мелких зверей убийца. Я страшней Хоря, со мной не спорь зря. Ступай-ка из терема вон, пока цела.

Испугалась Белка Куницы, ускакала.

Ничего не натаскала Куница, стала так в дупле жить: на своей шёрстке.

Год живёт, другой живёт – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнали про то дупло пчёлы. Прилетели. Видят – дуб, в дубу – дыра с лошадиную голову. Кружат, жужжат, спрашивают:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос вострый, жил Скворец – первый в роще певец, жил Сыч – попадёшь к нему в когти – не хнычь, жила Белка – по веткам скакалка, по дуплам сиделка, теперь я живу – Куница – всех мелких зверей убийца. А вы кто?

– Мы пчелиный рой – друг за дружку горой. Кружим, жужжим, жалим, грозим большим и малым. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась Куница пчёл, убежала.

Натаскали пчёлы воску, стали в дупле жить. Год живут, другой живут – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнал про то дупло Медведь. Пришёл. Видит – дуб, в дубу – дырища в целое окнище. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос вострый, жил Скворец – первый в роще певец, жил Сыч – попадёшь ему в когти – не хнычь, жила Белка – по веткам скакалка, по дуплам сиделка, жила Куница – всех малых зверей убийца, теперь мы живём – пчелиный рой – друг за дружку горой. А ты кто?

– А я Медведь, Мишка, вашему терему крышка! Влез на дуб, просунул голову в дупло, да как нажал!

Дуб-то пополам и расселся, а из него – считай-ка сколько лет копилось: шерсти,

. да сена,

. . да воску,

. . . да моху,

. . . . да пуху,

. да перьев,
. да пыли —
. да пх-х-х!..
Теремка-то и не стало.

Кукушонок

Кукушка сидела на берёзе среди рощи.

Вокруг неё то и дело мелькали крылья. Птицы хлопотливо сновали между деревьями, высматривали уютные уголки, таскали пёрышки, мох, траву.

Скоро должны были появиться на свет маленькие птенчики. Птицы заботились о них. Они спешили – вили, строили, лепили.

А у Кукушки была своя забота. Она ведь не умеет ни гнёзд вить, ни птенцов воспитывать. Она сидела и думала:

«Вот посижу здесь и погляжу на птиц. Кто лучше всех себе гнездо выстроит, той и подкину своё яйцо».

И Кукушка следила за птицами, спрятавшись в густой листве. Птицы не замечали её.

Трясогузка, Конёк и Пеночка выстроили себе гнёзда на земле. Они так хорошо спрятали их в траве, что даже в двух шагах нельзя было заметить гнезда.

Кукушка подумала:

«Эти гнёзда ловко спрятаны! Да вдруг придёт Корова, нечаянно наступит на гнездо и раздавит моего птенца. Не подкину своего яйца ни Трясогузке, ни Коньку, ни Пеночке».

И стала высматривать новые гнёзда.

Соловей и Славка свили гнёзда в кустах.

Кукушке понравились их гнёзда. Да тут прилетела вороватая Сойка с

голубыми перьями на крыльях. Все птицы кинулись к ней и старались прогнать её от своих гнёзд.

Кукушка подумала:

«Сойка всякое гнездо разыщет, даже гнёзда Соловья и Славки. И утащит моего птенчика. Куда же мне подбросить своё яйцо?»

Тут на глаза Кукушке попала маленькая Мухоловка-Пеструшка. Она вылетела из дупла старой липы и полетела помогать птицам прогонять Сойку.

«Вот отличное гнездо для моего птенца! – подумала Кукушка. – В дупле его Корова не раздавит и Сойка не достанет. Подкину своё яйцо Пеструшке!»

Пока Пеструшка гонялась за Сойкой, Кукушка слетела с берёзы и снесла яйцо прямо на землю. Потом схватила его в клюв, подлетела к липе, просунула голову в дупло и осторожно опустила яйцо в Пеструшкино гнездо.

Кукушка была очень рада, что пристроила, наконец, своего птенца в надёжное место.

«Вот какая я ловкая! – думала она улетая. – Не всякая Кукушка догадается подкинуть своё яйцо Пеструшке в дупло».

Птицы прогнали Сойку из рощи, и Пеструшка вернулась в своё дупло. Она и не заметила, что в гнезде прибавилось одно лишнее яйцо. Новое яйцо было почти такое же маленькое, как любое из её четырёх яиц. Ей надо бы пересчитать их, но маленькая Пеструшка не умела считать даже до трёх. Она спокойно уселась высидывать птенцов.

Высидывать пришлось долго, целые две недели. Но Пеструшка не скучала.

Она любила сидеть в своём дупле. Дупло было не широкое, не глубокое, но очень уютное. Пеструшке больше всего нравилось, что вход в него был совсем узенький. Она сама с трудом в него пролезала. Зато она была спокойна, что никто не заберётся в её гнездо, когда она будет улетать за кормом для своих птенцов.

Когда Пеструшке хотелось есть, она звала своего мужа – пёстрога Мухолова. Мухолов прилетал и садился на её место. Он терпеливо дождался, пока Пеструшка досыта наестся бабочек, комаров и мух. А когда она возвращалась, он взлетал на ветку, как раз против дупла, и весело распевал:

– Тц! Крути, крути! Крути, крути! – При этом он быстро крутил своим прямым чёрным хвостом и потряхивал пёстрыми крыльшками.

Коротенькая была у него песня, но Пеструшка слушала её всегда с

удовольствием.

Наконец Пеструшка почувствовала, будто кто-то шевелится под ней! Это был первый птенчик – голый, слепой. Он барахтался среди скорлупок яйца. Пеструшка сейчас же унесла скорлупки из гнезда.

Скоро появились на свет ещё три птенчика. Теперь Пеструшке и Мухолову прибавилось хлопот. Надо было кормить четырёх и высидывать пятое яйцо.

Так прошло несколько дней. Четыре птенчика подросли и покрылись пушком.

Тут только вышел из яйца пятый птенец. У него была очень толстая голова, большущий рот, покрытые кожицей глаза навывкате. И весь он был какой-то жилистый, нескладный.

Мухолов сказал:

– Не нравится мне что-то этот уродец. Давай выкинем его из гнезда!

– Что ты! Что ты! – испугалась Пеструшка. – Не виноват же он, что таким родился.

С этой минуты у Мухолова и Пеструшки не стало отдыха. До ночи таскали птенцам корм и убирали за ними в гнезде. Всех больше ел пятый птенец.

А на третий день случилось несчастье.

Мухолов и Пеструшка улетели за кормом. А когда прилетели, увидели двух своих пушистых птенчиков на земле под липой. Они ударились головой о корень и разбились насмерть.

Но как они могли выпасть из дупла?

Пеструшке и Мухолову некогда было горевать и раздумывать. Оставшиеся птенцы громко кричали от голода. Всех громче кричал уродец.

Пеструшка и Мухолов по очереди сунули ему в рот принесённый корм. И опять улетели.

Сейчас же уродец задом подкопался под одного из оставшихся в дупле братишек. Братишка побарахтался и угнездился в ямке на спине уродца.

Тогда уродец ткнулся головой в дно дупла. Как руками, упёрся голыми тонкими крыльшками в стенки и стал задом-задом выпячиваться из дупла.

Вот пушистый птенчик, сидя в ямке на спине уродца, показался в отверстии дупла. Пеструшка в это время подлетала к липе с бабочкой в клюве. И она увидела: вдруг снизу что-то подбросило её пушистого птенчика.

Птенчик вылетел из гнезда, беспомощно перевернулся в воздухе и упал на землю.

В ужасе Пеструшка выпустила бабочку, вскрикнула и кинулась к

птенчику. Он был уже мёртв.

Пеструшка и тут не поняла, что выбрасывает её пушистых птенчиков из дупла птенец-уродец. И кто бы мог подумать, что он такой злодей? Ведь ему было только три дня от роду. Он был ещё совсем голенький и слепой.

Когда Пеструшка улетела, он так же посадил себе на спину четвертого – последнего – братишку. И так же, упёршись головой и крылышками, неожиданным и сильным толчком вытолкнул его из дупла.

Теперь он остался в гнезде один. Мухолов и Пеструшка погоревали-погоревали о пушистых своих птенцах, но делать нечего – стали одного уродца кормить. А он рос не по дням, а по часам. Глаза у него открылись.

– Погляди, какой он стал толстый, – говорил Мухолов Пеструшке, когда они встречались у дупла, каждый с мушкой в клюве. – И такой обжора: прямо ненасытный чертёнок!

Но Пеструшка уже не боялась за сына. Она знала, что добрый Мухолов ворчит нарочно.

А ненасытный птенец всё рос и рос. И прожорливость его росла вместе с ним. Сколько ни приносили еды, ему всё мало.

Он уже так вырос, что заполнил собой всё дупло. Он покрылся пятнистыми рыжими перьями, но всё ещё пицал, как маленький, и просил есть.

– Что нам делать? – тревожно спрашивал Мухолов у Пеструшки. – Он перерос уже нас с тобой. И он совсем не похож на молодую Мухоловку.

– Я и сама вижу, – грустно отвечала Пеструшка, – что он не родной наш сын. Это Кукушонок. Но теперь уж ничего не поделаешь: нельзя же оставить его умирать с голоду. Он наш приёмьш. Мы должны его выкормить.

И они его кормили с утра до ночи.

Лето кончилось. Всё чаще дул сильный осенний ветер, старая липа дрожала и скрипела под его порывами. Птицы в роще собрались на юг.

Трясогузка, Конёк, Пеночка, Соловей и Славка отправлялись в путь со своими птенцами. Они звали с собой Мухолова и Пеструшку.

А те только молча качали головой и показывали на старую липу. Из дупла её раздавался голодный писк и высовывался широко разинутый клюв Кукушонка.

Пеструшка каждый день упрашивала его вылезти из гнезда.

– Смотри, – говорила она ему, – уже холода наступают. И тебе и нам пора улететь отсюда. Да и опасно оставаться в гнезде: ветер с каждым днём сильней, того и гляди сломается старая липа!

Но Кукушонок только крутил головой и по-прежнему оставался в

дупле.

Пришла холодная осень, стали исчезать мухи и бабочки. Наконец Мухолов сказал Пеструшке:

– Больше нельзя нам оставаться здесь. Летим, летим, пока сами не умерли с голоду. Всё равно уж нам нечем кормить Кукушонка. Без нас он скоро проголодается и вылезет из дупла.

Пришлось Пеструшке послушаться мужа. В последний раз они накормили своего приёмьша. Потом вылетели из рощи и понеслись на юг Кукушонок остался один. Скоро ему захоте лось есть, и он стал кричать. Никто не подлетал к нему.

Напрасно он старался подальше высунуть голову из дупла, крутил ею во все стороны и кричал всё громче и громче. Пеструшка и Мухолов были уже далеко и не могли его слышать. К вечеру он охрип от крика, но всё ещё сидел в гнезде.

А ночью поднялась буря. Дождь хлестал в дупло.

Кукушонок втянул голову в плечи и сидел, прижавшись к стенке. Он весь дрожал от холода и страха.

Ветер был такой сильный, что старая липа качалась, как травинка, и громко скрипела. Казалось, вот-вот она треснет от корня до самой макушки.

К утру буря утихла. Кукушонок всё ещё сидел, прижавшись к стенке. Он ещё не мог опомниться от страха.

Когда солнце взошло высоко, его лучи проскользнули в дупло и согрели мокрого Кукушонка.

За ночь к нему вернулся голос. Но он уже так ослаб от голода, что не мог подняться на ноги и высунуть голову из дупла.

Днём в рощу пришли Мальчик и Девочка.

Ветер поднимал с земли жёлтые листья и крутил в воздухе. Дети бегали и ловили их. Потом они принялись играть в прятки. Мальчик спрятался за ствол старой липы.

Вдруг ему почудился птичий крик из глубины дерева.

Мальчик поднял голову, увидел дупло и вскарабкался на дерево.

– Сюда! – крикнул он сестре. – Тут в дупле кукушка сидит.

Девочка прибежала и попросила брата достать ей птицу.

– Я не могу просунуть руку в дупло! – сказал Мальчик. – Дырка слишком узенькая.

– Тогда я вспугну кукушку, – сказала Девочка, – а ты лови её, когда она полезет из дупла.

Девочка принялась колотить палкой по стволу.

В дупле поднялся оглушительный грохот. Кукушонок собрал последние силы, ногами и крыльями упёрся в стенки и стал вырываться из дупла.

Но как ни старался, не мог протиснуться наружу.

– Смотри! – закричала Девочка. – Кукушка не может вылезти, она слишком толстая.

– погоди, – сказал Мальчик, – сейчас я её вытащу.

Он достал из кармана перочинный ножик и расширил им вход в дупло. Пришлось вырезать широкую дыру в дереве, прежде чем удалось вытащить из него Кукушонка. Он давно уже вырос с большую кукушку и был в три раза толще своей приёмной матери – Пеструшки.

Но от долгого сидения в дупле он был очень неповоротлив и не умел летать.

– Мы возьмём его с собой, – решили дети, – и будем кормить.

* * *

Мимо пустой липы пролетали на юг птицы. Среди них была и Кукушка.

Она увидела дупло, куда весной опустила своё яйцо, и опять подумала: «Какая я ловкая! Как хорошо я устроила своего птенца! Где-то он теперь? Верно, встречу его на юге».

И она скорей полетела дальше.

Золотое сердечко

В роще росли рядом молоденькая Рябина, пожилая Берёзка и старый Дуб. Когда набегал ветерок, они шелестели листьями. Так они разговаривали между собой. Старый Дуб умел ещё на разные лады скрипеть стволом. Когда ветер был сильный, голос Дуба слышен был по всей роще. Но всё равно Зочка и её старая тётя не понимали ни шелеста, ни скрипа деревьев.

В первый раз Зочка и её тётя пришли в рощу, когда поспела земляника. Они брали ягоды, а на деревья не обращали никакого внимания.

Прилетела серая тонкая птица, села на ветку молоденькой Рябины и закуковала:

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Тётя сказала:

– Слышишь, Зочка, – кукушка! Когда я была маленькой, мы пели про неё хорошенькую песенку.

И тётя запела тонким жалостным голоском:

Там вдали за рекой

Раздаётся порой:

Ку-ку! Ку-ку!

Это птичка кричит

У зелёных раки:

Ку-ку! Ку-ку!

Потеряла детей, —

Жалко бедненьких ей.

Ку-ку! Ку-ку!

Ку-ку-у!..

Тут голосок тётки задрожал-задрожал, а Зочка горько расплакалась.

Тётя погладила Зочку по головке и сказала:

– Золотое у тебя сердечко: всех-то жалеет!

Тогда молоденькая Рябина зашелестела всеми своими разрезными листьями:

– Слушайте! Слушайте! Ведь это ужасно глупая песенка! Кукушка

совсем не теряет своих детей. Она нарочно подкидывает их в чужие гнёзда. Не жалеете, пожалуйте, Кукушку. Жалейте, пожалуйте, других птичек.

Но Зочка и её тётя не слушали шелеста листьев.

А серая тонкая птица всё куковала, да так жалобно:

– Ку-ку! Ку-ку!

Прилетела бурая тонкая птица, села на ветку пожилой Берёзы и пронзительно захихикала:

– Хи-хи-хи-хи-хи!

Тут Зочка ещё пуще залилась слезами:

– Зачем эта гадкая птица смеётся над бедной Кукушечкой!

Тётя опять погладила Зочку по головке и сказала:

– А вот мы её сейчас!..

Подняла сучок, замахала им на бурую тонкую птицу:

– Кыш! Кыш! – И прогнала её.

Тогда пожилая Берёза зашелестела всеми своими листьями, похожими на сердечки:

– Слушайте, слушайте! Ведь это ужасно глупое недоразумение. Сами жалеете Кукушку и сами её прогнали! Кукушка-отец кричит: ку-ку! ку-ку! А Кукушка-мать кричит: хи-хи-хи-хи!

Бурая – это и есть Кукушка-мать. Сами поёте песенку и сами не знаете, про кого.

Молоденькая Рябина прошептала чуть слышно:

– Совершенно справедливо, совершенно справедливо.

А старый Дуб молчал: он триста лет прожил на свете, и его больше не интересовали слезливые песенки.

В другой раз Зочка и её тётя пришли в рощу, когда поспела малина.

Они подошли к старому Дубу. Вдруг из его корней выпорхнула красногрудая птичка. Зочка наклонилась и увидела между корнями гнёздышко. В нём сидело шесть птенчиков. Пятеро было в тёплом пушку, а шестой ещё совсем голый.

Зочка сейчас же расплакалась:

– Зачем он голенький, ему холодно!..

А тётя опять погладила Зочку по головке и сказала:

– Золотое сердечко!

Тогда молоденькая Рябина зашелестела всеми своими разрезными листьями:

– Слушайте, слушайте! Ведь этот птенец вышел на свет тремя днями позже других. Он подрастёт и оденется. Те пятеро тоже были голенькие, а над ними не плакала даже их родная мать.

И пожилая Берёзка зашелестела всеми своими листьями, похожими на сердечки:

– Слушайте, слушайте! Ведь это же Кукушонок! Не его надо жалеть, а других птенчиков.

Но Зочка и её тётя не обращали никакого внимания на шелест листьев.

А старый Дуб молчал.

И в третий раз Зочка и её тётя пришли в рощу, когда осенний ветер срывал с деревьев их листья.

Зочка глянула под корни старого Дуба и заплакала.

Там сидел один Кукушонок. Он так вырос, что закрывал собой всё гнёздышко.

Прилетела красногрудая птичка, и Кукушонок сейчас же открыл рот и закричал.

Кукушонок был так велик, а красногрудая птичка была так мала. Ей пришлось сесть ему на голову, чтобы скормить ему бабочку, которую она принесла. И голова красногрудой птички при этом совсем исчезла в разинутом рте Кукушонка.

Тётя спросила Зочку:

– Что ты плачешь, моё сердечко?

И Зочка прошептала, всхлипывая:

– Да... Все птенчики давно уже вылетели из гнезда. А этот бедненький – хны! хны! Всё время хочет кушать!

Тогда молоденькая Рябина прошептала всеми своими оставшимися разрезными листьями:

– Смотрите, смотрите! Ведь это Кукушонок!

Когда он был ещё голенький, он вышвырнул из гнезда всех детей Красногрудки. Они были слабые, в пушку и погибли один за другим в траве.

Кукушонок убил их. Пожалейте птенчиков Красногрудки!

И пожилая Берёза прошептала всеми своими оставшимися листьями, похожими на сердечки:

– Смотрите, смотрите! Он вырос гораздо больше своей кормилицы-Красногрудки, а всё ещё просит есть у неё. Он лентяй и обжора. Его нельзя жалеть!

Но Зочка ещё пуще залилась слезами и прохныкала:

– Все другие птички – хны! хны! – улетят за море в тёплые края. А эта останется. Пойдёт снег. И – хны! хны! – бедная птичка замёрзнет.

Тётя сказала:

– Не могу видеть, как разрывается твоё золотое сердечко. Знаешь что, – возьмём эту птичку домой. Ты сама будешь кормить её булочкой, пока опять не настанут тёплые дни.

И Зочка прошептала сквозь слёзы:

– И буду петь ей песенку.

Тут даже старый Дуб не выдержал и проскрипел:

– Скры!.. Скры!.. Поскры!.. Послушайте! Ведь это ж ужасно груст... нет, глупая история! Бросьте Кукушонка! Красногрудка, прочь, – он исправится. Крылья есть, какая кручина? А булку – крысам! Послушайте! Скрылись!..

Зочка и её тётя заткнули уши от страшного скрипа старого Дуба, подхватили Кукушонка и поспешно ушли из рощи.

Дома Зочка посадила Кукушонка за куклин стол и до тех пор кормила его сладкой булочкой, пока Кукушонок не перестал просить есть.

Тогда Зочка уложила его в куклину кровать, прикрыла куклиным одеялом и запела тонким жалостным голоском:

Там вдали за рекой
Раздаётся порой:
Ку-ку! Ку-ку!

Кукушонок сейчас же закрыл глазки.
Зочка дальше:

Это птичка кричит
У зелёных раquit:
Ку-ку! Ку-ку!

Кукушонок перевернулся на спинку.
Зочка тихонько кончила песенку:

Потеряла детей,
Жалко бедненьких ей.
Ку-ку! Ку-ку!

Кукушонок дрыгнул ножками и сдох.

Глупые вопросы

Тихо в комнате. Отец с утра сел за стол. Пишет. Вдруг распахнулась дверь, вбежала его маленькая дочь.

– Мама ушла. Мне одной скучно. Можно, я буду у тебя играть?

– Хорошо. Только тихо. Садись вон у окна.

И не мешай мне.

Взяла стул, взобралась на него с ногами и рассматривает книжку с картинками. Но книжка старая, давно знакомые картинки. Из раскрытого окна виден берег реки, опушка леса.

Книжка летит на пол. Дочь уже на подоконнике.

– Пчичку вижу, – говорит она через минуту тихонечко, будто про себя.

– Птичку, – поправляет отец, не поднимая головы от бумаги. – Какую птичку?

– Да просто птичка маленькая.

– Просто птичек не бывает.

– Нет бывает. Вот такие.

– Какого цвета?

– Какого... Птичьего цвета: серенькая да беленькая. В реке на камушке сидит. И ещё другая. По берегу бежит. Смотри, смотри, кланяется. А та ей с камушка хвостиком кивает.

– Мне отсюда не видно. А другая какого цвета?

– Песочненького. И с галстучком.

– Песочного цвета, с чёрным галстук и кланяется, – это зуёк. А та, на камушке, хвостиком кивает, – это плиска, трясогузка. У каждой птицы своё имя.

– Я знаю. Вон сорока-белобока из леса вылетела, по земле скачет. Хвостатая какая. Отчего такой хвост?

– Ну, как – отчего? Что ты спрашиваешь?

– Не знаешь? А отчего зуёк кланяется, а плиска хвостиком кивает? Это они здороваются?

– Какие пустяки. Разве птицы здороваются?

– А вон ещё птицы. Белые, белые! Большие.

– Ну, чайки.

– Да, да... Они рыбку из воды клюют. А зачем они белые?

– Какие глупые вопросы! Я сказал тебе: мне не мешай. А ты всё время со мной разговариваешь. Ступай отсюда. Займись своими игрушками.

Ступай, ступай, нечего.

Дочь надула губки, всхлипнула. Но послушаться не посмела – ушла.

Отец вдруг положил перо. Посмотрел в окно и крепко задумался. А вечером, когда дочь пришла поцеловать его на ночь, он сказал ей:

– Ты прости меня, пожалуйста, что я утром назвал твои вопросы глупыми. Они совсем не глупые. Я подумал, и теперь могу тебе рассказать три сказки.

– Расскажи, расскажи! – обрадовалась дочь.

И она ловко вскарабкалась к нему на колени.

Отчего у сороки такой хвост

– Первая сказка, – сказал отец. – Жила-была птица. Спросишь, какая? Да никакая. Просто птица и всё тут. У неё имени не было, одно название – птица. И жила она знаешь где? У человека в голове. Один раз человек открыл рот, хотел зевнуть. Она – порх, и вылетела.

Смотрит, – день весенний, весёлый. Небо голубое-голубое, на нём солнце, белые облака. Простору сколько!

Внизу стоит лес – кудрявый, густой, тенистый. Уютный такой. А ниже леса – река. Вода бежит, блещет, по берегам кусточки зелёные, песок золотой горит.

«Ах! – думает птичка. – Красота какая! Весело как!»

Весело-то весело, а кушать надо.

Видит: мухи, комары кругом летают.

Замахала крылышками, погналась за ними. А крылышки у неё ни длинные, ни короткие, ни круглые, ни острые: средненькие.

Машет крылышками, за мухами, комарами гоняется, а поймать не может.

Вдруг мчится стриж. Вперёд пронёсся, круг дал, да назад, да вниз, да вверх, вправо, влево, – да всех мух, комаров и переловил.

– Вот, – говорит, – как летать надо, чтобы мух, комаров ловить. Вот какие крылья для этого надо, видела?

Посмотрела птица, – у него крылья длинные-длинные. Сложит их, – под ними и хвоста не видно. Узкие крылья, острые, как кривые ножницы, если их растопырить.

«Ну, так я в лес полечу, – думает птица. – Там себе что-нибудь промыслю».

Прилетела в лес, а там – чаща. Крылья за ветки задевают, хвост

поворачивать не успевают.

А хвост у неё ни длинен, ни короток, ни широк, ни узок, – средненький.

Выскочила из чащи сорока, хохочет:

– Да разве с таким хвостом в лесу летать?

Тут во какой хвост надо, видела?

И подняла свой хвост. А хвост у сороки длинней самой сороки.

– Крылышки тебе поменьше бы надо, покруглей, а хвоста прибавить, чтобы верть, и повернула, – верть, и в другую сторону. В чаще-то всё так.

Дёрнула хвостом и нет её.

«Ну, – думает птица, – значит, на реку мне лететь надо. Там промыслю».

И полетела.

Тут первой сказке конец, а тебе ответ, – отчего у сороки такой хвост.

Кому зуёк кланяется, а плиска хвостом кивает

– Вторая сказка, – говорит отец. – Прилетела птица на реку.

Села на обрыв и видит: по песку, у самой волны, бегают зуёк. Побежит-побежит и станет. А станет, – сейчас кланяться начнёт. И кланяется, и кланяется.

А на камушке в воде сидит тоненькая плиска. И всё хвостиком кивает, всё кивает хвостиком.

Птица думает:

«Кому это они кланяются? Уж не мне ли?»

Вдруг – жжип! – со свистом пронёсся над ней чеглок-соколог. И пропал.

Зуёк и плиска кричат птице:

– Счастье твоё, что ты смирёхонько сидела.

А то увидел бы тебя чеглок-соколог и унёс в когтях. Пискнуть бы не успела.

Птица удивилась:

– А почему бы он меня увидел, если б я двигалась?

– Да потому, что ты на земле сидишь, кругом тебя одни камни, тихо всё, не шевелится. А кто шевельнётся, того сразу заметно.

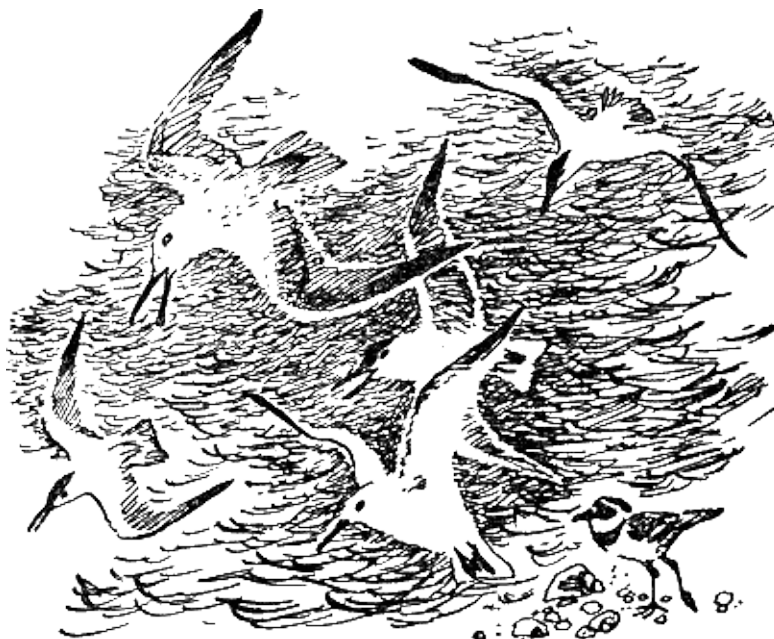
– Так чего же вы-то кланяетесь, вы чего киваете?

– А мы у волны живём. Волна колышется, и мы колышемся. Нам так надо. Станем смирно, а кругом всё движется, всё качается, – сразу нас

заметно.

Тут второй сказке конец, а тебе ответ, – кому зуёк кланяется, а плиска хвостиком кивает. И третья сказка...

Почему чайки белые

Птица думает:

«В воздухе мне не прожить, в лесу не прожить, и на реке, выходит, тоже не прожить: я прятаться не умею. Кто бы меня защитил?»

И видит – летит-плывёт над рекой белая чайка.

Вдруг чайка крылья сложила и пала в воду. Пала в воду, крыльями над спиной взмахнула и опять на воздух поднялась.

А во рту у неё – рыбка.

Тут ещё и ещё со всех сторон налетели белые чайки. Стали над рекой кружиться, падать, подниматься, – из воды рыбок таскать.

«Вот славно, – думает птица. – Пристану к чайкам. И сыта буду и цела буду: чайки большие, чайки сильные, они меня от чеглока-соколка защитят».

Полетела к белым чайкам:

– Примите меня в артель!

Посмотрели на неё белые чайки и говорят:

– Не годишься ты в нашу артель. Как ты своим носом рыбку будешь ловить? У нас, видишь, носы крепкие, острые. А твой нос ни крепок, ни

мягкок, ни тупой, ни остренький, – средненький.

– Ничего, как-нибудь, – говорит птица.

– И серенькая ты, – говорят белые чайки. – Даже и не поймёшь, какого цвета. А мы, видишь, элтые.

– А почему вы белые? – спрашивает птица.

– Нам другими быть нельзя, – отвечают белые чайки. – Первое дело, рыбки из воды нас зидеть не должны, – а то разве их поймаешь.

Рыбки снизу смотрят, – над ними потолок белый. Речной потолок. А над ним – небо, на нём облака белые. Нас, белых, над белым, под белым рыбкам не видно.

Второе дело, мы дружной артелью рыбку ловим. Разлетимся в разные стороны, и каждая высматривает рыбку. Рыба стадами ходит.

Вот мы и глядим друг за дружкой издали, из глаз не выпускаем.

Вот сложила подружка крылья, – пала на воду. Ага, значит, рыбка там!

И все мы к счастливой подружке спешим, все рядом ловить принимаемся.

Издали мы друг на дружку сбоку смотрим. И нам друг дружку хорошо видать: ведь белые мы, заметные на воде и над берегом.

– А тебя, серенькую, нам не усмотреть: ты над берегом полетишь – не видно, мимо леса – не видно и под небом – не видно. Уж на что у чеглока-соколка глаза острые, и тот тебя не приметил. А кого не видно, для нас того и нет.

– А как же я? – спрашивает птица.

– Да тебя и вовсе нет, – отвечают белые чайки. – Ты кругом средненькая. Ты выдуманная. Таким под солнцем места нет. Посмотри-ка ты на себя в воду.

Посмотрела птица вниз. Там, в тихой реке, всё как в зеркале: и белые чайки кружат, и зук кланяется, и плиска хвостом кивает, и сорока прилетела – на кусту сидит, и стриж в небе мчится. А её – птицы – нет.

– И лети-ка, ты, – говорят чайки, – назад, откуда взялась!

Делать нечего – полетела птица назад, к своему человеку.

Человек тот как раз спал, – рот разинул.

Птица и впорхнула ему в голову.

Человек глотнул, вдохнул, проснулся и говорит:

– Вот сон какой приснился! Будто жила была птица... – И тут третьей сказке конец, в тебе ответ, – почему чайки белые.

Где раки зимуют

В кухне на табуретке стояла плоская корзина, на плите – кастрюля, на столе – большое белое блюдо. В корзине были раки, в кастрюле был кипяток с укропом и солью, а на блюде ничего не было.

Вошла Хозяйка и начала:

раз – опустила руку в корзину и схватила рака поперёк спины;

два – кинула рака в кастрюлю, подождала, пока он сварится, и —

три – переложила рака ложкой из кастрюли на блюдо.

И пошло, и пошло.

Раз – чёрный рак, схваченный поперёк спины, сердито шевелил усами, раскрывал клешни и щёлкал хвостом;

два – рак окунался в кипяток, переставал шевелиться и краснел;

три – красный рак ложился на блюдо, лежал неподвижно, и от него шёл пар.

Раз-два-три, раз-два-три, – в корзине оставалось всё меньше чёрных раков, кипяток в кастрюле кипел и булькал, а на белом блюде росла гора красных раков.

И вот остался в корзине один, последний рак.

Раз – и Хозяйка схватила его пальцами поперёк спины.

В это время ей крикнули что-то из столовой.

– Несу, несу! Последний! – ответила хозяйка – и спуталась: два – кинула чёрного рака на блюдо, подождала немножко, подцепила ложкой с блюда красного рака и – три – опустила его в кипяток.

Красному раку было всё равно, где лежать: в горячей кастрюле или на прохладном блюде. Чёрному раку совсем не хотелось в кастрюлю, не хотелось ему лежать и на блюде. Больше всего на свете ему хотелось туда, где раки зимуют.

И, долго не раздумывая, он начал своё путешествие: задом-задом, на попятный двор.

Он наткнулся на гору неподвижных красных раков и забился под них.

Хозяйка украсила блюдо укропом и подала на стол.

Белое блюдо с красными раками и зелёным укропом было красиво. Раки были вкусные. Гости были голодны. Хозяйка была занята. И никто не заметил, как чёрный рак перевалился с блюда на стол и задом-задом подполз под тарелку, задом-задом добрался до самого края стола.

А под столом сидел котёнок и ждал, не перепадёт ли ему что-нибудь с

хозяйского стола.

Вдруг – бац! – треснулся перед ним кто-то чёрный, усатый.

Котёнок не знал, что это рак, думал – большой чёрный таракан, и толкнул его носом.

Рак попятился.

Котёнок тронул его лапкой.

Рак поднял клешню.

Котёнок решил, что с ним дела иметь не стоит, обернулся и мазнул его хвостом.

А рак – хватать! – и зажал ему клешнёй кончик хвоста.

Что тут с котёнком стало! «Мяу! – он скакнул на стул. – Мяу! – со стула на стол. – Мяу! – со стола на подоконник. – Мяу!» – и выскочил на двор.

– Держи, держи, бешеный! – кричали гости.

Но котёнок вихрем помчал через двор, взлетел на забор, понёсся по саду. В саду был пруд, и котёнок, верно, свалился бы в воду, если б рак не разжал клешни и не отпустил хвост.

Котёнок повернул назад и галопом поскакал домой.

Пруд был маленький, весь зарос травой и тиной. Жили в нём ленивые хвостатые тритоны, да карасики, да улитки. Жизнь у них было скучное, – всегда всё одно и то же. Тритоны плавали вверх и вниз, карасики плавали взад-вперёд, улитки ползали по траве: один день наверх ползут, другой – вниз спускаются.

Вдруг всплеснула вода, и чьё-то чёрное тело, пуская пузыри, опустилось на дно.

Сейчас же все собрались на него поглядеть: приплыли тритоны, прибежали карасики, поползли вниз улитки.

И верно – было на что поглядеть: чёрный был весь в панцире – от кончика усов до кончика хвоста. Гладкие латы охватывали его грудь и спину. Из-под твёрдого забрала на тоненьких стебельках высывались два неподвижных глаза. Длинные прямые усы торчали вперёд, как пики. Четыре пары тонких ног были, как вилочки, две клешни – как две зубастые пасти.

Никто из прудовых жителей ещё ни разу в жизни не видел рака, и все из любопытства лезли поближе к нему. Рак шевельнулся – все испугались и отодвинулись подальше. Рак поднял переднюю ножку, ухватил вилкой свой глаз, вытянул стебелёк и давай чистить.

Это было так удивительно, что все опять полезли на рака, а один карасик даже наткнулся на его усы. Рраз! – Рак схватил его клешнёй, и

глупый карасик разлетелся пополам.

Всполошились карасики, разбежались – кто куда. А голодный рак спокойно принялся за еду.

Сытно зажил рак в пруду. Целыми днями он отдыхал в тине. Ночами бродил, ощупывал усами дно и тразу, хватал клешнями тихоходов-улиток.

Тритоны и карасики боялись теперь его и близко не подпускали к себе. Да ему достаточно было и улиток: он съедал их вместе с домиками, и панцирь его только креп от такой пищи.

Но вода в пруду была гнилая, затхлая. И его по-прежнему тянуло туда, где раки зимуют.

Раз вечером начался дождь. Он лил всю ночь, и к утру вода в пруду поднялась, вышла из берегов. Струя подхватила рака и понесла его прочь из пруда, ткнула в какой-то пень, подхватила опять и бросила в канаву.

Рак обрадовался, расправил широкий хвост, захлопал им по воде и задом-задом, как ползал, поплыл.

Но дождь кончился, канава обмелела – плыть стало неудобно. Рак пополз.

Полз он долго. Днём отдыхал, а ночью снова отправлялся в путь. Первая канава свернула во вторую, вторая – в третью, третья – в четвёртую, а он всё пятился-пятился, полз-полз, – и всё нргкак не мог никуда приползти, выбраться из ста канав.

На десятый день пути он забрался, голодный, под какую-то корягу и стал ждать, не поползёт ли мимо улитка, не проплывёт ли рыбка или лягушка.

Вот сидит он под корягой и слышит: бултых! Что-то тяжёлое упало с берега в канаву.

И видит рак: плывёт к нему мордастый зверь с усами, с короткими лапами, а ростом с котёнка.

В другое время рак испугался бы, попятился от такого зверюги. Но голод – не тётка. Чем-нибудь надо брюхо набить.

Пропустил рак зверя мимо себя да хватить его клешнёй за толстый волосатый хвост! Думал, отрежет, как ножницами. Да не тут-то было. Зверь – а это была водяная крыса – как рванёт, и легче птички вылетел рак из-под коряги. Метнула крыса хвостом в другую сторону, – крак! – и переломилась рачья клешня пополам.

Упал рак на дно и лежит. А крыса дальше поплыла с его клешнёй на хвосте. Спасибо ещё – нехватила рака своими страшными зубами; не помог бы ему и крепкий панцирь.

Пополз рак дальше с одной клешнёй.

Нашёл водоросли и поел их. Потом попал в ил. Рак засунул в него свои лапки-вилки и давай ими шарить. Левая задняя лапка нащупала и схватила в илу червяка. Из лапки в лапку, из лапки в лапку, из лапки в лапку – отправил рак червяка себе в рот.

Подкрепился и пополз дальше.

Целый месяц уже длилось путешествие по канавам, когда рак вдруг почувствовал себя плохо, так плохо, что не мог ползти дальше; и стал он хвостом песок в берегу ворошить, рыть. Только успел вырыть себе норку в песке, как начало его корчить.

Рак линял. Он упал на спину, хвост его то разжимался, то сжимался, усы дёргались. Потом он разом вытянулся – панцирь его лопнул на животе, – и из него полезло розовато-коричневатое тело. Тут рак сильно дёрнул хвостом – и выскочил сам из себя. Мёртвый усатый панцирь выпал из пещерки. Он был пустой, лёгкий. Сильным течением его поволокло по дну, подняло, понесло.

А в глиняной пещерке остался лежать живой рак – такой мягкий и беспомощный теперь, что даже улитка могла бы, казалось, проткнуть его своими рожками.

День проходил за днём, он всё лежал без движения. Понемногу тело его стало твердеть, снова покрываться жёстким панцирем. Только теперь панцирь был уже не чёрный, а красно-коричневый.

И вот – чудо: оторванная крысой клешня быстро начала отрастать заново.

Рак вылез из норки и с новыми силами отправился в путь – туда, где раки зимуют.

Из канавы в канаву, из ручья в ручей полз терпеливый рак. Панцирь его чернел. Дни становились короче, шли дожди, на воде плавали лёгкие золотые челночки – облетевшие с деревьев листья. По ночам вода подёргивалась хрупким ледком.

Ручей вливался в ручей, ручей бежал к реке.

Плыл-плыл по ручьям терпеливый рак – и, наконец, попал в широкую реку с глиняными берегами.

В крутых берегах под водой – в несколько этажей пещерки, пещерки, как гнёзда ласточек вверху над водой, в обрыве. И из каждой пещерки рак глядит, шевелит усами, грозит клешней. Целый рачий город.

Обрадовался рак-путешественник. Нашёл в берегу свободное местечко и вырыл себе уютную-уютную норку-пещерку. Наелся поплотней и залёг зимовать, как медведь в берлоге.

Да уж и пора было: снег падал, и вода замёрзла.

Заткнул рак вход в пещерку своей большой клешней, – поди-ка, сунься к нему!

И заснул.

Так и все раки зимуют.

Заяц, Косач, Медведь и Дед Мороз

Злой голой осенью вот уж плохо стало жить лесному зверю. Плачет Заяц в кустах:

– Холодно мне, Заиньке, страшно мне, беленькому! Все кусты облетели, вся трава полегла, – негде мне от злых глаз схорониться.

Надел шубку беленькую, а земля черным-черна, – всяк меня видит издалека, всяк меня гонит-ловит. Пропала моя головушка! Косач-Тетерев с берёзы бормочет:

– Боюсь понизу бродить, боюсь ягоду клевать. На верховище сижусь, кругом гляжу, одни серёжки клюю. Ветром меня на ветках качает, дождём меня мочит, – сидеть нет мочи!

Медведь ворчит:

– Вовсе в лесу есть нечего стало, – хоть к людям иди, коров дави; давно бы спать завалился, да земля гола, берлога кругом видна – сейчас охотники найдут, сонного убьют.

Сговорились Заяц, Косач и Медведь, – послали Синицу за Дедом Морозом.

– Приходи к нам, Дед Мороз, принеси нам, Дед Мороз, снега, принеси нам, Дед Мороз, зиму!

Дед Мороз покряхтел, пришёл – мешок снега на лес высыпал. Стало кругом бело да ровно. Медведь сказал:

– Вот и ладно. Спасибо тебе, Дед Мороз!

Залез под кучу валежника. Кучу снегом запорошило, – и не видать, что там берлога.

Заяц сказал с оговорочкой:

– Спасибо тебе, Дедушка Мороз! Теперь не видно меня, беленького. Хороша твоя пороша, да вот тёплая, печатная: снег-то мягкий, пушной.

Следишки мои на нём видны. Где ни ляжешь отдохнуть, – сейчас кто-нибудь найдёт.

А Косач – тот даже спасибо не сказал.

– Какая это, – бормочет, – зима, когда снегу – курице по колено, когда не прикрыл снег и лежащего полена! Зима наспех – курам на смех. Ни снегу, ни мороза. Что ж мне так всю зиму и болтаться на берёзе?

Пожалел его Дед Мороз, – давай снег на лес большими мешками валить да примораживать, чтобы крупитчатый был.

Косач сказал:

– Вот это дело! – да бух с берёзы в снег. Там и ночевал: в норке-то тепло и не видно.

Заяц сказал:

– Дедка Мороз, а со мной-то ты что делаешь! Легко ли мне по эдакому снегу бегать? Глыбко. Ведь по уши в него проваливаюсь! А тропой пойдёшь, – тут тебе и Лиса встречь, тут тебе и капканы наставлены. Ты меня, Заиньку, пожалей: сделай, чтобы сверху снег был корочкой.

А Медведь – тот ничего не сказал: спал.

Пожалел Дед Мороз Зайца. Стал днём снег растоплять, – побежали под валежник струечки. А ночью сырой-то снег сверху давай мостить-примораживать. Сделал наст – крепкую ледяную корку.

Заяц сказал:

– Вот тебе спасибо-то, Дедушка Мороз! Теперь всё ладно. По насту бегу, не проваливаюсь. Даже и следешек моих на нём не видать.

Косач сказал:

– Да ты что, Дед! Я с вечера в мокрый-то снег бухнусь, поглубже закопаюсь, – ан утром хоть голову себе разбей: ледяная крыша над головой!

А Медведь как выскочит из берлоги, как рывкнет:

– Эй ты, старик! Что снег топишь, струйки пускаешь! Все штаны мне подмочил!

Шарахнулся от него Дед Мороз.

– А ну вас! – говорит. – Привереды. Кому чего, – на всех не угодишь. Я лучше восвояси уберусь.

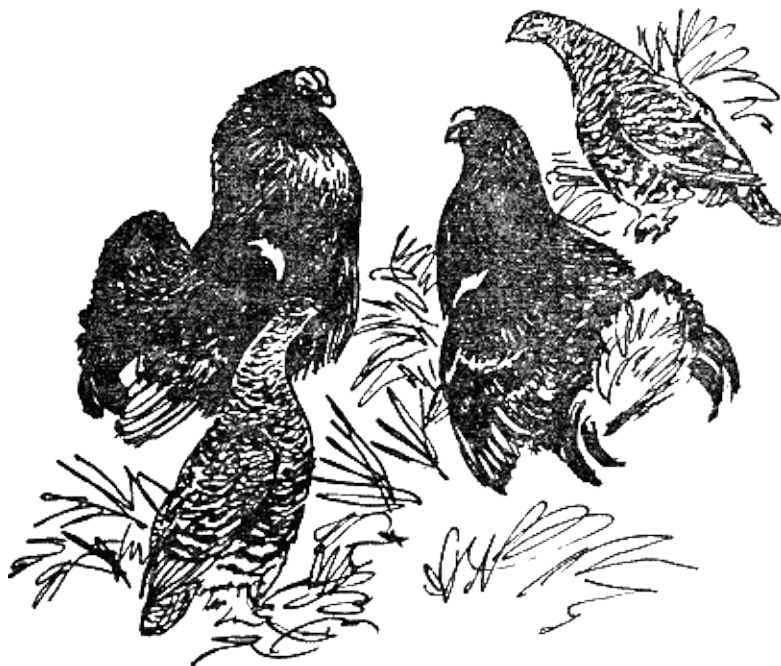
И ушёл.

Ну, сказать, – лесное зверьё не больно долго о нём плакало: взамен ему Синица живо Весну привела. А Весна, – сами знаете, – всем красна. И нам, и всему лесному зверью любя.

Всех утешила и всех развеселила.

А как она это сделала, – о том другой сказ.

Заяц, Косач, Медведь и Весна

Прилетела красавица Весна на лебединых крыльях, – и вот стало шумно в лесу! Снег рушится, бегут-журчат ручьи, льдинки в них позванивают, в ветвях ветер насвистывает. И птицы, птицы щебечут, поют-заливаются, ни днём, ни ночью покоя не знают!

А Дед Мороз недалеко ушёл, – он всё слышит.

«То ли дело, – думает, – при мне было. Тишина в лесу, только деревья покряхтывают. Поди, всем надоел весенний-то гам. Будут рады теперь, коли вернусь».

Пробрался ночью в лес, схоронился под тёмной елью.

Вот зорька занялась. И слышит Дед Мороз: бежит по лесу Заяц, притоптывает, в голос кричит.

«Плохо пришлось Заиньке, – думает Дед Мороз. – Снег-то, почитай, весь сошёл, земля серая, а он беленький, – всяк его видит-ловит. Совсем ополоумел косой со страху».

Глядь – выскочил Заяц на тропочку. Только он уж не белый: серый Заяц. За ним товарищи – такие же серые зайцы. Кричат, притоптывают, один через другого скачут.

Дед Мороз и рукава развёл.

– Что такое Весна делает! Заяц товарищей со всего леса созвал.

Верещит. Чехарду затеял, – совсем страх потерял!

Проскакали мимо весёлые зайцы.

Зорька ярче.

И видит Дед Мороз: сидит на лугу у опушки Косач-Тетерев, чёрный, как уголь.

«Вот кому беда пришла, – думает Дед Мороз. – Ведь он у меня под снегом ночевал. Теперь снегу нет, а лес ещё голый стоит. Негде Косачу спрятаться, покой найти – ни на земле, ни на дереве».

А Косач и не думает прятаться: к нему тетё-рочки на опушку слетаются, а он-то перед ними красуется, звонким голосом бормочет:

– Чуф-ши! Чуф-ши!

Красны брови хороши!

Хвост-косицы подниму,

Круты крылья разверну!

К нему товарищи на луг слетаются. А он их задирает:

– Чуф-шу! Чуф-шу!

Выходите на левшу!

Я вам перья причешу!

Подпрыгнул – сшиблись, – только пух летит!

«Что Весна делает-то! – Мороз думает. – Мирная птица в драчку полезла. О покое и забыла».

Разгорелся день, – улетели тетерева с луга.

Идёт по лесу Медведь. Тощий.

«Каково-то тебе, косолапый? – думает Дед Мороз. – Небось плачешь по берлоге своей? Спал бы да спал в ней – и голода бы не знал».

А Медведь остановился, когтями из земли какие-то корешки выкопал, – жуёт, похрюкивает от удовольствия: видать, сладкие на вкус корешки-то.

Дед Мороз пятернёй под шапку полез:

– Что ты скажешь, – и этот Весне рад! Никто по мне не тужит... Пойти спросить у неё, чем она всех с ума свела?

Вылез из-под ели, пошёл по лесу Весну разыскивать. А красавица Весна сама ему навстречу летит, лебедиными крыльями плещет, – вся в

цветах разноцветных, вся в солнечном золоте. Говорит ему свирельным голосом:

– Что, старый? На пляски, да песни наши пришёл поглядеть? Или напугать кого задумал?

– Напугаешь их!.. – кряхтит Дед Мороз. – Заяц – и тот нынче страх потерял. И что ты сделала им такое, что все тебя славят, с ума посходили?

Улыбнулась красавица Весна.

– А ты их сам спроси, чему они радуются. Заиграла песню и с песней полетела над лесом, над лесом в зелёной дымке. Отыскал Дед Мороз Зайца.

– Ты чему рад?

– Весне, Дедушка. Рад теплу, солнцу рад, травке шёлковой. Ведь всю зиму зелёного росточка не видел, все осинки ободрал, горьку кору глодал. А травка-то сладенька.

Отыскал Дед Мороз Косача.

– Ты чему рад?

– Рад я крылья поразмять, удаль-силу показать. Чуф-ши! Чуф-ши! Красны брови горячи, круты крылья хороши.

Отыскал Дед Мороз Медведя.

– А ты чему рад?

Медведь застыдился, лапой закрылся, шепчет:

– Цветочкам я, Дедушка, рад...

– Ох-ох, насмешил, ох, распотешил! Красным девушкам впору цветам радоваться, не тебе, косолапому. Веночки из них, что ли, плести будешь? Да я тебе, – хочешь? – мешок цветов накидаю, всю землю ими покрою. Все беленькие – один к одному.

И ну трясти рукавом. А из рукава у него – снежинки, снежинки, снежинки, – и закрутилась метелица хлопьями.

Медведь говорит:

– Нет, старик! Твои цветы мёртвые. Не пахнут они и глаз не радуют. Ими только могилы засыпать. А у Весны-красавицы каждый малый цветочек – радость светлая, каждый счастье сулит. Ты придёшь – зиму лютую с собой приведёшь. А Весна идёт – красно лето за собой ведёт. Каждый малый цветочек её мёд в себе копит, каждый летом ягоду нам обещает.

Помолчал Медведь и опять лапой закрылся.

– А мы, – шепчет, – медведи-то, ба-альшие сладёны! Я зимой в берлоге сплю, снег да лёд надо мной, а сны мне всё про сладкое снятся: про мёд да про ягоды.

– Ну, – сказал Дед Мороз, – коли уж ты, лохматый, о сладком

мечтаешь, так мне и впрямь у вас делать нечего.

Рассердился и ушёл так далеко, что скоро Заяц, Косач да Медведь и совсем о нём забыли.

Мишка-башка

Из прибрежных кустов высунулась толстая звериная башка, в лохматой шерсти блеснули зелёные глазки.

– Медведь! Медведь идёт! – закричали перепуганные ласточки-береговушки, стремительно проносясь над рекой.

Но они ошиблись: это был всего только медвежонок. Ещё прошлым летом он вприскокку бегал за матерью-медведицей, а этой весной стал жить сам по себе, своим умом: решил, что он уже большой.

Но стоило ему только выйти из кустов – и всем стало видно, что большая у него только голова – настоящая толстая лохматая башка, а сам-то он ещё маленький, – с новорождённого телёнка, да смешной такой: на коротких косолапых лапах, хвостиком куцый.

В этот знойный летний день в лесу было душно, парно. Он и вышел на бережок: так приятно тут обдувал свежий ветер.

Мишка уселся на траве, сложил передние лапы на круглом брюшке. Человечком сидел и степенно поглядывал по сторонам.

Но ненадолго хватило у него степенности: он увидел под собой весёлую, быструю речку, перекувырнулся через голову и на собственных салазках ловко съехал с крутого бережка. Там стал на четвереньки – и давай лакать прохладную воду. Напился всласть, – и вразвалочку, не спеша закосолапил вдоль берега. А зелёные глазёнки так и сверкают из шерсти: где бы чего напроказить?

Чем дальше он подвигался, тем выше и круче становился берег. Всё громче и тревожнее кричали над ним ласточки. Некоторые из них проносились мимо самого его носа с такой быстротой, что он не успевал разглядеть их, кто такие, и только слышал жужжание их крылышек.

«Ишь, их тут сколько! – подумал Мишка, остановившись и поглядев вверх, – что пчёл у дупла».

И сразу вспомнил, как прошлым летом мать-медведица подвела его с сестрёнкой к пчелиному Дуплу.

Дупло было не очень высоко, и медвежата почуяли чудесный запах мёда. Вперегонки полезли на дерево.

Мишка первый долез и запустил в дупло лапу. А пчёлы как загудят, как накинутся на них! Сестрёнка завизжала и кубарем вниз. А он отведал-таки душистого сладкого мёду. И опять засунул в дупло лапу и опять облизал её.

Но тут одна пчёлка больно ужалила его под глаз, а другая – в самый

нос. Он, конечно, не заревел, но очень быстро скатился с дерева.

Пчёлки хоть совсем махонькие, а сердитые; пришлось удирать подальше в лес. А сестрёнка ещё долго хныкала: ей так и не удалось попробовать мёду.

Сейчас Мишка с опаской поглядывал на стаю береговушек: он первый раз их видел и не совсем был уверен, птицы ли они. А вдруг они такие большие пчёлы?

Ну, так и есть: вон и дупла их – множество чёрных дырок под самым обрывом! То и дело вылетают из них всё новые береговушки и с криком присоединяются к стае. А что кричат – непонятно.

Мишка их языка не знал. Понимал только, что сердятся. А ну как возьмут в работу да начнут жалить?! Ой-Ой!

А дырок-то, дырок в берегу сколько! И в каждой, наверно, пуд мёда. Интересно, – такой же он сладкий, как у тех маленьких лесных пчёлочек?

Под самой кручей стоял почерневший от старости ольховый пенёк. Не долго думая, Мишка вскарабкался на него. Да нет, где там отсюда достать!

Мишка спустился с пня и полез вверх по круче. Ласточки всей стаей закружились над ним и чуть не оглушили его своим криком. Ну да пусть, лишь бы не жалили!

Ни одна не ужалила. И Мишка стал карабкаться в гору храбрее.

А гора песчаная. Мишка старается, лезет, а песок под ним осыпается. Мишка ворчит, сердится! Наддал со всей силой. Глядь, что такое? Вся круча поехала! И он с ней едет, едет... И приехал как раз на то место, откуда полез в гору...

Сел Мишка и думает: «Как же теперь быть? Этак век никуда не влезешь».

Ну, ведь Мишка – башка: живо придумал, как горю пособить. Вскочил – да назад по речке, откуда пришёл. Там без труда забрался по траве на невысокий берег – и опять сюда, к обрыву.

Лёг на брюхо, заглянул вниз: тут они, ласточкины дупла, прямо под ним! Только лапу протянуть! Лапу протянул, – нет, не достать!..

А ласточки над ним вьются, пищат, жужжат! Надо скорее. Просунул осторожно ещё вперёд, обе лапы тянет, вот уже было совсем достал, да кувырк!

Ах ты, глупая, толстая, тяжёлая медвежья башка! Ну, куда такую башку годовалому медвежонку? Ведь перевесила...

Летит Мишка под кручу, через голову кувыркается, – только пыль столбом!

Летит вниз, сам себя не помнит, да всё шибче, шибче...

Вдруг – раз! – его кто-то по лбу.
И стоп! Прикатил Мишка. Сидит.
Сидит – качается: очень здорово его по лбу треснули. Чихает сидит: в нос песку набилось.

Одной лапой шишку трёт: большущая шишка на лбу выскочила!
Другой лапой глазёнки протирает: полны глаза песку да пыли.
Ничего толком перед собой не видит. Только будто маячит перед ним кто-то высокий, чёрный...

– А-а-а, так это ты меня по лбу! – заревел Мишка. – Я тебя!
Вскинулся на дыбы, лапы над головой, – да рраз! – со всей силы чёрному в грудь.

Тот – с ног. И Мишка не удержался: за ним следом. Да оба, обнявшись, – бултых в воду!

А под обрывом-то омут глубокий...
Ушёл Мишка в воду весь – и с головой.
Ну, ничего, всплыл всё-таки.
Лапами заработал, чёрного от себя оттолкнул, – чёрный тоже всплыл.
Мишка кое-как лягушкой, лягушкой до того берега.

Выскочил на берег и без оглядки, полным ходом махнул в лес!
Береговушки за ним тучей мчатся. Кричат: «Грабитель! Разоритель! Прогнали, прогнали!»

Мишке и оглянуться некогда: вдруг там за ним ещё тот, чёрный, гонится?

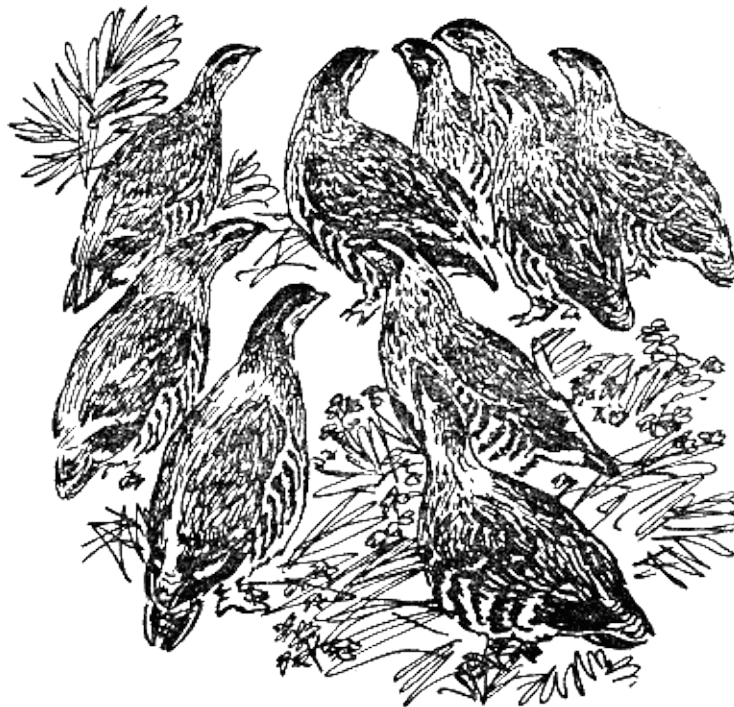
А чёрный в омуте плавает: это пень. Высокий, почерневший от старости ольховый пень.

Никто Мишку по лбу не стучал: сам Мишка на пень налетел, лбом об него треснулся, как с кручи-то летел.

Башка-то у Мишки большая, крепкая, а сам ещё маленький.
Многому ещё учиться надо без мамы.

ОРАНЖЕВОЕ ГОРЛЫШКО

Что увидел Жаворонок, когда вернулся на Родину

Уж Волк умылся, а Кочеток спел. Начинало светать.

В поле между комьями холодной земли проснулся Жаворонок.

Он вскочил на ножки, встряхнулся, огляделся и полетел вверх.

Полетел и запел. И чем выше он поднимался в небо, тем радостней и звонче лилась и переливалась его песня.

Всё что он видел под собой, казалось ему необыкновенно замечательным, красивым и милым. Ещё бы: ведь это была его родина, и он долго, очень долго её не видел!

Он родился здесь летом прошлого года. А осенью с другими перелётными улетел в далёкие страны. Там он провёл в тепле всю зиму – целых пять месяцев. А это долгий срок, когда вам всего десять месяцев от роду.

И вот уж три дня, как он вернулся наконец домой.

Первые дни он отдыхал с дороги, а сегодня принялся за свою работу. А работа его была – петь.

Жаворонок пел:

«Снежные поля подо мной. На них чёрные и зелёные пятна.

Чёрные пятна – пашни. Зелёные пятна – всходы ржи и пшеницы.

Я помню: эту рожь и пшеницу люди посеяли осенью. Скоро выросли из земли молодые весёлые зелена. Потом на них стал падать снег, и я улетел в чужие края.

Зелена не замёрзли под холодным снегом. Вот они показались опять, весело и дружно тянутся вверх.

На холмах среди полей – деревни. Это наш колхоз «Красная искра». Колхозники ещё не проснулись, улицы ещё пусты.

Пусты и поля: спят ещё полевые звери и птицы.

За далёким чёрным лесом я вижу золотой краешек солнца.

Просыпайтесь, просыпайтесь, вставайте все!

Начинается утро! Начинается весна!»

Жаворонок замолчал: он увидел на белом поле какое-то серое пятно. Пятно шевелилось.

Жаворонок полетел вниз – посмотреть, что там такое.

Над самым пятном он остановился в воздухе, трепеща крыльшками.

– Э, да ведь это Большое Стадо! Я вижу, мои добрые соседи устроили общее собрание.

И в самом деле: это было Большое Стадо серых куропаток – красивых полевых петушков и курочек. Они сидели плотной кучкой. Их было очень много: сто птиц или, может быть, тысяча. Жаворонок считать не умел.

Они тут в снегу и ночевали: которые ещё стряхивали с крыльев крупитчатый от ночного мороза снежок.

А одна Курочка – видно, старшая у них – сидела посредине на кочке и громко говорила речь.

«О чём она там толкует?» – подумал Жаворонок и спустился ещё пониже.

Старшая Курочка говорила:

– Сегодня разбудил нас своей песней наш маленький друг Жаворонок. Значит, правда, началась весна. Минуло самое трудное и голодное время. Скоро надо будет подумать о гнёздах.

Настала пора всем нам расстаться.

– Пора, пора! – закудахтали все курочки сразу. – Кто куда, кто куда, кто куда?

– Мы к лесу! Мы за речку! Мы на Красный ручей! Мы на Костяничную горку! Туда, туда, туда, туда!

Когда кудахтанье смолкло, старшая Курочка заговорила опять.

– Счастливого лета и хороших птенцов всем вам! Выводите их побольше и воспитайте получше. Помните: той курочке, которая осенью приведёт больше всего молодых куропаток, будет великая честь: эта курочка будет всю зиму водить Большое Стадо. И все должны будут её слушаться. До свиданья, до свиданья, до осени!

Старшая Курочка вдруг высоко подпрыгнула в воздух, с треском замахала крыльшками и помчалась прочь.

И в тот же миг все другие куропатки, сколько их тут было – сто или тысяча, – разделились на парочки и с треском, шумом, чириканьем брызнули во все стороны и пропали из глаз.

Жаворонок огорчился: такие хорошие, ласковые соседи улетали! Когда он вернулся, как они радовались ему! Как весело было в их дружной семье!

Но он сейчас же спохватился. Ведь ему надо скорей разбудить всех других полевых птиц и зверей, и всех людей! Он быстро-быстро заработал крыльшками и запел ещё звонче прежнего:

«Солнце встаёт! Просыпайтесь, все просыпайтесь, весело беритесь за работу».

И, поднимаясь к облакам, он видел, как разбегаются от деревень воришки-зайцы, забравшиеся на ночь в сады поглотить кору с яблонь. Видел, как шумной ватагой, каркая, слетаются на пашню стаи чёрных

грачей – выковыривать носами червей из оттаявшей земли; как выходят из домов люди.

Люди запрокидывали голову и, щурясь от яркого солнца, старались разглядеть в небе маленького певца. Но он исчез в облаке. Осталась над полями только его песня, такая звонкая и радостная, что у людей становилось светло на душе, и они весело брались за работу.

О чём разговаривал Жаворонок с полевым Петушком

Целый день трудился Жаворонок: летал в поднебесье и пел. Пел, чтобы все знали, что всё хорошо и спокойно и поблизости не летает злой ястреб. Пел, чтобы радовались полевые птицы и звери. Пел, чтобы веселей работалось людям.

Пел, пел – и устал.

Был уже вечер. Солнце зашло. Попрятались куда-то все звери и птицы. Жаворонок опустил на пашню. Ему захотелось поболтать с кем-нибудь перед сном о том, о сём. Подруги у него не было.

Он решил: «Полечу-ка к соседям – куропаткам». Но тут же вспомнил, что утром они улетели.

Ему опять стало грустно. Он тяжело вздохнул и стал укладываться спать в ямке между комочками подсохшей за день земли.

Вдруг до него донёсся чей-то знакомый голос. Голос напоминал скрип несмазанной калитки или чирикание сверчка, только был сильнее, громче. Кто-то звонко и радостно выговаривал всё одно слово:

– Черр-вяк! Черр-вяк!

«Ой, да ведь это Подковкин! – обрадовался Жаворонок. – Значит, не все куропатки улетели».

– Черр-вяк! Черр-вяк! – несло из ржаных зеленей.

«Чудилка! – подумал Жаворонок. – Нашёл одного червяка и кричит на весь свет».

Он знал, что куропатки наедаются хлебными зёрнами да семенами разных трав. Червяк для них – вроде сладкого к обеду. Сам Жаворонок умел находить в траве сколько угодно маленьких червячков и каждый день наедался ими досыта. Ему и было смешно, что сосед так радуется какому-то червяку.

«Ну, теперь мне будет с кем поболтать», – подумал Жаворонок и полетел разыскивать соседа.

Найти его оказалось очень просто: Петушок сидел открыто на кочке, среди низенькой травки зеленей, и то и дело подавал голос.

– Здорово, Подковкин! – крикнул, подлетая к нему, Жаворонок. – Ты на всё лето остался?

Петушок приветливо кивнул головой:

– Да, да. Так решила Оранжевое Горлышко, моя жена. Знаком с ней?

Очень умная курочка.

Вот увидишь: этой зимой она непременно будет водить Большое Стадо.

Сказав это, Петушок выкатил колесом голубую грудь с рисунком подковы вкусного шоколадного цвета. Потом вытянул шейку и три раза прокричал:

– Черр-вяк! Черр-вяк! Черр-вяк!

– Где же червяк-то? – удивился Жаворонок. – Ты съел его?

Подковкин обиделся:

– За кого ты меня принимаешь? Хороший я был бы Петушок, если б сам ел червяков! Я, конечно, отнёс его Оранжевому Горлышку.

– И она его съела?

– Съела и сказала, что очень вкусно.

– Так и дело с концом! Чего же ты кричишь: «Червяк! Червяк!»?

– Ничего ты не понимаешь! – совсем рассердился Подковкин. – Во-первых, я вовсе не кричу, а красиво пою. Во-вторых, про что же и петь, как не про вкусных червяков?

Маленький серенький Жаворонок много мог бы рассказать, про что и как надо петь. Ведь он был из знаменитого рода певцов, прославленных всеми поэтами. Но гордости в нём не было.

И он совсем не хотел обидеть Подковкина, своего доброго соседа. Жаворонок поспешил сказать ему что-нибудь приятное:

– Я знаю Оранжевое Горлышко. Она такая красивая, нежная. Как её здоровье?

Подковкин сейчас же забыл обиду. Он выпятил грудь, три раза звонко брякнул; «Черр-вяк!» – и только тогда важно ответил:

– Благодарю вас! Оранжевое Горлышко чувствует себя прекрасно. Прилетайте навещать нас.

– Когда можно прилететь? – спросил Жаворонок.

– Сейчас-то, видишь ли, я очень занят, – сказал Подковкин. – Днём еду разыскиваю для Оранжевого Горлышка, караул держу, чтобы на неё не напали Лиса или Ястреб. Вечерами вот песни ей пою. А тут ещё драться надо с...

Подковкин не закончил, вытянулся на ножках и стал вглядываться в зеленыя.

– Постой-ка! Никак он опять?..

Петушок сорвался с места и стрелой полетел туда, где в зеленях что-то шевелилось.

Сейчас же оттуда раздался шум битвы: стук клюва о клюв, хлопанье

крыльев, шелест ржи. Пух полетел к небу.

Через несколько минут над зелеными мелькнула пёстренькая спинка чужого петушка, и Подковкин вернулся, весь взъерошенный, с блестящими глазами. Из его левого крыла торчало переломанное перо.

– Ух!.. Здорово я его тюкнул! – сказал он, опускаясь на кочку. – Будет знать теперь...

– Да с кем это ты? – робко спросил Жаворонок. Сам он никогда ни с кем не дрался и драться-то не умел.

– А с соседом, с Бровкиным. Тут рядом, на Костяничной горке живёт. Глупый петушишка. Я ему покажу!..

Жаворонок знал и Бровкина. У всех куропаток брови красные – и не только над глазами, а даже и под глазами. У Бровкина они были особенно большие и красные.

– Зачем же вы дерётесь? – спросил Жаворонок. – В Большом Стаде вы ведь друзья были с Бровкиным.

– В Большом Стаде – другое дело. А теперь-то он к нам в поле забежит, то я ненароком на Костяничную горку попаду. Тут уж нам никак нельзя не подраться. Ведь мы – петухи.

Жаворонок так и не понял: зачем это драться, когда друзья? Он опять спросил:

– Когда же приходиться-то?

– Вот разве, когда Оранжевое Горлышко сядет детей высидывать. Тогда, может, вздохну посвободнее.

– А скоро думаете гнездо завивать?

– Оранжевое Горлышко говорит: «Когда на снежных полях покажутся проталины и в небе запоёт Жаворонок, Большое Стадо разобьётся на пары и разлетится во все стороны. Когда люди кончат сев и озимая рожь отрастёт по колено человеку, – настанет пора вить гнездо».

Вот посмотришь, какое уютное гнёздышко устроит себе Оранжевое Горлышко, – загляденье! Запомнишь? Когда люди кончат сеять, а рожь отрастёт по колено человеку.

– Я уже запомнил, – сказал Жаворонок. – Непременно прилечу. Ну, спокойной ночи!

И он полетел к себе спать.

Что делали люди, когда с полей сошёл снег, и какое гнездо завил Оранжевое горлышко

И вот Жаворонок принялся ждать, когда люди начнут и кончат сеять, а рожь отрастёт по колено человеку.

Каждое утро он поднимался под облака и пел там обо всём, что видел под собой.

Он видел, как день ото дня тает в полях снег, как с каждым утром веселей и жарче греет солнце. Видел, как прилетели ледоломки-трясогуз-ки – тоненькие птички с трясучими хвостами – и как на следующее утро река сломала лёд. И как снег сошёл, люди выехали на тракторе в поле.

«Теперь они начнут сеять!» – подумал Жаворонок.

Но он ошибся! Ещё не сеять выехали люди, а только приготовить к посеву вспаханную с осени землю.

Стальными гребешками скороспашек они разбивали слежавшиеся комья, разрыхляли землю.

Так прошло несколько дней.

Потом колхозники запрягли лошадей в узкие длинные коробки с двумя большими колёсами по бокам и поехали в поля.

Колхозники сеяли несколько дней.

Первым посеяли лён. Лён сеяли, чтобы потом делать из его семян льняное масло, а из стеблей – верёвки, холст и полотно.

А Жаворонок думал: лён сеют, чтобы птицам удобно было в нём прятаться.

После льна колхозники посеяли овёс. Овёс сеяли, чтобы кормить им лошадей и делать из его семян овсянку для ребят.

После овса посеяли пшеницу. Пшеницу сеяли, чтобы потом делать из неё белую муку, а из белой муки печь вкусные белые булки.

После пшеницы посеяли ячмень. Ячмень сеяли, чтобы делать из него ячменные лепёшки, суп с перловой крупой и ячневую кашу.

После ячменя посеяли гречиху. Гречиху сеяли, чтобы потом делать из неё гречневую кашу.

А Жаворонок думал, что люди сеют овёс, и пшеницу, и ячмень, и гречиху, чтобы куропаткам были зёрнышки для еды.

Посеяли колхозники гречиху, уехали с поля.

«Ну, – подумал Жаворонок, – вот и конец севу! Больше не выйдут люди в поле».

И опять он ошибся: на следующее утро опять вышли колхозники в поле и на длинных ровных грядках принялись садить картошку.

А для чего они садили картошку, все знают; один Жаворонок никак не мог догадаться.

К тому времени прилетели ласточки-касатки, и стало тепло, и озимая рожь отросла по колено человеку. Увидал это Жаворонок, обрадовался и полетел искать своего друга – петушка Подковкина.

Теперь найти его было не так просто, как месяц назад: рожь кругом вон как выросла, кочки-то и не стало видно, насилу-насилу нашёл Жаворонок Подковкина.

– Готово гнездо? – сразу спросил он.

– Готово, готово, – весело отвечал Подковкин, – и даже яйца все положены. Знаешь сколько?

– Да я ведь считать не умею, – сказал Жаворонок.

– Признаться, и я дальше двух не умею, – вздохнул Подковкин. – Да тут охотник проходил. Заглянул в гнездо, сосчитал яйца и говорит:

«Ого, – говорит, – двадцать четыре, целых две дюжины! Больше, – говорит, – и не бывает яиц у серых куропаток».

– Ой-ой-ой, плохо дело! – испугался Жаворонок. – Охотник все яйца возьмёт и яичницу из них себе сделает.

– Что ты, что ты, – яичницу! – замахал на него крыльшками Подковкин. – Оранжевое Горлышко говорит: «Хорошо, что это охотник. Лишь бы не мальчишки». Она говорит: «Охотник ещё охранять наше гнездо будет: ему надо, чтобы наши птенцы выросли да жирные стали. Вот тогда его берегись! Тогда он придёт с собакой да... бах! бах!..» Ну, идём, я тебя к Оранжевому Горлышку поведу.

Подковкин соскочил с кочки и так быстро побежал во ржи, что Жаворонку пришлось его догонять на крыльях.

Гнездо куропаток помещалось среди ржи, в углублении между двумя кочками. На гнезде, распушив перья, сидела Оранжевое Горлышко.

Увидев гостя, она сошла с гнезда, пригладила перья и приветливо сказала:

– Пожалуйста! Пожалуйста! Полюбуйтесь на наше гнёздышко. Правда, уютное?

Особенного ничего не было в её гнезде: вроде лукошка с яйцами. По краям выстлано куропаткиным пухом и пёрышками. Жаворонок видал и похитрей гнёзда.

Всё-таки из вежливости он сказал:

– Очень милое гнёздышко.

– А яйца? – спросила Оранжевое Горлышко. – Правда, чудесные яички?

Яйца в самом деле были хороши: как куриные, только маленькие, красивого ровного жёлто-зелёного цвета. Их было много – полное лукошко. И лежали они все острыми концами внутрь, а то, пожалуй, и не поместились бы в гнезде.

– Прелесть какие яйца! – от души сказал Жаворонок. – Такие чистые, гладкие, аккуратные!

– А кругом гнезда как вам нравится? – спросила Оранжевое Горлышко. – Красиво?

Жаворонок огляделся. Над гнездом зелёным шатром нависали гибкие стебли молодой ржи.

– Красиво, – согласился Жаворонок. – Только вот... – и запнулся.

– Что ты хочешь сказать? – встревожился Подковкин. – Или наше гнездо плохо спрятано?

– Сейчас-то оно хорошо спрятано, даже Ястребу не заметить. Да ведь скоро люди сожнут рожь. И ваше гнездо останется на открытом месте.

– Сожнут рожь? – Подковкин даже крылышками всплеснул. – Ты это наверное знаешь?

– Я слышал, колхозники говорили, что будут жать рожь.

– Вот ужас! – ахнул Подковкин. – Что же нам делать?

Но Оранжевое Горлышко только весело подмигнула мужу:

– Не тревожься, не волнуйся. Тут самое сохранный место. Никто сюда не придёт, пока наши птенчики не выйдут из яиц. Заруби у себя на носу: птенцы куропаток выходят из яиц, когда рожь цветёт.

– А люди когда придут жать её?

– А люди будут ждать, пока рожь вырастет, выколосится, зацветёт, отцветёт, нальётся и вызреет.

– Что я тебе говорил! – закричал обрадованный Подковкин. – Видишь, какая умная у меня жена! Она всё наперёд знает.

– Это не я умная, – скромно сказала Оранжевое Горлышко. – Это наш куропатчий календарь. Каждая наша курочка знает его наизусть.

Потом она повернулась к Жаворонку, похвалила его песни и пригласила его прийти посмотреть, как будут выходить из яиц её птенчики.

Тут Перепел громко закричал из ржи:

– Спать пора! Спать пора!

Жаворонок простился с друзьями и полетел домой.

Перед сном он всё старался вспомнить: «Как это она сказала? Сперва рожь вырастет, потом выколо... нет – вылоко... выклосо...»

Но никак не мог выговорить это мудрёное слово, махнул лапкой и заснул.

Как пришла лисица и какие у Подковкиных родились дети

Жаворонку не терпелось взглянуть, как будут выходить из яиц маленькие Подковкины. Каждое утро теперь, прежде чем подняться в облака, он внимательно осматривал рожь.

Рожь поднималась быстро и скоро стала ростом с самого высокого человека.

Тогда концы её стеблей стали толстеть и набухать. Потом из них выросли усики.

«Вот это и есть колоски, – сказал себе Жаворонок. – Вот это и называется выклоло... нет – выколо... нет – вы-ко-ло-си-лась».

В это утро он пел особенно хорошо: он был рад, что рожь скоро зацветёт и у Подковкиных выйдут птенчики.

Он смотрел вниз и видел, что на всех полях поднялись уже посевы: и ячмень, и овёс, и лён, и пшеница, и гречиха, и листья картофеля на ровных грядках.

В кустах около того поля, где в высокой ржи было гнездо Подковкиных, он заметил ярко-рыжую полоску. Спустился пониже и разглядел: это была Лисица. Она вышла из кустов и кралась по скошенному лугу к полю куропаток.

Крепко затукало Жаворонково сердчишко. Он боялся не за себя: Лиса ничего не могла ему сделать в воздухе. Но страшный зверь мог найти

гнездо его друзей, поймать Оранжевое Горлышко, разорить её гнездо.

Ещё ниже спустился Жаворонок и что было силы закричал:

– Подковкин! Подковкин! Лиса идёт, спасай тесь!

Лиса подняла голову и страшно щёлкнула зубами. Жаворонок испугался, но продолжал кричать что есть мочи:

– Оранжевое Горлышко! Улетайте, улетайте!

Лиса направилась прямо к гнезду.

Вдруг из ржи выскочил Подковкин. У него был ужасный вид: перья все взъерошены, одно крыло волочится по земле.

«Беда! – подумал Жаворонок. – Верно, его подшибли камнем мальчишки. Теперь и он пропадёт». И закричал:

– Подковкин, беги, прячься!

Но было уже поздно: Лиса заметила бедного петушка и помчалась к нему.

Подковкин, хромая и подпрыгивая, побежал от неё в сторону. Но где же ему было убежать от быстроногого зверя!

В три прыжка Лиса была около него, и – клямс! – зубы её лязгнули у самого хвоста петушка.

Подковкин собрал все свои силы и успел взлететь перед носом зверя. Но летел он совсем плохо, отчаянно чирикал и скоро упал на землю, вскочил, заковылял дальше. Лиса кинулась за ним.

Жаворонок видел, как бедный Подковкин, то бегом, то взлетая на воздух, с трудом добрался до Костяничной горки и скрылся в кустах. Лиса неотступно гналась за ним.

«Ну, теперь бедняге конец! – подумал Жаворонок. – Лиса загнала его в кусты и там живо поймает».

Жаворонок ничем больше не мог помочь другу. Он не хотел слышать, как хрустнут на лисьих зубах косточки петушка, и поскорей улетел.

Прошло несколько дней – и рожь была уже в цвету. Жаворонок не летал в эти дни над полем, где жили Подковкины. Он грустил о погибшем друге и не хотел даже смотреть на место, где валялись окровавленные пёрышки петушка.

Раз сидел Жаворонок у себя в поле и закусывал червячками.

Вдруг он услышал треск крыльев и увидел Подковкина, живого и весёлого. Подковкин опустился рядом с ним.

– Куда ж ты пропал?! – закричал Петушок, не здороваясь. – Ведь рожь цветёт уже. Ищу тебя, ищу!.. Летим скорей к нам: Оранжевое Горлышко говорит, что сейчас наши птенчики будут из яиц выклёвываться.

Жаворонок вытаращил на него глаза.

– Ведь тебя же съела Лиса, – сказал он. – Я сам видел, как она загнала тебя в кусты.

– Лиса? Меня-то?! – закричал Подковкин. – Да ведь это я отводил её от нашего гнезда. Нарочно и больным притворился, чтобы её обмануть. Так её запутал в кустах, что она и дорогу забыла в наше поле! А тебе спасибо, что предупредил об опасности. Если б не ты, не видать бы нам наших птенчиков.

– Я что ж... я только крикнул, – смутился Жаворонок. – Ловко же ты! Даже меня обманул.

И друзья полетели к Оранжевому Горлышку.

– Чшш! Тише, тише! – встретила их Оранжевое Горлышко. – Не мешайте мне слушать.

Она была очень озабочена, стояла над гнездом и, склонив головку к яйцам, внимательно прислушивалась. Жаворонок и Подковкин стояли рядом, чуть дыша.

Вдруг Оранжевое Горлышко быстро, но осторожно тюкнула клювом одно из яиц. Кусочек скорлупы отлетел, и сейчас же из дырочки блеснули два чёрных булавочных глаза и показалась мокрая взъерошенная головка цыплёночка.

Мать ещё раз тюкнула клювом – и вот весь цыплёночек выскочил из развалившейся скорлупы.

– Вышел, вышел! – закричал Подковкин и запрыгал от радости.

– Не кричи! – строго сказала Оранжевое Горлышко. – Бери скорлупки и унеси подальше от гнезда.

Подковкин ухватил клювом половинку скорлупки и стремглав помчался с ней в рожь.

Он вернулся за второй половинкой очень скоро, но в гнезде накопилась уже целая грудка битой скорлупы. Жаворонок видел, как один за другим выходили из яиц цыплята. Пока Оранжевое Горлышко помогала одному, другой уже сам разбивал скорлупу и выкарабкивался из неё.

Скоро все двадцать четыре яйца были разбиты, все двадцать четыре птенчика вышли на свет, смешные, мокрые, взъерошенные!

Оранжевое Горлышко живо повыкидала ногами и клювом всю битую скорлупу из гнезда и велела Подковкину убрать её. Потом обернулась к цыплятам, нежным голосом сказала им: «Ко-ко-ко! Ко-ко!», вся распушилась, растопырила крылья и села на гнездо. И все цыплята сразу исчезли под ней, как под шапкой.

Жаворонок принялся помогать Подковкину носить скорлупу. Но клювик у него был маленький, слабый, и он мог таскать только самые

лёгкие скорлупки.

Так они долго трудились вдвоём с Подковкиным. Относили скорлупку подальше в кусты.

Оставлять её вблизи гнезда нельзя было: люди или звери могли заметить скорлупки и по ним найти гнездо.

Наконец работа была кончена, и они могли отдохнуть.

Они сели рядом с гнездом и смотрели, как из-под крыльев Оранжевого Горлышка то тут, то там высывались любопытные носики, мелькали быстрые глазки.

– Удивительно как!.. – сказал Жаворонок. – Только что родились, а уж такие шустрые.

И глазки у них открыты, и тельце всё в густом пуху.

– У них уж и пёрышки маленькие есть, – гордо сказала Оранжевое Горлышко. – На крылышках.

– Скажите, пожалуйста! – удивлялся Жаворонок. – А у нас, у певчих птиц, когда птенчики выйдут из яиц, они слепенькие, голенькие...

Только чуть могут головку поднять да ротик открыть.

– О, вы ещё не то сейчас увидите! – весело сказала Оранжевое Горлышко. – Дайте мне только ещё немножко погреть их своим теплом, чтобы хорошенько обсушить... и мы сейчас же откроем детскую площадку.

Какая у Поршков была детская площадка и что они делали

Они ещё поболтали, потом Оранжевое Горлышко и спрашивает:

– Подковкин, где сейчас поблизости можно найти маленьких зелёных гусениц и мягких улиток?

– Тут, тут рядом, – заторопился Подковкин, – в двух шагах, в нашем же поле. Я уж присмотрел.

– Нашим детям, – сказала Оранжевое Горлышко, – в первые дни нужна самая нежная пища. Зёрнышки есть они научатся позже. Ну, Подковкин, показывай дорогу, мы пойдём за тобой.

– А птенчики? – встревожился Жаворонок. – Неужели вы оставите крошек одних?

– Крошки пойдут с нами, – спокойно сказала Оранжевое Горлышко. – Вот, смотрите.

Она осторожно сошла с гнезда и позвала ласковым голоском:

– Ко-кко! Ко-ко-кко!

И все двадцать четыре птенчика повскакивали на ножки, выпрыгнули из гнезда-лукошка и весёлыми катышками покатались за матерью.

Впереди пошёл Подковкин, за ним Оранжевое Горлышко с цыплятками, а сзади всех – Жаворонок. Цыплятки пик-пикали, мать говорила «ко-кко», а сам Подковкин молчал и шёл, выпятив голубую грудь с шоколадной подковой и гордо посматривая по сторонам.

Через минуту они пришли в такое место, где рожь была редкая и между её стеблями поднимались кочки.

– Прекрасное местечко! – одобрила Оранжевое Горлышко. – Тут и устроим детскую площадку.

И она сейчас же принялась с Подковкиным искать для своих птенчиков зелёных гусениц и мягких улиток.

Жаворонку тоже захотелось покормить цыпляток. Он нашёл четырёх гусеничек и позвал:

– Цып-цып-цып, бегите сюда!

Цыплятки доели то, что им дали родители, и покатали к Жаворонку. Смотрят, а гусениц нет! Жаворонок смутился и, наверно, покраснел бы, если б на лице у него не было пёрышек: ведь это он, пока ждал цыплят, незаметно как-то сам отправил себе в рот всех четырёх гусениц. Зато Оранжевое Горлышко с Подковкиным ни одной гусенички не проглотили, а

каждую брали в клюв и ловко отправляли в открытый рот одного из цыплят – всем по очереди.

– Теперь займёмся учением, – сказала Оранжевое Горлышко, когда цыплята наелись. – Ккок!

Все двадцать четыре цыплёнка остановились, кто где был, и взглянули на мать.

– Ккок – это значит внимание! – объяснила Жаворонку Оранжевое Горлышко. – Теперь я их позову за собой – и смотрите!.. Ко-кко! Ко-кко-кко!.. – позвала она своим самым нежным голосом и пошла к кочкам.

Все двадцать четыре цыплёнка покатались за ней.

Оранжевое Горлышко перескочила кочки и, не останавливаясь, пошла дальше.

Цыплятки добежали до кочек – и стоп! Они не знали, что им делать: ведь кочки перед ними были как высокие крутые горы или как трёхэтажные дома.

Цыплятки старались вскарабкаться на кручу, но падали и катились вниз. При этом они так жалостно плакали, что у доброго Жаворонка сжалось сердце.

– Ко-кко! Ко-кко-кко! – опять настойчиво позвала Оранжевое Горлышко с другой стороны кочек. – Сюда, сюда, за мной!

И вдруг все двадцать четыре птенчика разом замахали крошечными крылышками, вспорхнули и полетели. Они поднялись невысоко над землёй, а всё-таки кочки перелетели, упали прямо на ножки и без передышки покатались за Оранжевым Горлышком.

Жаворонок даже клюв раскрыл от удивления. Как же так? Только что родились на свет, а уж вон как умеют!

– Ах, какие у вас способные дети! – сказал он Подковкину и Оранжевому Горлышку. – Ведь это просто чудо: они уж и летают!

– Немножко только, – сказала Оранжевое Горлышко. – Далеко не могут. Всего только вспорхнут и сядут. Охотники так и зовут наших детей: п о р ш к и.

– У нас, у певчих птиц, – сказал Жаворонок, – птенчики сидят в гнезде, пока у них не отрастут крылышки. Гнездо так хорошо спрятано в траве, что даже соколиный глаз его не заметит. А вы куда своих поршков спрячете, если вдруг прилетит Сокол?

– Тогда я сделаю вот как, – сказал Подковкин и громко крикнул: – Чирр-вик!

Все двадцать четыре поршка разом поджали ножки и... как сквозь землю провалились!

Жаворонок крутил головой во все стороны, стараясь разглядеть хоть одного птенчика: ведь он знал, что они– притаились тут; перед ним, на земле. Смотрел, смотрел – и никого не увидел.

– Фокус-покус-чирвирукус! – весело подмигнул ему Подковкин да вдруг как крикнет: – Раз, два, три, чир-вир-ри!

Все двадцать четыре поршка разом вскочили на ножки и опять стали видны.

Жаворонок ахнул: вот это ловко!

А когда настал вечер и Подковкины повели детей укладывать спать, Оранжевое Горлышко сказала Жаворонку:

– Пока люди не кончат сенокос, вы всегда можете найти нас или в гнезде, или на детской площадке. А когда рожь нальётся и люди придут жать её, ищите нас там, где растёт лён. Там мы откроем для наших деток школу первой ступени.

Как прилетела в поля Ястребиха и какая беда стряслась на Костяничной горке

Настала середина лета. Все звери и птицы вывели детей. И в поля каждый день стали наведываться хищники.

Жаворонок по-прежнему с утра поднимался под облака и пел там. Но теперь частенько ему приходилось прерывать пение и лететь предупреждать своих знакомых об опасности.

А друзей и знакомых у него были полны поля: Жаворонок со всеми жил в мире, и все его любили. Сам он больше всех любил своих друзей Подковкиных. Старался всё больше летать над тем полем, где было гнездо Оранжевого Горлышка.

Летает в вышине, а сам зорко следит, не покажется ли где хищник.

Вот взошло солнце, и с дальних полей, из-за реки, уже приближается голубовато-белый Лунь. Лицо у него круглое, как у кошки, нос крючком.

Он летит низко-низко над зелёною рожью и смотрит, высматривает: не мелькнёт ли где птенчик или мышь? Вдруг остановится на лету и, как бабочка, приподняв крылья над спиной, повиснет в воздухе: вглядывается в одно место.

Там сейчас ушмыгнул от него в норку Мышонок. Лунь и ждёт, когда Мышонок высунет нос из норки. Если высунет, Лунь разом сложит крылья, камнем упадёт вниз – и цоп Мышонка в когти!

Но Жаворонок уже мчится с высоты и, крикнув Подковкиным на лету:

«Лунь прилетел!», спешит к норке, кричит Мышонку:

– Не высовывай носа! Не высовывай носа из норки!

Подковкин командует своим поршкам:

– Чирр-вик!

И поршки поджимают ножки, делаются невидимками.

Мышонок слышит Жаворонок и, дрожа от страха, забивается поглубже в норку.

И Лунь улетает дальше, никого не поймав.

Каждый день прилетали из далёкого леса чёрный Коршун с выемкой на длинном хвосте и бурый Канюк-Мышелов. Кружили над полями, высматривая добычу. Их когти всегда готовы схватить неосторожного мышонка или поршка. Но с утра до полудня и опять через час после полудня караулит в небе Жаворонок, и все полевые птицы и звери спокойны: у них хороший сторож.

А в полдень хищники улетают на реку – на водопой. Тогда и Жаворонок спускается на землю поест да вздремнуть полчаса после обеда, и в полях наступает «мёртвый час», – час отдыха и сна.

И может быть, так бы всё и обошлось благополучно, все звериные детёныши были бы целы и поршки у куропаток выросли бы спокойно, да, на беду, прилетела в поля Серая Ястребиха.

Страшны маленьким зверям и птицам и Лунь, и Коршун, и Канюк-Мышелов. Ещё страшней небольшой Серый Ястреб-Перепелятник – птица-кошка. От его безжалостных жёлтых глаз всего трудней спрятаться. От него не спасут ни быстрые ноги, ни ловкие крылья.

Но всех страшней его жена – Ястребиха. Она больше и сильнее Ястреба. Ей и взрослую куропатку поймать – пустяк.

Ястребиха не кружила над полями у всех на виду, как Лунь или Канюк. Она только пронеслась над рожью и где-то за Костяничной горкой вдруг исчезла.

Жаворонок прокричал сверху:

– Ястребиха! Спасайтесь! – и замолк.

Он сам не знал, куда девалась Ястребиха: не успел заметить.

На Костяничной горке растут густые кусты, а над ними поднимаются в небо две высокие осины. Одна – сухая. Другая – как зелёная круглая башня. Коршун и Канюк-Мышелов, бывало, летают-летают и присядут на сухую осину: отсюда им хорошо видно, что делается кругом в полях.

Им видно, зато и их видно. И пока хищник сидит на сухой осине, ни одна мышь не высунет носа из норки, ни одна птица не покажется из кустов или из хлеба.

А вот Ястребиха промчалась над головами – и нет её. Никто не сидит на сухой осине. Никто не кружит над полями. Жаворонок опять спокойно запел в вышине.

И полевое зверьё вылезает из норок: из незаметных ухоронок под кустами, в хлебах, между кочками.

Жаворонок видит с высоты: вот Зайчишка выкатился из-под куста, встал столбиком, огляделся, повертел во все стороны ушками. Ничего, спокойно. Опустился на передние короткие лапки и принялся щипать траву.

Мыши зашнырями между кочками.

Подковкин с Оранжевым Горлышком привели своих поршков к самой Костяничной горке.

Что это они делают там? Да ведь они учат детей зёрнышки клевать! Подковкин ткнёт несколько раз в землю носом, что-то скажет, и все двадцать четыре поршка со всех ног бегут к нему, смешно тыкаются короткими носиками в землю.

А вон там, на самой горке, у двух осин, – соседи Подковкиных, семейство Бровкиных: сам Бровкин и курочка его, Голубой Носик, и детки их, крошки-поршки.

Всё это видит Жаворонок, видит и ещё кто-то: тот, кто затаился в высокой зелёной осине, как в башне. А кто там прячется, ни Жаворонку, никому из полевых зверей и птиц не видно.

«Сейчас, – думает Жаворонок, – опять Подковкин подерётся с Бровкиным. Вот, увидали друг друга, распушились оба, распетушились... Нет, ничего, не дерутся. Прошло, видно, время драк. Только Оранжевое Горлышко повернула назад в рожь: уводит своих детей. И Голубой Носик тоже... Ой!»

Серой молнией блеснула сверху, из зелёной осины, Ястребиха. И забила у неё в когтях курочка Голубой Носик – пух полетел над кустами.

– Чирр-вик! – отчаянно крикнул Подковкин.

Значит, и он увидал Ястребиху. Всё семейство Подковкиных исчезло во ржи. А Бровкин совсем растерялся. Ему бы тоже крикнуть «чирр-вик!» да спастись с поршками в кусты, а он, с перепугу, чирикнул и полетел, как Подковкин от Лисы, притворяясь подшибленным.

Ах, глупый, глупый петушок! Ястребиха – не Лиса! Разве могут спасти от неё короткие куропачьи крылышки!

Ястребиха бросила мёртвую курочку – и за ним! Ударила Бровкина в спину, вместе с ним упала в кусты.

И остались крошки-поршки Бровкины круглыми сиротами – без отца, без матери.

Чему обучались поршки в школе первой ступени

Ястребиха съела на месте петушка Бровкина, а курочку Голубой Носик унесла в лес – своим прожорливым ястребяткам на обед.

Жаворонок полетел к Подковкиным.

– Вы видели? – встретила его вопросом Оранжевое Горлышко. – Ужас, ужас! Бедные крошки Бровкины, горькие сироты... идёмте скорей, разыщем их.

И она побежала так шибко, что поршкам пришлось поминутно вспархивать, чтобы поспеть за ней.

На Костяничной горке она остановилась и громко позвала:

– Ко-кко! Ко-ко-кко!

Ей никто не ответил.

– Ах, бедные, ах, бедные крошки! – сказала Оранжевое Горлышко. – Они так напугались, что не смеют и на ножки вскочить.

Она позвала во второй раз.

И опять никто не отозвался.

Позвала в третий раз – и вдруг кругом, со всех сторон, как из-под земли выросли маленькие Бровкины и с писком покатались к ней.

Оранжевое Горлышко распушила перья и приняла к себе под крылышки всех своих малышей и всех Бровкиных.

Такое множество поршков не могло поместиться под её крылышками. Они залезали друг на друга, толкались, брыкались, пихались, и то один, то другой из них кубарем вылетал наружу. Оранжевое Горлышко сейчас же нежно загоняла его назад, в тепло.

– Пусть-ка, теперь, – вызывающе крикнула она, – пусть кто-нибудь осмелится сказать, что это не мои дети!

Жаворонок подумал про себя: «Вот уж верно! Все крошки как две капли воды похожи друг на друга. Пусть меня изжарят на сковородке, если я разберу, которые тут Бровкины, которые Подковкины. Я думаю, сама Оранжевое Горлышко – и та не разберёт».

А вслух сказал:

– Неужели вы хотите их усыновить? У вас и своих-то...

– Молчи, молчи! – перебил его Подковкин. – Раз Оранжевое Горлышко сказала, – значит, так тому и быть. Не пропадать же сироткам без призору!

Тут у Жаворонка почему-то вдруг защекотало-защекотало в горлышке, и глаза стали мокрые, – хотя птицы и не умеют плакать. Ему стало так

стыдно этого, что он незаметно шмыгнул за куст, улетел от друзей и долго не показывался им на глаза.

* * *

Раз утром, поднявшись в вышину, Жаворонок вдруг увидел, что колхозники выехали в поля на жёлтой машине. У машины с правого бока были четыре деревянных крыла с зубьями, как у грабель, и внизу площадка вроде половины тарелки.

С левого бока сидел человек и управлял машиной.

Он направил машину в ржаное поле, в то самое поле, где жили Подковкины. Машина замахала крыльями, и Жаворонок подумал: «Вот сейчас она поднимется и полетит».

Но машина не поднялась и не полетела, а с правого бока от неё стала падать на тарелку высокая рожь, сползала с тарелки и ровными рядами ложилась на землю. За машиной шли колхозницы и вязали в снопы упавшую рожь.

И тогда Жаворонок догадался: «Ага, эта машина – жнейка! Колхозники начали жать рожь. Теперь, значит, поршки учатся в школе первой ступени. Надо посмотреть, чему их там обучают».

Как и говорила Оранжевое Горлышко, Подковкиных он нашёл теперь во льне. Они как раз собирались давать детям урок. Жаворонок удивился, как подросли за эти дни поршки. Их нежный пух сменился пёрышками.

Сам Подковкин поднялся на кочку, а сорок четыре поршка под присмотром Оранжевого Горлышка разместились внизу полукругом.

– Ккк! – сказал Подковкин. – Внимание!

И он стал говорить поршкам о пользе образования для куропаток.

– С образованием, – говорил он, – молодая куропатка нигде не пропадёт.

Говорил Подковкин долго, и Жаворонок видел, как поршки один за другим закрывали глазки и засыпали.

– Как уберечь себя от врагов, – говорил Подковкин, – от охотников, мальчишек, от хищных зверей и птиц, – вот в чём вопрос! В школе первой ступени вы будете изучать, как вести себя на земле, а в школе второй ступени – как держать себя в воздухе. Мы, куропатки, наземные птицы и взлетаем только тогда, когда враг наступит нам на хвост.

Тут Подковкин перешёл к примерам:

– Скажем, к нам приближается человек... мальчик, скажем. Что мы

делаем прежде всего?

Никто не ответил на его вопрос: все сорок четыре поршка крепко спали.

Подковкин не заметил этого и продолжал:

– Прежде всего я или Оранжевое Горлышко тихонько командуем: «Ккок! Внимание!» Вы уже знаете, что при этом слове вы все поворачиваетесь к нам и смотрите, что мы делаем.

«Этого он мог и не говорить», – подумал Жаворонок, потому что, как только Подковкин сказал «ккок!», все сорок четыре крепко спавших поршка разом проснулись и повернули к нему носы.

– Я говорю «ккок!», – продолжал Подковкин, – и притаиваюсь, то есть поджимаю ножки и крепко прижимаюсь к земле. Вот так.

Он поджал ножки, и все сорок четыре поршка сделали то же.

– Так... Мы лежим, притаившись, и всё время зорко смотрим, что делает мальчик. Мальчик идёт прямо на нас. Тогда я командую чуть слышно: «Терк!» – мы все вскакиваем на ножки...

Тут Подковкин, а за ним все сорок четыре поршка вскочили.

– ...вытягиваемся вот так...

Подковкин вытянул шейку вперёд и вверх, всё тело его тоже вытянулось, и он стал похож на длинную бутылочку на тонких ножках. А поршки, как ни вытягивались, остались похожи на пузырьки на коротких ножках.

– ...и удираем, прикрываясь травой, – закончил Подковкин.

Бутылочка вдруг быстро побежала с кочки в лён и пропала в нём. Сорок четыре пузырька покатались за ней – и весь лён кругом зашевелился.

Подковкин сейчас же выпорхнул из льна и опять сел на свою кочку. Вернулись и поршки.

– Никуда не годится! – сказал Подковкин. – Разве так удирают? Весь лён закачался там, где вы бежали. Мальчишка сейчас же схватит палку или камень и швырнёт в вас. Надо научиться бегать в траве так, чтобы ни одного колоска не задеть. Вот глядите...

Он опять превратился в бутылочку на ножках и покатыл в лён. Густой зелёный лён сомкнулся за ним, как вода над нырлящиком, и больше нигде ни один стебелёк не шелохнулся.

– Замечательно! – вслух сказал Жаворонок. – Долго же придётся вам, дети, учиться, чтобы так ловко бегать!

Подковкин вернулся совсем не с той стороны, куда направился, и сказал:

– Запомните ещё вот что: удирать надо не прямо, а непременно углами, зигзагами – вправо, влево; влево, вправо и вперёд. Повторим, Жаворонок проголодался и не стал смотреть дальше, как поршки будут учиться бегать.

– Я на минутку, – сказал он Оранжевому Горлышку и полетел разыскивать гусениц.

В несжатой ржи он нашёл их много, да таких вкусных, что забыл про всё на свете.

Вернулся он к Подковкиным только вечером. Перепела во ржи кричали уже: «Спать пора! Спать пора!», и Оранжевое Горлышко укладывала детей.

– Вы уже большие, – говорила она поршкам, – и теперь не будете спать у меня под крылышком. С сегодняшнего дня учитесь ночевать так, как спят взрослые куропатки.

Оранжевое Горлышко легла на землю, а поршкам велела собраться в кружок вокруг неё.

Поршки улеглись, все сорок четыре носика внутрь, к Оранжевому Горлышку, хвостиками наружу.

– Не так, не так! – сказал Подковкин. – Разве можно засыпать хвостом к врагу? К врагу надо быть всегда носом. Враги – кругом нас. Ложитесь все наоборот: хвостами внутрь круга, носами наружу. Вот так. Теперь, с какой стороны к нам ни подойдёт враг, кто-нибудь из вас его непременно заметит.

Жаворонок пожелал всем покойной ночи и поднялся. Сверху он ещё раз взглянул на Подковкиных. И ему показалось, что на земле среди зелёного льна лежит большая пёстрая много-много-многоконечная звезда.

Как в поля пришёл охотник с большим рыжим псом и чем это кончилось

Перед прощанием Оранжевое Горлышко сказала Жаворонку:

– Когда люди сожнут рожь и поведёргивают весь лён, ищите нас в ячмене. Когда начнут жать ячмень, мы перейдём в пшеницу. Когда примутся за пшеницу – мы в овёс, а из овса – в гречиху. Запомните это, и вы всегда найдёте нас.

Но ржи в полях было много, и не так-то скоро её убрали. Колхозницы вязали колосья в снопы, из снопов ставили бабки-суслоны. Скоро ржаные поля стали похожи на шахматные доски, на которых правильными рядами расставлены пешки. Пока одни колхозники жали рожь, другие за льнотеребилкой вязали лён.

Прилетали в поля хищные птицы: луни, канюки, небольшие соколы – пустельги и кобчики. Они рассаживались отдыхать на бабки, высматривали птенцов, мышей, ящериц и кузнечиков.

Жаворонок всё реже теперь поднимался в облака, всё меньше пел. У всех жаворонок – его родных – подрастали птенцы. Надо было помогать родным учить птенцов летать, разыскивать червячков, прятаться от хищников. Было уже не до песен.

Наконец колхозники сжали всю рожь и поведёргали лён. Все ржаные и льняные поля стали как шахматные доски.

Частенько теперь Жаворонок слышал громкие выстрелы то за рекой, то за озером: там бродил Охотник с большим рыжим псом, стрелял тетеревов и другую дичь. Так страшно гремело его ружьё, что Жаворонок спешил улететь подальше.

И вот раз Жаворонок увидел, как Охотник направился в поля. Он шёл по сжатой ржи, а рыжий пёс сновал перед ним справа налево, слева направо, пока не добежал до ячменного поля. Тут он разом остановился как вкопанный – хвост пером, одна передняя лапа подогнута. Охотник направился к нему.

– Батюшки-светы! – ахнул Жаворонок. – Да ведь там, в ячмене, живут теперь Подковкины! Ведь рожь вся сжата и лён весь повыдерган!

И он помчался к ячменному полю.

Охотник подошёл уже к рыжему псу. Пёс как стал, так и стоял неподвижно, только чуть скосил один глаз на хозяина.

– Красивая стойка, – сказал Охотник, снял с плеча двустволку и взвёл оба курка. – Сигнал, вперёд!

Рыжий пёс осторожно, на одних пальцах, пошёл вперёд – тихо-тихо.

Жаворонок был уже над Охотником и остановился в воздухе, не в силах от страха крикнуть.

Рыжий Сигнал осторожно шёл вперёд. Охотник подвигался за ним.

Жаворонок думал: «Сейчас, сейчас выскочат Подковкины и...»

Но Сигнал всё шёл вперёд, поворачивал то вправо, то влево, а куропатки не вылетали.

– Наверное, Тетерев-Косач в ячмене, – сказал Охотник. – Старый петух. Они часто удирают от собаки пешком. Вперёд, Сигнал!

Сигнал прошёл ещё несколько шагов и опять стал, вытянув хвост и поджав одну лапу. Охотник поднял ружьё и приказал:

– Ну, вперёд!

«Вот сейчас, сейчас!» – думал Жаворонок, и сердчишко его замирало.

– Вперёд, Сигнал! – крикнул Охотник.

Рыжий пёс подался вперёд – и вдруг с треском и чириканьем брызнуло из ячменя всё многочисленное семейство Подковиных.

Охотник вскинул ружьё к плечу и...

Жаворонок зажмурил глаза от страха.

Но выстрелов не было.

Жаворонок открыл глаза. Охотник уже вешал ружьё на плечо.

– Куропатки! – сказал он громко. – Хорошо, что я удержался. До сих пор не могу забыть, как там, за озером, – помнишь, Сигналка? – я застрелил курочку. Наверное, весь выводок погиб: одному петушку не уберечь

поршков. Сигнал, назад!

Сигнал с удивлением глядел на хозяина. Пёс нашёл дичь, сделал стойку, поднял дичь по приказу хозяина, а хозяин не стал стрелять и вот зовёт его назад!

Но Охотник уже повернул и пошёл прочь от ячменного поля. И Сигнал побежал за ним.

Жаворонок видел, как Подковкины опустились на другом конце поля, и живо их там разыскал.

– Вот счастье! – закричал он Оранжевому Горлышку. – Я всё видел и так боялся, так боялся!

– Что вы! – удивилась Оранжевое Горлышко. – А я почти совсем не боялась. Ведь охотничий закон разрешает стрелять нас, серых куропаток, только тогда, когда опустеют все хлебные поля и колхозники примутся рыть картошку.

Этот охотник ходит сейчас только за тетеревами да за утками, а нас пока не трогает.

– Он сам говорил, – горячо заспорил Жаворонок, – что на днях убил курочку за озером.

Бедные поршки, они теперь все погибнут с одним петушком!

– Эх ты хватил! – перебил Подковкин. – Уж будто так сразу и погибнут! Вот, познакомься, пожалуйста: петушок Заозеркин.

Тут только Жаворонок заметил, что рядом с Оранжевым Горлышком и Подковкиным сидит ещё один взрослый петушок.

Петушок кивнул ему головой и сказал:

– Мне бы и правда трудно было уберечь малых деток одному, после того как погибла моя жена. Вот я и привёл их сюда и попросился к добрым соседям, к Подковкиным. Они меня приняли со всем моим семейством. Теперь мы втроём заботимся о детях. Видите, как много их у нас?

И он показал клювом на целое стадо поршков в ячмене.

Жаворонок сразу узнал среди них новых приёмшей Оранжевого Горлышка: поршки Заозер-кияы были маленькие, гораздо меньше ростом, чем Подковкины и Бровкины.

– Отчего ваши детки, – спросил он удивлённо, – такие... небольшие?

– Ах, – ответил Заозеркин, – у нас столько несчастий в этом году! В начале лета моя жена свила гнездо, положила яйца и уже несколько дней сидела, высиживала их. Вдруг пришли мальчишки и разорили наше гнёздышко. Все яички погибли...

– Ай, какое горе! – вздохнул Жаворонок.

– Да. Пришлось жене новое гнездо делать, новые яйца класть и опять сидеть-высиживать.

Поздненькие вышли детки. Вот и маленькие ещё.

– Ничего, подрастут! – добрым голосом сказала Оранжевое Горлышко. – Всех поднимем.

И у Жаворонка опять защекотало в горлышке, как тогда, когда Оранжевое Горлышко приютила сирот Бровкиных.

Какую хитрость придумала Оранжевое горлышко, когда опустели хлебные поля и колхозники принялись копать картошку

Рожь высохла в бабках-суслонах, и колхозники сложили её в большие, как дома, кучи.

Бабки льна свезли на гумно, обмолотили там из них семя и снова отвезли в поля, разостлали их там в сырых ложбинках. Как золотистыми половичками покрылись лога. С каждым днём теперь быстро пустели поля. Подковкины то и дело переходили с места на место.

Сжали колхозники ячмень – Подковкины перешли в пшеницу. Сжали пшеницу – Подковкины перебежали в овёс. Сжали овёс – Подковкины перелетели в гречиху.

Охотник больше не приходил в поля, и Жаворонок перестал о нём думать.

Жаворонку теперь было ещё больше дела. Приближалась осень, многие перелётные птицы готовились уже к путешествию в дальние края. Собрались в путь и все родственники Жаворонка. Они слетались в стаи на сжатых полях, вместе кормились, вместе перелетали с места на место: приучали своих детей к долгим перелётам, к высоким полётам.

Жаворонок жил теперь в стае.

Всё чаще дули холодные ветры, всё чаще поливало дождём.

Убрали колхозники и гречиху.

Подковкины переселились к речке, в картофельные поля. Жаворонок видел, как они бегают там между длинными высокими грядками, как в узких улочках. Видел, как подросшая молодёжь учится летать. По команде Подковкина всё стадо сразу взлетало и мчалось вперёд. Раздавалась новая команда – всё стадо круто поворачивало в воздухе, летело назад, потом вдруг переставало махать крылышками и плавно спускалось в кусты или картошку.

Круто повернуть назад на всём лету – это считалось у куропаток самым трудным делом.

Как-то рано утром Жаворонок летел в своей стае над деревней.

Из крайней избы вышел Охотник.

Жаворонок забеспокоился, отделился от стаи и спустился пониже.

Охотник громко говорил сам с собой:

– Ну, вот и пятнадцатое сентября. Сегодня – открытие охоты на серых куропаток. Выходит, надо идти в поля.

Рыжий Сигнал радовался, что идёт на охоту. Он плясал перед хозяином на задних лапах, махал хвостом и громко лаял.

Жаворонку нельзя было терять из виду свою стаю. Грустный, полетел он догонять её.

Он думал: «Когда теперь увижу Подковкиных, уж не будет у них такого стада. Половину перебьёт Охотник».

Думы о друзьях не давали ему покоя.

Стая залетела высоко вверх и снова спустилась. Улетела далеко за лес, сделала большой круг и к вечеру вернулась в родные поля.

Наскоро проглотив несколько червячков, Жаворонок полетел к речке, в картофельное поле.

В картофельном поле горели костры и целыми семьями работали колхозники. В руках у них были белые, свежооструганные лопаточки, похожие на маленькие вёсла. Колхозники выкапывали ими из грядок картофель и складывали в мешки. Вымазанные углём ребятишки пекли картошины в золе костров и тут же ели их.

Подковкиных в картофельном поле не было.

С того берега речки к этому плыл в лодке Охотник. Рядом с ним сидел Сигнал. Охотник пристал, вытащил лодку на берег и сел отдыхать.

Жаворонок подлетел к нему и услышал, как Охотник рассуждал сам с собой.

– Измучили!.. – говорил он. – Что я им, нанялся сто раз с берега на берег ездить? Нет, шалишь! Гоняйся за ними, кому охота. А мы лучше другое стадо поищем, попроще которое. Правильно я говорю, Сигналушка?

Рыжий пёс завилял хвостом.

Солнце уже садилось. Охотник устало побрёл к деревне.

Жаворонок видел, что у него нет ни дичинки, и понял, что Подковкины как-то сумели перехитрить Охотника. «Где же они?» – подумал Жаворонок.

И словно в ответ ему с того берега послышался голос самого Подковкина:

– Червяк! Червяк! Червяк!

И с разных сторон ему отозвались тоненькие голоса:

– Чичире! Чичире! Чичире! Чичире!

Это откликались разлетевшиеся во все стороны молодые куропатки.

Через минуту Жаворонок был среди них, и Подковкин рассказывал ему, как Оранжевое Горлышко обманула Охотника.

– Говорил я тебе, что умней Оранжевого Горлышка нигде курочки не

сыщешь! Ведь что придумала! Выходит Охотник из дому, а она уж знает.

– Как же она может знать это? – спросил Жаворонок. – Ведь из кустов не видно.

– А очень просто: когда Охотник выходит на охоту, его рыжий пёс лает?

– Сигнал-то? Верно, лает!

– Да как ещё громко! Вот Оранжевое Горлышко услышала и, ни слова не говоря, марш-марш за реку! Мы, конечно, все за ней.

– Через реку? Вот это ловко!

– Ищет, ищет нас рыжий пёс на этой стороне: следы наши чует, а нас нет! Ну, Охотник, тот хитрей, – скоро догадался, где мы спрятались.

Достал лодку, переехал на тот берег. А мы опять на этот берег.

– Понимаю, понимаю! – обрадовался Жаворонок. – Он туда, а вы сюда; он сюда, а вы туда! Он ездил, ездил, да и говорит: «Измучили совсем! Лучше за другими куропатками пойду, которые не такие хитрые».

– Ну да, – сказал Подковкин. – Ему на лодке долго переезжать, а мы – порх! – и на том берегу!

Солнце уже зашло, а друзья ещё долго не могли расстаться: всё радовались, как ловко Оранжевое Горлышко сумела провести Охотника.

Как Жаворонок простился с друзьями и о чём он пел, покидая Родину

Давно вспахали колхозники пустые поля и опять посеяли рожь и пшеницу.

Давно вымок в туманах и росах лён, расстеленный в логах; из золотистого стал бурым. Колхозницы собрали его, поставили острыми кучками. И стало казаться, что в логах расположилось лагерем, равными рядами разбило свои остроконечные шалашики бесчисленное войско невидимых человечков.

Высоко в небе, то собираясь углом, то растягиваясь вожжой, летели стаи диких гусей.

Поля опустели. Взрыхлённые мокрые пашни чернели там, где летом шумела высокая рожь.

Но там, где не было ржи, уже взошли и весело блестели шёлковые зелена.

Всё многочисленное семейство Подковкиных кормилось теперь сладкой травкой зеленой. Ночевали Подковкины в кустах.

Ветродуи-листодёры срывали последние листья с кустов и деревьев.

Настала пора Жаворонку улетать в далёкие тёплые страны. И он отыскал Подковкиных в зеленях, чтобы проститься с ними.

Целое стадо, целое Большое Стадо полевых петушков и курочек с весёлым криком окружило его. В стаде было сто или, может быть, тысяча куропаток. Не сразу отыскал Жаворонок среди них Оранжевое Горлышко и Подковкина: все молодые куропаточки стали уже ростом с родителей, все были нарядно одеты. У всех на груди были подковки вкусного шоколадного цвета. У всех щёки и горлышки стали оранжевые, бровки красные, грудки голубые, хвостики рыжие. И только приглядевшись, Жаворонок рассмотрел, что у молодых куропаточек ножки зеленоватые, а у взрослых – желтоватые.

– Что я тебе говорил! – закричал Подковкин, подбегая к Жаворонку. – Вот собирается Большое Стадо, и кто же в нём старшая курочка? Конечно, Оранжевое Горлышко!

Но Оранжевое Горлышко сейчас же перебила его. Она спросила:

– Вы улетаете от нас в далёкие края? Ах, как там, верно, красиво, как тепло, хорошо!

Жаворонок грустно покачал головой:

– Не очень-то хорошо. Тепло там, это верно. Но никто из нас, певчих перелётных, не вздумает там петь, никто там не завьёт гнёздышка, не выведет птенчиков. И страшно там!

– Почему же страшно? – удивилась Оранжевое Горлышко.

– Там, в тех чужих краях, даже нас, жаворонков считают дичью. Там охотятся за нами с собаками и ружьями. Там ловят нас сетями. Там жарят нас на сковородках, – много-много надо жаворонков на одну сковородку. Нас жарят на сковородках и едят.

– Ах, какой ужас! – в одно слово вскрикнули Оранжевое Горлышко и Подковкин. – Так оставайтесь тут зимовать.

– И рад бы, да ведь тут снег, холод. Все червячки и гусеницы попрячутся. Я вам удивляюсь: что вы едите тут зимой?

– А очень просто, – ответил Подковкин. – Видишь, сколько зеленой посеяли для нас колхозники? На сто зим хватит нам еды.

– Да ведь зелены скоро покроет снег!

– А мы его лапками, лапками! За кустиками, в заветерках такие местечки есть – всю зиму там снегу чуть-чуть. Лапками поскребёшь-поскребёшь – смотришь: зелёная травка.

– А говорят, – спросил Жаворонок, – зимой бывает страшная гололедица и весь снег покрывается ледком?

– А тогда, – сказала Оранжевое Горлышко, – нам поможет Охотник. Охотничий закон запрещает стрелять и ловить нас зимой. Охотник знает, что мы можем погибнуть в гололедицу. Он будет ставить на снегу шалашики из ёлочек, а в шалашики сыпать для нас зерно – ячмень да овёс.

– Хорошо тут! – сказал Жаворонок. – Ах, как хорошо у нас на родине. Скорей бы весна – и я опять вернусь сюда. Ну, до свиданья!

– До свиданья! – сказала Оранжевое Горлышко.

– До свиданья! – сказал Подковкин.

– До свиданья! – закричали все старые и молодые петушки и курочки, на сто, на тысячу голосов сразу.

И Жаворонок полетел к своей стае.

Было ещё утро, но тяжёлая серая туча скрывала небо, и всё казалось серым и скучным на земле.

Неожиданно из-за тучи выглянуло солнце. Сразу стало светло и весело, как весной.

И Жаворонок начал подниматься выше и выше и вдруг сам не знал как – запел!

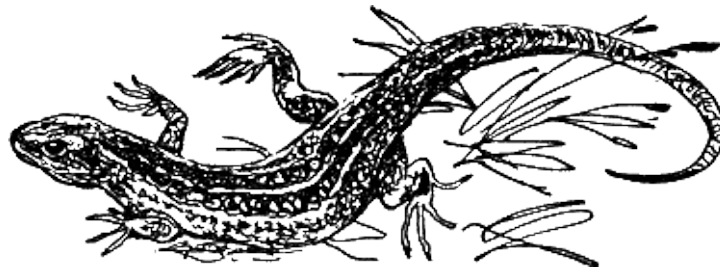
Он пел про то, как хорошо в его родных полях. Пел про то, как люди сеяли хлеб, а в хлебах жили, выводили детей и прятались от врагов разные

птицы и звери. Пел про то, как прилетела в поля злая Ястребиха, убила сразу петушка и курочку, как остались после них сиротами крошки-поршки; как пришла другая курочка и не дала погибнуть чужим малым деткам. Пел про то, как будет зимой водить Большое Стадо мудрая полевая курочка – Оранжевое Горлышко, а Охотник будет ставить на снегу шалашики и сыпать в них зерно, чтобы было что поклевать куропаткам в лютый мороз. Пел про то, как он снова прилетит в родные поля и звонкой песней расскажет всем, что началась весна.

А внизу, на земле, останавливались удивлённые люди.

Им было так странно и так приятно, что вот осень, а Жаворонок опять запел.

Люди запрокидывали голову и, прикрыв глаза от солнца, напрасно старались разглядеть в небе маленького певца: там, в высоте, вились и сверкали крошечные белые звездочки-снежинки. И, не долетев до земли, таяли.

СКАЗКИ ЗВЕРОВОЛА

Люля

– Прежде земли совсем не было, – рассказывает хант-зверолов. – Только одно море было. Звери и птицы жили на воде и детей выводили на воде. И это было очень неудобно.

Вот раз собрались звери и птицы со всех концов моря, устроили общее собрание. Председателем выбрали большого-большого Кита. И стали думать, как беде помочь.

Долго спорили, шумели, наконец постановили: достать со дна моря щепотку земли и сделать из неё большие острова. И тогда на земле жить, и детей выводить на земле.

Хорошо придумали. А как земли достать со дна – не знают. Море-то ведь глубокое, не донырнёшь до дна.

Стали звери и птицы рыб просить:

– Принесите нам, рыбы, щепотку земли со Дна.

– А вам зачем? – спрашивают рыбы.

– Острова делать.

– Нет, – говорят рыбы, – не дадим вам земли острова делать. Нам без островов лучше жить: плыви, куда хочешь.

Стали звери и птицы Кита просить:

– Ты из нас самый сильный и большой зверь. Ты председатель наш. Понатужься – нырни на дно. Собрание просит, – нельзя отказываться.

Набрал Кит воздуху, ударил хвостом по воде, – нырнул. Пошли по морю волны, закачались на них звери и птицы.

Ждут-пождут – нет Кита. Только большие пузыри из воды выскакивают да с треском лопаются. И волны улеглись.

Вдруг забурлила вода, всколыхнулось море, – выкинуло Кита высоко в воздух.

Упал Кит назад в воду, выпустил из ноздрей две струи.

– Нет, – говорит, – не достать мне до дна. Очень уж я толстый. Не пускает меня вода.

Загрустили звери и птицы: уж если Кит не может достать, – кто же достанет?

Собрались все в круг, молчат, горюют.

Вдруг выплывает в середину круга остро-носенькая птица.

– Давайте, – говорит, – я попробую. Может быть, я донырну до дна.

Посмотрели звери и птицы: да ведь это Люля-Нырец! Ростом с малую

уточку. На головке рожки из перьев торчат.

Зашумели, рассердились звери и птицы:

– Ты, Л юля, смеёшься над нами! Кита-великана море, как щепку, выкинуло. А уж тебя-то, слабенькую, разом расплющит.

– А может быть, и ничего, – говорит Люля. – Попробую.

И как сидела на воде, так и ушла под воду: только голову опустила – и нет Люли. Даже ряби на волнах не осталось.

Ждут-пождут звери и птицы – нет Люли. И море спокойно, только белые пузырьки из воды выскакивают и лопаются без шума.

Вдруг на том месте, где Люля нырнула, опять она сидит. А когда вынырнула, – никто и не заметил.

Сидит, дышит тяжело.

Зашумели, засмеялись звери и птицы:

– Где тебе, Люля, до дна достать! Маленькая ты, слабенькая ты, а с Китом тягаться хочешь.

А Люля молчит. Отдышалась, отдохнула, – опять под воду ушла.

Ждут-пождут звери и птицы, смотрят на воду – нет Люли. И море спокойно, только розовые пузырьки из воды выскакивают, лопаются без шума.

Вдруг на том месте, где Люля нырнула, опять она сидит. А когда вынырнула, – никто и не заметил.

Сидит, тяжело дышит. И глаза у неё розовые стали, и на клюве розовый от крови пузырик.

Зашумели звери и птицы: жалко им стало маленькую Л юлю.

– Довольно, – говорят, – ты для нас постаралась. Отдыхай теперь. Всё равно не достать земли со дна моря.

А Люля молчит.

Отдышалась, отдохнула, – опять под воду ушла.

Ждут-пождут звери и птицы, смотрят на воду – нет Люли.

И море спокойно. Только красные пузырьки из воды выскакивают, лопаются без шума.

Зашептали звери и птицы:

– Красные пузырьки пошли – это кровь Люлина, Раздавило море Люлю. Не видать нам больше Люли.

Вдруг видят: глубоко в воде, под тем местом, где Люля сидела, что-то тёмное мелькает, приближается. Ближе, ближе, и всплыла наверх Люля ножками кверху.

Подхватили её звери и птицы, перевернули, посадили на воду ножками вниз и видят: сидит Люля, еле дышит. Глаза у неё кровью налились, на

клюве – красный кровавой пузырьки, а в клюве – щепотка земли со дна морского.

Обрадовались звери и птицы, взяли у Люли щепотку земли и сделали большие острова.

А маленькой Люле за то, что землю достала со дна моря, постановили дать награду: пусть в память об этом подвиге навсегда останутся у Люли глаза и клюв красивого красного цвета.

На этом общее собрание и кончилось И помчались звери, помчались птицы делить между собой землю. А Люля осталась сидеть, где она сидела: она не могла ещё отдышаться.

Звери и птицы разобрали всю землю, до последнего клочка. Для Люли-то и не осталось места. Вот и живёт она на воде по-прежнему.

Придёт пора детей выводить – соберёт камыш да ветки, что с берега в воду упали, устроит себе плотик плавучий. На нём и выводит детей.

Так и плавает всю жизнь по воде.

А глаза и клюв у Люли – это верно – и до наших дней красные остались.

Кузьяр-Бурундук и Инойка-Медведь

Прежде Кузьяр-Бурундук был весь жёлтый, как кедровый орешек без скорлупки. Жил он – никого не боялся, ни от кого не прятался, бегал, где хотел.

Да раз ночью поспорил с Инойкой-Медведем. А маленькому с большими – знаешь, как спорить: и выпорешь, да проиграешь.

Спор у них был: кто первый утром солнечный луч увидит?

Вот взобрались они на пригорышек и сели.

Инойка-Медведь сел лицом в ту сторону, где утром из-за леса солнцу вставать. А Кузьяр-Бурундук сел лицом туда, где вечером солнце зашло за лес. Спиной к спине сели и сидят – ждут.

Перед Кузьяром-Бурундуком высокая гора поднимается. Перед Инойкой-Медведем лежит долина гладкая.

Инойка-Медведь думает:

«Вот глупый Кузьяр! Куда лицом сел! Там до вечера солнца не увидишь».

Сидят, молчат, глаз не смыкают.

Вот стала ночь светлеть, развиднелось.

Перед Инойкой-Медведем долина чёрная лежит, а небо над ней светлеет, светлеет, светлеет.

Инойка и думает:

«Вот сейчас падёт на долину первый лучик – и я выиграл. Вот сейчас...»

А нет, всё ещё нету лучика. Ждёт Инойка, ждёт...

Вдруг Кузьяр-Бурундук за спиной у него кричит:

– Вижу, я вижу! Я первый!

Удивился Инойка-Медведь: перед ним долина всё ещё тёмная.

Обернулся через плечо, а позади-то макушки горы так солнцем и горят, так золотом и блещут!

И Кузьяр-Бурундук на задних лапках пляшет – радуется.

Ой, как досадно Инойке-Медведю стало! Проспорил ведь малышу!

Протянул тихонько лапу – цоп! – за шиворот Кузьяра-Бурундука, чтоб не плясал, не дразнился.

Да рванулся Кузьяр-Бурундук, – так все пять медвежьих когтей и проехали у него по спине. От головы до хвоста пять ремешков выдрали.

Шмыгнул Кузьяр-Бурундук в норку. Залечил, зализал там свои раны. Но

следы от медвежьих когтей остались.

С той поры робкий стал Кузьяр-Бурундук. Ото всех бегают, по дуплам, по норкам прячется. Только и увидишь: пять чёрных ремешков мелькнут на спинке – и нет его.

Глаза и уши

Жил Инквой-Бобёр на извилистой лесной речке. Хороша у Бобра хата: сам деревья пилил, сам их в воду таскал, сам стены и крышу складывал.

Хороша у Бобра шуба: зимой тепло, и в воде тепло, и ветер не продувает.

Хороши у Бобра уши: плеснёт в речке рыба хвостом, упадёт лист в лесу – всё слышит.

А вот глаза у Бобра подгуляли: слабые глаза. Подслеповат Бобёр: и на сто коротеньких бобриных шагов не видит.

А в соседях у Бобра на светлом лесном озерке жил Хоттын-Лебедь. Красивый был и гордый, ни с кем дружить не хотел, даже здоровался нехотя. Поднимет белую шею, окинет взглядом с высоты соседа – ему кланяются, он чуть кивнёт в ответ.

Вот раз случилось, работает Инквой-Бобёр на берегу речки, трудится: осины зубами пилит. Подпилит кругом до половины, ветер налетит и свалит осину. Инквой-Бобёр её на брёвнышки распилит и тащит на себе брёвнышко за брёвнышком к речке. На спину себе взвалит, одной лапой придерживает брёвнышко, – совсем как человек идёт, только трубки в зубах нет.

Вдруг видит – по речке Хоттын-Лебедь плывёт, совсем близко. Остановился Инквой-Бобёр, брёвнышко с плеча скинул и вежливо сказал:

– Узя-узя!

Здравствуй, значит.

Лебедь гордую шею поднял, чуть головой кивнул в ответ и говорит:

– Близко же ты меня увидел! Я тебя ещё от самого поворота речки заметил. Пропадёшь ты с такими глазами.

И стал насмехаться над Инквой-Бобром:

– Тебя, слепыша, охотники голыми руками поймают и в карман положат.

Инквой-Бобёр слушал, слушал и говорит:

– Спору нет, видишь ты лучше меня. А вот слышишь ты тихий плеск вон там, за третьим поворотом речки?

Хоттын-Лебедь прислушался и говорит:

– Выдумываешь, никакого плеска нет. Тихо в лесу.

Инквой-Бобёр подождал, подождал и опять спрашивает:

– Теперь слышишь плеск?

– Где? – спрашивает Хоттын-Лебедь.

– А за вторым поворотом речки, на втором пустоплезье.

– Нет, – говорит Хоттын-Лебедь, – ничего не слышу. Всё тихо в лесу.

Инквой-Бобёр ещё подождал. Опять спрашивает:

– Слышишь?

– Где?

– А вон за мысом, на ближнем пустоплезье!

– Нет, – говорит Хоттын-Лебедь, – ничего не слышу. Тихо в лесу.

Нарочно выдумываешь.

– Тогда, – говорит Инквой-Бобёр, – прощай.

И пускай тебе так же послужат твои глаза, как мне мои уши служат.

Нырнул в воду и скрылся.

А Хоттын-Лебедь поднял свою белую шею и гордо посмотрел вокруг: он думал, что его зоркие глаза всегда вовремя заметят опасность, и ничего не боялся.

Тут из-за леса выскочила лёгонькая лодочка – айхой. В ней сидел Охотник.

Охотник поднял ружьё – и не успел Хоттын-Лебедь взмахнуть крыльями, как грохнул выстрел.

И свалилась гордая голова Хоттын-Лебеда в воду.

Вот и говорят ханты – лесные люди: «В лесу первое дело – уши, глаза – второе».

Терентий-Тетерев

Жил в лесу Тетерев, Терентием звали.

Летом ему хорошо было: в траве, в густой листве от злых глаз прятался. А пришла зима, облетели кусты и деревья – и схорониться негде.

Вот звери лесные, злые, и заспорили, кому теперь Терентий-Тетерев на обед достанется. Лисица говорит – ей, Куница говорит – ей.

Лисица говорит:

– Терентий спать на землю сядет, в кусту. Летом его в кусту не видно, а нынче – вон он. Я понизу промышляю, я его и съем.

А Куница говорит:

– Нет, Терентий спать на дворе сядет. Я поверху промышляю, я его и съем.

Терентий-Тетерев услышал их спор, испугался. Полетел на опушку, сел на макушку и давай думать, как ему злых зверей обмануть. На дереве сядешь – Куница поймает, на землю слетишь – Лисица сцапает. Где же ночевать-то?

Думал-думал, думал-думал, – ничего не придумал и задремал. Задремал – и видит во сне, будто он не на дереве, не на земле спит, а в воздухе. Кунице с дерева его не достать и Лисице с земли не достать: вот только ноги под себя поджать, – ей и не допрыгнуть.

Терентий во сне ноги-то поджал да бух с ветки! А снег был глубокий, мягкий, как пух. Неслышно по нему крадётся Лисица. К опушке бежит. А поверху, по веткам, Куница скачет и тоже к опушке. Обе за Терентием-Тетеревом спешат.

Вот Куница первая прискакала к дереву да все деревья оглядела, все ветки облазила, – нет Терентия!

«Эх, – думает, – опоздала! Видно, он на земле, в кусту спал. Лисице, верно, достался».

А Лисица прибежала, всю опушку оглядела, все кусты облазила, – нет Терентия!

«Эх, – думает, – опоздала! Видно, он на дереве спал. Кунице, видно, достался».

Подняла голову Лиса, а Куница – вот она: на суку сидит, зубы скалит.

Лисица рассердилась, как крикнет:

– Ты моего Терентия съела, – вот я тебе!

А Куница ей:

– Сама съела, а на меня говоришь. Вот я тебе!

И схватились они драться.

Жарко дерутся: снег под ними тает, клочья летят.

Вдруг – трах-та-та-тах! – из-под снега чем-то чёрным как выпалит!

У Лисицы и Куницы от страха душа в пятки. Кинулись в разные стороны: Куница – на дерево, Лисица – в кусты.

А это Терентий-Тетерев выскочил. Он как с дерева свалился, так в снегу и заснул. Только шум да драка его разбудили, а то, наверное, и сейчас бы спал.

С тех пор все тетерева зимой в снегу спят: тепло им там, и уютно, и от злых глаз безопасно.

Водяной конь

На широкой-широкой сибирской реке выбирал старик сети, полные рыбой. Внук ему помогал.

Вот набили они лодку рыбой, закинули сети опять и поплыли к берегу. Старик гребёт, внук правит, вперёд глядит.

И видит: плывёт навстречу коряга – не коряга, словно бы пень, и на нём два больших, как у орла, каменных крыла. Плывёт и громко фыркает...

Испугался внук и говорит:

– Дедка, а дедка! Там что-то страшное плывёт да фыркает...

Старик обернулся, приставил руку к глазам, как козырёк, смотрел, смотрел и говорит:

– Это зверь плывёт.

Внук ещё больше испугался:

– Гребни, дедка, шибче. Убежим от него.

А дед не хочет, говорит:

– Это зверь сухопутный, в воде он нам ничего не сделает. Вот я его сейчас запрягу.

И погнал лодку наперерез зверю.

Ближе да ближе, – внуку уже видно: не пень это, а большая горбоносая голова, на ней рожищи широкие, как крылья. Голова старого Лося-Рогача. Ростом он больше коня и сильный страшно, сильнее Медведя.

Ещё больше испугался внук. Он схватил со дна лодки поколюку-копье, протягивает деду:

– Бери, дедка, поколюку, бей зверя крепче.

Не взял старик поколюку-копье. Взял две верёвки.

Одну накинул зверю на правый рог, другую – на левый рог, привязал зверя к лодке.

Страшно зафыркал зверь, замотал головой, глаза кровью налились. А сделать ничего не может: ноги у него в воде болтаются, до дна не достают. Опереться ему не на что – и верёвок разорвать не может.

Плывёт зверь и лодку за собой тащит.

– Видишь, – говорит старик, – вот нам и конь. Сам нас к берегу везёт. А убил бы я поколюкой зверя, нам с тобой пришлось бы его до дому тащить, из сил выбиваться.

И верно: тяжёл зверь, тяжелей лодки со стариком и внуком и всей их рыбой.

Фыркает зверь, плывёт, – к берегу рвётся. А старик верёвками, как вожжами, управляет им: за одну потянет – зверь вправо повёртывает, за другую – зверь влево. И внук уже не боится зверя, только радуется, что такой у них конь в упряжке.

Ехали так, ехали старик с внуком, – вот уже и берег близко, а на берегу избушка их виднеется.

– Ну, – говорит старик, – давай теперь поколюку, внучёк. Пора зверя колоть. Был он нам конём, теперь мясом будет – лосятиной.

А внук просит:

– Обожди, дедка, – пусть ещё прокатит. Не каждый день на таких конях ездим.

Ещё проехали. Старик опять поколюку-копье поднимает. Внук опять его просит:

– Не бей, дедка, успеешь. Будет нынче у нас сытный обед из лосятины.

А перед обедом на водяном коне всласть покатаемся.

А берег уже вот он – рукой подать.

– Пора, – говорит старик, – натешились.

И поколюку-копье поднимает.

Внук за поколюку держится, не даёт зверя колоть:

– Ну ещё, ну хоть капельку ещё прокатимся!

Тут вдруг достал зверь ногами до дна. Разом выросла из воды могучая шея, спина горбом, крутые бока. Встал старый Лось во весь свой богатырский рост, упёрся ногами в песок, рванул...

Лопнули обе верёвки. Лодка о камни с размаху – трах!

Опомнились старик и внук по пояс в воде.

Кругом только щепки плавают.

И лодки нет.

И рыбы нет.

И лосятина в лес убежала.

Мышонок Пик

Как мышонок попал в мореплаватели

Ребята пускали по реке кораблики. Брат вырезал их ножиком из толстых кусков сосновой коры. Сестрёнка прилаживала паруса из тряпочек.

На самый большой кораблик понадобилась длинная мачта.

– Надо из прямого сучка, – сказал брат, взял ножик и пошёл в кусты.

Вдруг он закричал оттуда:

– Мыши, мыши!

Сестрёнка бросилась к нему.

– Рубнул сучок, – рассказывал брат, – а они как порскнут! Целая куча! Одна вон сюда под корень. погоди, я её сейчас...

Он перерубил ножиком корень и вытащил крошечного мышонка.

– Да какой же он малюсенький! – удивилась сестрёнка. – И жёлтый! Разве такие бывают?

– Это дикий мышонок, – объяснил брат, – полевой. У каждой породы своё имя, только я не знаю, как этого зовут.

Тут мышонок открыл розовый ротик и пискнул.

– Пик! Он говорит, его зовут Пик! – засмеялась сестрёнка. – Смотри, как он дрожит! Ай! Да у него ушко в крови. Это ты его ножиком ранил, когда доставал. Ему больно.

– Всё равно убью его, – сердито сказал брат. – Я их всех убиваю: зачем они у нас хлеб воруют?

– Пусти его, – взмолилась сестрёнка, – он же маленький!

Но мальчик не хотел слушать.

– В речку заброшу, – сказал он и пошёл к берегу.

Девочка вдруг догадалась, как спасти мышонка.

– Стой! – закричала она брату. – Знаешь что? Посадим его в наш самый большой кораблик, и пускай он будет за пассажира!

На это брат согласился: всё равно мышонок потонет в реке. А с живым пассажиром кораблик пустить интересно.

Наладили парус, посадили мышонка в долблёное судёнышко и пустили по течению. Ветер подхватил кораблик и погнал его от берега.

Мышонок крепко вцепился в сухую кору и не шевелился. Ребята махали ему руками с берега.

В это время их кликнули домой. Они ещё видели, как лёгкий кораблик на всех парусах исчез за поворотом реки.

– Бедный маленький Пик! – говорила девочка, когда они возвращались домой. – Кораблик, наверно, опрокинет ветром, и Пик утонет.

Мальчик молчал. Он думал, как бы ему извести всех мышей у них в чулане.

Кораблекрушение

А мышонка несло да несло на лёгком сосновом кораблике. Ветер гнал судёнышко всё дальше от берега. Кругом плескались высокие волны. Река была широкая – целое море для крошечного Пика.

Пику было всего две недели от роду. Он не умел ни пищи себе разыскивать, ни прятаться от врагов. В тот день мышка-мать первый раз вывела своих мышат из гнезда – погулять. Она как раз кормила их своим молоком, когда мальчик вспугнул всё мышиное семейство.

Пик был ещё сосунком. Ребята сыграли с ним злую шутку. Лучше бы они разом убили его, чем пускать одного, маленького и беззащитного, в такое опасное путешествие.

Весь мир был против него. Ветер дул, точно хотел опрокинуть судёнышко, волны кидали кораблик, как будто хотели утопить его в тёмной своей глубине. Звери, птицы, гады, рыбы – всё было против него. Каждый не прочь был поживиться глупым, беззащитным мышонком.

Первые заметили Пика большие белые чайки. Они подлетели и закружились над корабликом.

Они кричали от досады, что не могли разом прикончить мышонка: боялись с лёту разбить себе клюв о твёрдую кору. Некоторые опустили на воду и вплавь догоняли кораблик.

А со дна реки поднялась щука и тоже поплыла за корабликом. Она ждала, когда чайки скинут мышонка в воду. Тогда ему не миновать её страшных зубов.

Пик слышал хищные крики чаек. Он зажмурил глаза и ждал смерти.

В это время сзади подлетела крупная хищная птица – рыболов-скопа. Чайки бросились врассыпную.

Рыболов увидел мышонка на кораблике и под ним щуку в воде. Он сложил крылья и ринулся вниз.

Он упал в реку совсем рядом с корабликом. Концом крыла он задел парус, и судёнышко перевернулось.

Когда рыболов тяжело поднялся из воды со щукой в когтях, на перевернутом кораблике никого не было. Чайки увидели это издали и улетели прочь: они думали, что мышонок утонул.

Пик не учился плавать. Но когда он попал в воду, оказалось, что надо было только работать лапками, чтобы не утонуть. Он вынырнул и ухватился зубами за кораблик.

Его понесло вместе с перевернувшимся судёнышком.

Скоро судёнышко прибило волнами к незнакомому берегу.

Пик выскочил на песок и кинулся в кусты.

Это было настоящее кораблекрушение, и маленький пассажир мог считать себя счастливцем, что спасся.

Страшная ночь

Пик вымок до последней шерстинки. Пришлось вылизать всего себя язычком. После этого шёрстка скоро высохла, и он согрелся. Ему хотелось есть.

Но выйти из-под куста он боялся: с реки доносились резкие крики чаек.

Так он и просидел голодный целый день.

Наконец стало темнеть. Птицы утомнились. Только звонкие волны разбивались о близкий берег.

Пик осторожно вылез из-под куста.

Огляделся – никого. Тогда он тёмным клубочком быстро покатился в траву.

Тут он принялся сосать все листья и стебли, какие попадались ему на глаза. Но молока в них не было.

С досады он стал теревить и рвать их зубами.

Вдруг из одного стебля брызнул ему в рот тёплый сок. Сок был сладкий, как молоко мыши-матери.

Пик съел этот стебель и стал искать другие такие же. Он был голоден и совсем не видел, что творится вокруг него.

А над макушками высоких трав уже всходила полная луна. Быстрые тени бесшумно проносились в воздухе: это гонялись за ночными бабочками вёрткие летучие мыши.

Тихие шорохи и шелесты слышались со всех сторон в траве. Кто-то копошился там, шмыгал в кустах, прятался в кочках.

Пик ел. Он перегрызал стебли у самой земли. Стебель падал, и на мышонка летел дождь холодной росы. Зато на конце стебля Пик находил вкусный колосок. Мышонок усаживался, поднимал стебель передними лапками, как руками, и быстро съедал колосок.

Плюх-шлёп! – ударилось что-то о землю недалеко от мышонка.

Пик перестал грызть, прислушался.

В траве шуршало.

Плюх-шлёп!

Кто-то скакал по траве прямо на мышонка.

Надо скорей назад, в кусты!

Плюх-шлёп! – скакнуло сзади.

Плюх-шлёп! Плюх-шлёп! – раздалось со всех сторон.

Плюх! – раздалось совсем близко впереди.

Чьи-то длинные, вытянутые ноги мелькнули над травой, и – шлёп! – перед самым носом Пика шлёпнулся на землю пучеглазый маленький лягушонок.

Он испуганно уставился на мышонка. Мышонок с удивлением и страхом рассматривал его голую скользкую кожу...

Так они сидели друг перед другом, и ни тот, ни другой не знали, что дальше делать.

А кругом по-прежнему слышалось – плюх-шлёп! плюх-шлёп! – точно целое стадо перепуганных лягушат, спасаясь от кого-то, скакало по траве.

И всё ближе и ближе слышалось лёгкое быстрое шуршанье.

И вот на один миг мышонок увидел: позади лягушонка взметнулось длинное гибкое тело серебристо-чёрной змеи.

Змея скользнула вниз, и длинные задние ноги лягушонка дрыгнули в её разинутой пасти.

Что дальше было, Пик не видел. Он опрометью кинулся прочь и сам не заметил, как очутился на ветке куста, высоко над землёй.

Тут он и провёл остаток ночи, благо брюшко у него было туго набито травой.

А кругом до рассвета слышались шорохи и шелесты.

Хвост-цеплялка и шёрстка-невидимка

Голодная смерть больше не грозила Пику: он уже научился находить себе пищу. Но как ему одному было спастись от всех врагов?

Мыши всегда живут большими стаями: так легче защищаться от нападения. Кто-нибудь да заметит приближающегося врага, свистнет, и все спрячутся.

А Пик был один. Ему надо было скорей отыскать других мышей и пристать к ним. И Пик отправился на розыски. Где только мог, он старался пробираться кустами. В этом месте было много змей, и он боялся спускаться к ним на землю.

Лазать он научился отлично. Особенно помогал ему хвост. Хвост у него был длинный, гибкий и цепкий. С такой цеплялкой он мог лазать по тоненьким веточкам не хуже мартышки.

С ветки на ветку, с сучка на сучок, с куста на куст – так пробирался Пик три ночи подряд.

Наконец кусты кончились. Дальше был луг.

Мышей в кустах Пик не встретил. Пришлось бежать дальше травой.

Луг был сухой. Змеи не попадались. Мышонок расхрабрился, стал путешествовать и при солнце. Ел он теперь всё, что ему попадалось: зёрна и клубни разных растений, жуков, гусениц, червей. А скоро научился и новому способу прятаться от врагов.

Случилось это так: Пик раскопал в земле личинки каких-то жуков, уселся на задние лапки и стал закусывать. Ярко светило солнце. В траве стрекотали кузнечики.

Пик видел вдали над лугом маленького сокола-трясучку, но не боялся его. Трясучка – птица величиной с голубя, только потоньше, – неподвижно висела в пустом воздухе точно подвешенная на верёвочке. Только крылья у неё чуть-чуть тряслись, да голову она поворачивала из стороны в сторону.

Он и не знал, какие зоркие глаза у трясучки.

Грудка у Пика была белая. Когда он сидел, её далеко было видно на бурой земле.

Пик понял опасность, только когда трясучка разом ринулась с места и стрелой понеслась к нему. Бежать было поздно. У мышонка от страха отнялись ноги. Он прижался грудью к земле и замер.

Трясучка долетела до него и вдруг опять повисла в воздухе, чуть заметно трепеща острыми крыльями. Она никак не могла взять в толк, куда

исчез мышонок. Сейчас только она видела его ярко-белую грудку, и вдруг он пропал. Она зорко всматривалась в то место, где он сидел, но видела только бурые комья земли.

А Пик лежал тут, у неё на глазах.

На спине-то шёрстка у него была жёлто-бурая, точь-в-точь под цвет земли, и сверху его никак нельзя было разглядеть.

Тут выскочил из травы зелёный кузнечик.

Трясучка кинулась вниз, подхватила его на лету и умчалась прочь.

Шёрстка-невидимка спасла Пику жизнь.

С тех пор, как замечал он издали врага, сейчас же прижимался к земле и лежал не шевелясь. И шёрстка-невидимка делала своё дело: обманывала самые зоркие глаза.

Соловей-разбойник

День за днём Пик бежал по лугу, но нигде не находил никаких следов мышей.

Наконец опять начались кусты, а за ними Пик слышал знакомый плеск речных волн.

Пришлось мышонку повернуть и направиться в другую сторону. Он бежал всю ночь, а к утру забрался под большой куст и лёг спать.

Его разбудила громкая песня. Пик выглянул из-под корней и увидел у себя над головой красивую птичку с розовой грудью, серой головкой и красно-коричневой спинкой. Мышонку очень понравилась её весёлая песня. Ему захотелось послушать певичку поближе. Он полез к ней по кусту.

Певчие птицы никогда не трогали Пика, и он их не боялся. А эта певичка и ростом-то была немного крупнее воробья.

Не знал глупый мышонок, что это был сорокопут-жулан и что он хоть и певчая птица, а промышляет разбоем.

Пик и опомниться не успел, как жулан накинулся на него и больно ударил крючковатым клювом в спину.

От сильного удара Пик кубарем полетел с ветки.

Он упал в мягкую траву и не расшибся. Не успел жулан опять накинуться на него, как мышонок уже шмыгнул под корни.

Тогда хитрый «соловей-разбойник» уселся на куст и стал ждать, не выглянет ли Пик из-под корней.

Он пел очень красивые песенки, но мышонку было не до них. С того места, где сидел теперь Пик, ему был хорошо виден куст, на котором сидел жулан.

Ветки этого куста были усажены длинными острыми колючками. На колючках, как на пиках, торчали мёртвые, наполовину съеденные птенчики, ящерики, лягушата, жуки и кузнечики. Тут была воздушная кладовая разбойника,

Сидеть бы на колючке и мышонку, если бы он вышел из-под корней.

Целый день жулан сторожил Пика. Но когда зашло солнце, разбойник забрался в чащу спать. Тогда мышонок тихонько вылез из-под куста и убежал.

Может быть, впопыхах он сбился с пути, только на следующее утро он опять слышал за кустами плеск реки. И опять ему пришлось повернуть и

бежать в другую сторону.

Конец путешествия

Пик бежал теперь по высохшему болоту.

Здесь рос один сухой мох; бежать по нему было очень трудно, а главное – нечем было подкрепиться: не попадались ни черви, ни гусеницы, ни сочная трава.

На вторую ночь мышонок совсем выбился из сил. Он с трудом взобрался ещё на какой-то пригорок и упал. Глаза его слипались. В горле пересохло.

Чтобы немножко освежиться, он лёжа слизывал со мха капельки холодной росы.

Начало светать. С пригорка Пик далеко видел покрытую мхом долину. За ней снова начинался луг. Сочные травы там стояли высокой стеной. Но у мышонка не было сил подняться и добежать до них.

Выглянуло солнце. От его горячего света быстро стали высыхать капельки росы.

Пик чувствовал, что ему приходит конец. Он собрал остатки сил, пополз, но тут же свалился и скатился с пригорка. Он упал на спину, лапками вверх, и видел теперь перед собой только обросшую мхом кочку.

Прямо против него в кочке виднелась глубокая чёрная дырка, такая узкая, что Пик не мог бы всунуть в неё даже голову.

Мышонок заметил, что в глубине её что-то шевелится.

Скоро у входа показался мохнатый толстый шмель. Он вылез из дырки, почесал лапкой круглое брюшко, расправил крылья и поднялся на воздух.

Сделав круг над кочкой, шмель вернулся, к своей норке и опустил у её входа. Тут он привстал на лапки и так заработал своими жёсткими крылышками, что ветер пахнул на мышонка.

Жжжуу! – гудели крылышки. – Жжжуу!..

Это был шмель-трубач. Он загонял в глубокую норку свежий воздух – проветривал помещение – и будил других шмелей, ещё спавших в гнезде.

Скоро один за другим вылезли из норки все шмели и полетели на луг – собирать мёд. Последним улетел трубач. Пик остался один. Он понял, что надо сделать, чтобы спастись.

Кое-как, ползком, с передышками, он добрался до шмелиной норки. Оттуда ударил ему в нос сладкий запах.

Пик ковырнул носом землю. Земля подалась.

Он ковырнул ещё и ещё, пока не вырыл ямку. На дне ямки показались крупные ячейки серого воска. В одних лежали шмелиные личинки, другие были полны душистым жёлтым мёдом.

Мышонки жадно стали лизать сладкое лакомство. Вылизали весь мёд, принялись за личинок и живо справились с ними.

Силы быстро возвращались к нему: такой сытной пищи он ещё ни разу не ел с тех пор, как расстался с матерью. Он дальше и дальше разрывал землю – теперь уже без труда – и находил всё новые ячейки с мёдом, с личинками.

Вдруг что-то больно кольнуло его в щеку. Пик отскочил. Из-под земли лезла на него большая шмелиная матка.

Пик хотел было кинуться на неё, но тут загудели, жажужжали над ним крылья: шмели вернулись с луга.

Целое войско их накинулось на мышонка, и ему ничего не оставалось, как броситься в бегство.

Со всех ног пустился от них Пик. Густая шерстка защищала его от страшных шмелиных жал. Но шмели выбирали места, где волос покороче, и кололи его в уши, в ноги, в затылок.

Одним духом – откуда и прыть взялась! – домчался он до луга и спрятался в густой траве.

Тут шмели отстали от него и вернулись к своему разграбленному гнезду.

В тот же день Пик пересёк сырой, болотистый луг и снова очутился на берегу реки.

Пик находился на острове.

Постройка дома

Остров, на который попал Пик, был необитаемый: мышей на нём не было. Жили тут только птицы, только змеи да лягушки, которым ничего не стоило перебраться сюда через широкую реку.

Пик должен был жить здесь один.

Знаменитый Робинзон, когда он попал на необитаемый остров, стал думать, как ему жить одному. Он рассудил, что сперва надо выстроить себе дом, который защищал бы его от непогоды и нападения врагов. А потом стал собирать запасы на чёрный день.

Пик был всего только мышонок: он не умел рассуждать. И всё-таки он поступил как раз так же, как Робинзон. Первым делом он принялся строить себе дом.

Его никто не учил строить: это было у него в крови. Он строил так, как строили все мыши одной с ним породы.

На болотистом лугу рос высокий тростник вперемежку с осокой – отличный лес для мышинной постройки.

Пик выбрал несколько растущих рядом тростинки, влез на них, отгрыз верхушки и концы расщепил зубами. Он был так мал и лёгок, что трава легко держала его.

Потом он принялся за листья. Он влезал на осоку и отгрызал лист у самого стебля. Лист падал, мышонок слезал вниз, поднимал передними

лапами лист и протягивал его сквозь стиснутые зубы. Размочаленные полоски листьев мышонок таскал наверх и ловко вплетал их в расщеплённые концы тростника. Он влезал на такие тонкие травинки, что они гнулись под ним. Он связывал их вершинами одну за другой.

В конце концов у него получился лёгкий круглый домик, очень похожий на птичье гнёздышко. Весь домик был величиной с детский кулак.

Сбоку мышонок проделал в нём ход, внутри выложил мхом, листьями и тонкими корешками. Для постели он натаскал мягкого, тёплого цветочного пуха. Спаленка вышла на славу.

Теперь у Пика было где отдохнуть и прятаться от непогоды и врагов. Издали самый зоркий глаз не мог бы заметить травяное гнёздышко, со всех сторон скрытое высоким тростником и густой осокой. Ни одна змея не добралась бы до него: так высоко оно висело над землёй.

Лучше придумать не мог и сам настоящий Робинзон.

Незванный гость

Проходили дни за днями.

Мышонок спокойно жил в своём воздушном домике. Он стал совсем взрослым, но вырос очень мало. Больше расти ему не полагалось, потому что Пик принадлежал к породе мышей-малюток. Эти мыши ещё меньше ростом, чем наши маленькие серые домовые мыши.

Пик часто теперь подолгу пропадал из дому. В жаркие дни он купался в прохладной воде болота, неподалёку от луга.

Один раз он с вечера ушёл из дому, нашёл на лугу два шмелиных гнезда и так наелся мёду, что тут же забрался в траву и заснул.

Домой вернулся Пик только утром. Ещё внизу он заметил что-то неладное. По земле и по одно му из стеблей тянулась широкая полоса густой слизи, а из гнезда торчал толстый кургузый хвост.

Мышонок не на шутку струсил. Гладкий жирный хвост похож был на змеиный. Только у змей хвост твёрдый и покрыт чешуёй, а этот был голый, мягкий, весь в какой-то липкой слизи.

Пик набрался храбрости и влез по стеблю, поближе взглянуть на незваного гостя.

В это время хвост медленно зашевелился, и перепуганный мышонок кубарем скатился на землю. Он спрятался в траве и оттуда увидел, как чудовище лениво выползло из его дома.

Сперва исчез в отверстии гнезда толстый хвост. Потом оттуда показались два длинных мягких рога с пупырышками на концах. Потом ещё два таких же рога – только коротких. И за ними наконец высунулась вся отвратительная голова чудовища.

Мышонок видел, как медленно-медленно выползло, точно пролилось, из его дома голое, мягкое, слизкое тело гигантского слизняка. От головы до хвоста слизняк был длиной добрых три вершка.

Он начал спускаться на землю. Его мягкое брюхо плотно прилипало к стеблю, и на стебле оставалась широкая полоса густой слизи.

Пик не стал дожидаться, когда он сползёт на землю, и убежал. Мягкий слизняк ничего не мог сделать ему, но мышонку было противно это вялое, липкое животное.

Только через несколько часов Пик вернулся. Слизняк куда-то уполз.

Мышонок залез в своё гнездо. Всё там было вымазано противной слизью. Пик выкинул весь пух и постелил новый. Только после этого он

решился лечь спать.

С тех пор, уходя из дому, он всегда затыкал вход пучком сухой травы.

Кладовая

Дни становились короче, ночи холоднее.

На злаках созрели зёрна. Ветер ронял их на землю, и птицы стаями слетались к мышонку на луг подбирать их.

Пику жилось очень сытно, он с каждым днём полнел. Шёрстка на нём лоснилась.

Теперь маленький четырёхногий Робинзон устроил себе кладовую и собирал в неё запасы на чёрный день. Он вырыл в земле норку и конец её расширил. Сюда он таскал зёрна, как в погреб.

Потом этого ему показалось мало. Он вырыл рядом другой погреб и соединил их подземным ходом.

Всё шли дожди. Земля размякла сверху, трава пожелтела, намокла и поникла. Травяной домик Пика опустился и висел теперь низко над землёй. В нём завелась плесень.

Жить в гнезде стало плохо. Скоро трава совсем полегла на землю, гнездо приметным тёмным шариком висело на тростинке. Это уже было опасно.

Пик решил перейти жить под землю. Он больше не боялся, что к нему в норку заползёт змея или потревожат его непоседливые лягушата: змеи и лягушата давно куда-то исчезли.

Мышонок выбрал себе для норки сухое и укромное местечко под кочкой. Ход в норку Пик устроил с подветренной стороны, чтобы холодный воздух не задувало в его жилище.

От входа шёл длинный прямой коридор. Он расширялся в конце в небольшую круглую комнатку. Сюда Пик натаскал сухого мху и травы – устроил себе спальню.

В его новой подземной спальне было тепло и уютно. Он прорыл из неё под землёй ходы в оба свои погреба, чтобы ему можно было бегать, не выходя наружу.

Когда всё было готово, мышонок плотно заткнул травой вход в свой воздушный летний домик и перешёл в подземный.

Снег и сон

Птицы больше не прилетали клевать зерно. Трава плотно легла на землю, и холодный ветер свободно разгуливал по острову.

К тому времени Пик ужасно растолстел. Какая-то вялость на него напала. Ему лень было много шевелиться. Он всё реже вылезал из норки.

Раз утром он увидел, что вход в его жилище завалило. Он разрыл холодный рыхлый снег и вышел на луг.

Вся земля была белая. Снег нестерпимо сверкал на солнце. Голые лапки мышонка обжигало холодом.

Потом начались морозы.

Плохо пришлось бы мышонку, если б он не запас себе пищи. Как выкапывать зёрна из-под глубокого мёрзлого снега?

Сонливая вялость всё чаще охватывала Пика. Теперь он не выходил из спальни по два, по три дня и всё спал. Проснувшись, отправлялся в погреб, наедался там и опять засыпал на несколько дней.

Наружу он совсем перестал ходить.

Под землёй ему было хорошо. Он лежал на мягкой постели, свернувшись в тёплый, пушистый клубок. Сердчишко его билось всё реже, всё тише. Дыхание стало слабым-слабым. Сладкий, долгий сон совсем одолел его.

Мыши-малютки не спят всю зиму, как сурки или хомяки. От долгого сна они худеют, им становится холодно. Тогда они просыпаются и берутся за свои запасы.

Пик спал спокойно: ведь у него было два полных погреба зерна. Он и не чуял, какое неожиданное несчастье скоро стрясётся над ним.

Ужасное пробуждение

Морозным зимним вечером ребята сидели у тёплой печки.

– Плохо сейчас зверушкам, – задумчиво сказала сестрёнка. – Помнишь маленького Пика? Где он теперь?

– А кто его знает! – равнодушно ответил брат. – Давно уж, верно, попал кому-нибудь в когти.

Девочка всхлипнула.

– Ты чего? – удивился брат.

– Жалко мышонка, он такой пушистый, жёлтенький...

– Нашла кого жалеть! Мышеловку поставлю – сто штук тебе наловлю!

– Не надо мне сто! – всхлипывала сестрёнка. – Принеси мне одного такого маленького, жёлтенького...

– Обожди, глупая, может, и такой попадётся.

Девочка утёрла кулачками слёзы.

– Ну, смотри: попадётся – ты его не трогай, мне подари. Обещаешь?

– Ладно уж, рёва! – согласился брат.

В тот же вечер он поставил в чулане мышеловку.

Это был тот самый вечер, когда Пик проснулся у себя в норке.

На этот раз его разбудил не холод. Сквозь сон мышонок почувствовал, как что-то тяжёлое надавило ему на спину. И сейчас же мороз зацепил его под шерсткой.

Когда Пик совсем очнулся, его уже било от холода. Сверху его придавили земля и снег. Потолок над ним обвалился. Коридор был засыпан.

Нельзя было медлить ни минуты: мороз шутить не любит.

Надо в погреб и поскорей наестся зерна: сытому теплей, сытого мороз не убьёт.

Мышонок выскочил наверх и по снегу побежал к погребам.

Но весь снег кругом был изрыт узкими глубокими ямками – следами козьих копыт.

Пик поминутно падал в ямки, карабкался наверх и снова летел вниз.

А когда добрался до того места, где были его погреба, он увидел там только большую яму.

Козы не только разрушили его подземное жилище, но и съели все его запасы.

По снегу и по льду

Немного зёрен Пику удалось всё-таки откопать в яме. Козы втоптали их в снег копытами.

Пища подкрепила мышонка и согрела его. Опять начала охватывать его вялая сонливость. Но он чувствовал: поддашься сну – замёрзнешь.

Пик стряхнул с себя лень и побежал.

Куда? Этого он и сам не знал. Просто бежал и бежал, куда глаза глядят.

Наступила уже ночь, и луна стояла высоко в небе. Мелкими звёздочками блестел кругом снег.

Мышонок добежал до берега реки и остановился. Берег был обрывистый. Под обрывом лежала густая, тёмная тень. А впереди сверкала широкая ледяная река.

Пик тревожно понюхал воздух.

Он боялся бежать по льду. Что, если кто-нибудь заметит его посреди реки? В снег хоть зарыться можно, если опасность.

Назад повернуть – там смерть от холода и голода. Впереди где-нибудь есть, может быть, пища и тепло. И Пик побежал вперёд. Он спустился под обрыв и покинул остров, на котором долго жил так спокойно и счастливо.

А злые глаза уже заметили его.

Он не добежал ещё до середины реки, когда сзади стала его настигать

быстрая и бесшумная тень. Только тень, лёгкую тень на льду он и увидал, обернувшись. Он даже не знал, кто за ним гонится.

Напрасно он припал к земле брюшком, как делал всегда в минуту опасности: его тёмная шерстка резким пятном выделялась на сверкающем синеватом льду, и прозрачная мгла лунной ночи не могла спрятать его от страшных глаз врага.

Тень покрыла мышонка. Кривые когти больно впились в его тело. По голове что-то крепко стукнуло. И Пик перестал чувствовать.

Из беды в беду

Пик очнулся в полной темноте. Он лежал на чём-то твёрдом и неровном. Голова и раны на теле сильно болели, но было тепло.

Пока он зализывал свои раны, глаза его понемножку начали привыкать к темноте.

Он увидел, что находится в просторном помещении с круглыми стенами, уходящими куда-то вверх. Потолка не было видно, хотя где-то над головой мышонка зияло большое отверстие. Через это отверстие в помещение проникал ещё совсем бледный свет утренней зари.

Пик посмотрел, на чём он лежит, и сейчас же вскочил.

Лежал он, оказывается, на мёртвых мышах. Мышей было несколько, и все они зачленели: видно, лежали здесь давно.

Страх придал мышонку силы.

Пик выкарабкался по шероховатой отвесной стене и выглянул наружу.

Кругом были только засыпанные снегом ветви. Внизу под ними виднелись макушки кустов.

Сам Пик находился на дереве: выглядывал из дупла.

Кто принёс его сюда и бросил на дно дупла, мышонок так никогда и не узнал. Да он и не ломал себе голову над этой загадкой, а просто поспешил скорей удрать отсюда.

Дело же было так. На льду реки его настигла ушастая лесная сова. Она стукнула его клювом по голове, схватила когтями и понесла в лес.

К счастью, сова была очень сыта: она только что поймала зайца и съела, сколько могла. Зоб её был так плотно набит, что в нём не оставалось места даже для маленького мышонка. Она и решила оставить Пика про запас.

Сова отнесла его в лес и кинула в дупло, где у неё была кладовая. Она ещё с осени натаскала сюда с десятков убитых мышей. Зимой добывать пищу бывает трудно, и даже таким ночным разбойникам, как сова, случается голодать.

Конечно, она не знала, что мышонок только оглушён, а то сейчас же проломила бы ему череп своим острым клювом. Обыкновенно ей удавалось приканчивать мышей с первого удара.

Пику повезло на этот раз.

Пик благополучно спустился с дерева и юркнул в кусты.

Только тут он заметил, что с ним творится что-то неладное: дыхание

со свистом вылетало у него из горла.

Раны не были смертельны, но совиные когти что-то повредили ему в груди, и вот он начал свистеть после быстрого бега.

Когда он отдохнул и стал дышать ровно, свист прекратился. Мышонок наелся горькой коры с куста и снова побежал – подальше от страшного места.

Мышонок бежал, а позади него оставалась в снегу тонкая двойная дорожка: его след.

И когда Пик добежал до поляны, где за забором стоял большой дом с дымящими трубами, на след его уже напала лиса.

Нюх у лисы очень тонкий. Она сразу поняла, что мышонок пробежал тут только что, и пустилась его догонять.

Её огненно-рыжий хвост так и замелькал меж кустов, и уж, конечно, она бежала гораздо быстрее мышонка.

Горе-музыкант

Пик не знал, что лиса гонится за ним по пятам. Поэтому, когда из дома выскочили две громадные собаки и с лаем кинулись к нему, он решил, что погиб.

Но собаки, понятно, его даже не заметили. Они увидели лису, которая выскочила за ним из кустов, и кинулись на неё.

Лиса мигом повернула назад. Её огненный хвост мелькнул в последний раз и исчез в лесу. Собаки громадными прыжками пронеслись над головой мышонка и тоже пропали в кустах.

Пик без всяких приключений добрался до дома и шмыгнул в подполье. Первое, что Пик заметил в подполье, был сильный запах мышей.

У каждой породы зверей свой запах, и мыши различают друг друга по запаху так же хорошо, как мы различаем людей по их виду.

Поэтому Пик узнал, что тут жили мыши не его породы. Но всё-таки это были мыши, и Пик был мышонок.

Он так же обрадовался им, как Робинзон обрадовался людям, когда вернулся к ним со своего необитаемого острова.

Сейчас же Пик и побежал отыскивать мышей.

Но разыскать мышей здесь оказалось не так просто. Мышиные следы и запах их были всюду, а самих мышей нигде не было видно.

В потолке подполья были прогрызены дырки. Пик подумал, что мыши, может быть, живут там, наверху, взобрался по стенке, вылез через дырку и очутился в чулане.

На полу стояли большие, туго набитые мешки. Один из них был прогрызен внизу, и крупа высыпалась из него на пол.

А по стенках чулана были полки. Оттуда доносились замечательно вкусные запахи. Пахло и копчёным, и сушёным, и жареным, и ещё чем-то очень сладким.

Голодный мышонок жадно набросился на еду.

После горькой коры крупа показалась ему такой вкусной, что он наелся прямо до отвала. Так наелся, что ему даже дышать стало трудно.

И тут опять в горле у него засвистело и запело.

А в это время из дырки в полу высунулась усатая острая мордочка. Сердитые глазки блеснули в темноте, и в чулан выскочила крупная серая мышь, а за ней ещё четыре такие же.

Вид у них был такой грозный, что Пик не решился кинуться им

навстречу. Он робко топтался на месте, и от волнения свистал всё громче и громче.

Серым мышам не понравился этот свист.

Откуда взялся этот чужой мышонок-музыкант?

Серые мыши чулан считали своим. Они иногда принимали к себе в подполье диких мышей, прибежавших из лесу, но таких свистунов никогда ещё не видали.

Одна из мышей бросилась на Пика и больно куснула его в плечо. За ней налетели другие.

Пик еле-еле успел улизнуть от них в дырочку под каким-то ящиком. Дырочка была так узка, что серые мыши не могли туда за ним пролезть. Тут он был в безопасности. Но ему было очень горько, что его серые родственники не захотели принять его в свою семью.

Мышеловка

Каждое утро сестрёнка спрашивала у брата:

– Ну что, поймался мышонок?

Брат показал ей мышей, какие попадались ему в мышеловку. Но это были всё серые мыши, и девочке они не нравились. Она даже немножко боялась их. Ей непременно надо было маленького жёлтого мышонка.

– Отпусти их, – говорила она грустно. – Эти не такие хорошие.

Брат уносил пойманных мышей и – тихонько от девочки – топил их в ведре. А в последние дни мыши что-то совсем перестали ему попадаться.

Удивительней всего было, что приманку кто-то съедал каждую ночь. С вечера мальчик насадит пахучий кусочек копчёной ветчины на крючок, насторожит тугие дверцы мышеловки, а утром придёт – на крючке нет ничего, и дверцы захлопнуты.

Он уж и мышеловку сколько раз осматривал: нет ли где дырки? Но больших дырок – таких, через которые могла пролезть мышь, – в мышеловке не было.

Так прошла целая неделя, а мальчик никак не мог понять, кто ворует у него приманку.

И вот утром на восьмой день мальчик прибежал из чулана и ещё в дверях закричал:

– Поймал! Гляди: жёлтенький!

– Жёлтенький, жёлтенький! – радовалась сестрёнка. – Смотри, да это же наш Пик: у него и ушко разрезано. Помнишь, ты его ножиком тогда?.. Беги скорей за молоком, а я оденусь пока.

Она лежала ещё в постели.

Брат побежал в другую комнату, а она поставила мышеловку на пол, выскочила из-под одеяла и быстро накинула на себя платье.

Но, когда она снова взглянула на мышеловку, мышонка там уже не было.

Пик давно научился удирать из мышеловки. Одна проволочка была в ней немножко отогнута. Серые мыши не могли протиснуться в эту лазейку, а он проходил свободно.

Он попадал в ловушку через открытые дверцы и сейчас же дёргал за приманку.

Дверцы с шумом захлопывались, но он быстро оправлялся от страха, спокойно съедал приманку, а потом уходил через лазейку.

В последнюю ночь мальчик случайно поставил мышеловку у самой стенки и как раз тем боком, где была лазейка, и Пик попался. А когда девочка оставила мышеловку среди комнаты, он выскочил и спрятался за большой сундук.

Музыка

Брат застал сестрёнку в слезах.

– Он убежал! – говорила она сквозь слёзы. – Он не хочет у меня жить!

Брат поставил блюдечко с молоком на стол и принялся её утешать:

– Распустила нюни! Да я его сейчас поймаю в сапог!

– Как в сапог? – удивилась девочка.

– Очень просто! Сниму сапог и положу его голенищем по стенке, а ты погонишь мышонка. Он побежит вдоль стенки, – они всегда по самой стенке бегают, – увидит дырку в голенище, подумает, что это норка, и шмыг туда! Тут я его и схвачу, в сапоге-то.

Сестрёнка перестала плакать.

– А знаешь что? – сказала она задумчиво. – Не будем его ловить. Пусть живёт у нас в комнате. Кошки у нас нет, его никто не тронет. А молочко я буду ставить ему вот сюда, на пол.

– Всегда ты выдумаешь! – недовольно сказал брат. – Мне дела нет. Этого мышонка я тебе подарил, делай с ним, что хочешь.

Девочка поставила блюдце на пол, накрошила в него хлеба. Сама села в сторонку и стала ждать, когда мышонок выйдет. Но он так и не вышел до самой ночи. Ребята решили даже, что он убежал из комнаты.

Однако утром молоко оказалось выпитым и хлеб съеденным.

«Как же мне его приручить?» – думала девочка.

Пику жилось теперь очень хорошо. Он ел теперь всегда вдоволь, серых мышей в комнате не было, и его никто не трогал. Он натаскал за сундук тряпок и бумажек и устроил себе там гнездо.

Людей он остерегался и выходил из-за сундука только ночью, когда ребята спали.

Но раз днём он услышал красивую музыку. Кто-то играл на дудочке. Голос у дудочки был тонкий и такой жалобный.

И опять, как в тот раз, когда Пик услышал «соловья-разбойника» – жулана, мышонок не мог справиться с искушением послушать музыку ближе. Он вылез из-за сундука и уселся на полу среди комнаты.

На дудочке играл мальчик. Девочка сидела рядом с ним и слушала. Она первая заметила мышонка.

Глаза у неё стали вдруг большие и тёмные. Она тихонько подтолкнула брата локтем и прошептала ему:

– Не шевелись!.. Видишь, Пик вышел. Играй, играй: он хочет слушать!

Брат продолжал дудеть.

Дети сидели смирно, боясь пошевелиться.

Мышонок слушал грустную песенку дудочки и как-то совсем забыл про опасность.

Он даже подошёл к блюдцу и стал лакать молоко, точно в комнате никого не было. И скоро наакался так, что сам стал свистеть.

– Слышишь? – тихонько сказала девочка брату. – Он поёт.

Пик опомнился только тогда, когда мальчик опустил дудочку. И сейчас же убежал за сундук. Но теперь ребята знали, как приручить дикого мышонка. Они тихонько дудели в дудочку. Пик выходил на середину комнаты, садился и слушал. А когда он сам начинал свистеть, у них получались настоящие концерты.

Хороший конец

Скоро мышонок так привык к ребятам, что совсем перестал их бояться. Он стал выходить без музыки. Девочка приучила его даже брать хлеб у неё из рук. Она садилась на пол, а он карабкался к ней на колени.

Ребята сделали ему маленький деревянный домик с нарисованными окнами и настоящими дверями. В этом домике он жил у них на столе. А когда выходил гулять, по старой привычке затыкал дверь всем, что попадалось ему на глаза: тряпочкой, мятой бумажкой, ватой.

Даже мальчик, который так не любил мышей, очень привязался к Пику. Больше всего ему нравилось, что мышонок ест и умывается передними лапками, как руками.

А сестрёнка очень любила слушать его тоненький-тоненький свист.

– Он хорошо поёт, – говорила она брату, – он очень любит музыку.

Ей в голову не приходило, что мышонок пел совсем не для своего удовольствия. Она ведь не знала, какие опасности пережил маленький Пик и какое трудное путешествие он совершил раньше чем попал к ней.

И хорошо, что оно так хорошо кончилось.

ЛЕСНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

В дупле корявого дерева среди глухого леса поселились две совы – серые неясyti.

Ранней весной неясить-самка снесла прямо на трухлявое дно дупла четыре круглых белых яйца.

Совы вылетали из дупла только по ночам, когда все другие птицы спят. Поэтому никто в лесу не знал, где живут эти страшные ночные разбойники.

Не знали этого и крошечные корольки с огненно-жёлтыми шапочками на голове. Они долго искали по всему лесу спокойное место для своего гнезда. В конце концов, они выбрали высокую ёлку как раз рядом с корявым деревом, где прятались совы.

В начале лета, когда в дупле вылупились совята, корольки тоже устроили себе гнездо.

Высоко над землёй, на самом кончике ветки они ловко сплели гибкие иглы хвои.

Совам казалось снизу, что на широкой еловой лапе перепутались в клубок мелкие веточки. Им и в голову не приходило, что в этом клубке было уютное круглое гнездо из мха, стебельков травы и крепкого конского волоса.

Сверху корольки убрали гнездо еловым лишайником, в стенки вплели тонкие паутинки, а внутри выстлали пёрышками; на эту мягкую подстилку самка отложила восемь розовых с бурыми крапинками яиц, величиной с горошину.

Не прошло и двух недель, как в гнезде у корольков забарахтались голые малютки.

Совята к этому времени уже подросли. Старые неясыти ловили ночью в лесу мышей и птиц, разрывали на куски и кормили ими своих голодных пушистых птенцов.

Совята становились всё прожорливее. Они громко требовали себе мяса даже днём, если за ночь родители не успевали досыта накормить их.

Только теперь корольки узнали, какие страшные соседи жили под их гнездом.

Ростом корольки были не больше стрекозы. Своими слабыми клювами и лапками они не могли защищаться от свирепых сов.

И всё-таки маленькие птички остались жить рядом с совиным дуплом. По ночам они забирались в своё гнездо, прикрывали собой птенчиков и дрожали от страха при каждом крике голодных совят.

Совы рыскали по всему лесу, но не замечали маленького гнезда корольков у себя над головой.

Наконец совята покрылись перьями, вылетели из гнезда и научились сами себе добывать пищу.

Осенью вся совиная семья разбрелась по лесу. Каждая сова облюбовала себе для охоты часть леса и поселилась в ней.

Ночью неясыти бесшумно облетали дозором свои владения.

Если другая сова залетала к ним в лес, они набрасывались на неё и били когтями и клювами до тех пор, пока враг не спасался бегством.

Тут уже они не разбирали, не приходится ли им другая сова дочерью, сестрой или матерью. Они были свирепые хищники, жили каждая в одиночку и никому не давали пощады.

А корольки дождались, пока их птенцы научились летать, и всей семьёй переселились в другой лес. Там они устроили себе новое гнездо и второй раз в то лето вывели и вскормили птенцов.

К осени оба выводка корольков соединились в одну дружную семью. А чтоб веселей было проводить суровую, холодную зиму, они пристали к стайке других птиц, кочевавших по лесу. Стайка эта несла службу разведчиков.

С утра до ночи птички шныряли по деревьям, заглядывали в каждую трещинку и скважинку коры. Там прятались со своими личинками и

яичками жуки-древоточцы, листогрызы, короеды.

Этих маленьких врагов леса птички выслеживали и ловили. А когда замечали хищного зверя или птицу, с которыми сами не могли справиться, поднимали тревогу на весь лес.

Случилось так, что одной из молодых неясей не хватило места в том лесу, где она выросла. Её родители и сёстры прогнали её от себя, потому что были сильнее. Тёмной осенней ночью молодая неясей покинула родной лес.

Долго она летала в темноте над лугами и рощами, высматривая, где бы ей поселиться. Наконец опустилась в небольшой лес и принялась искать себе в нём подходящее для жилья дупло.

Вдруг из чёрной чащи раздался протяжный, жалобный голос:

– Сплю-у! Сплю-у!

Злым блеском сверкнули глаза неясей, и сами собой разжались когти. Она узнала голос другой совы.

Прежде чем селиться здесь, надо было выдержать бой с врагом. А это не так просто, потому что, защищая своё гнездо, даже маленькая сова может справиться с большой неясей.

– Сплю-у! Сплю-у! – донеслось опять из тёмной чащи.

Неясей бесшумно понеслась на врага.

В чаще на сухой ветке сидела маленькая совка-сплюшка. Над головой у неё торчали острые рожки.

Неясей громко щёлкнула своим страшным роговым клювом. Сплюшка скользнула с ветки и быстро исчезла в темноте. Ей совсем не хотелось драться с большой и сильной неясей.

В другое время она не уступила бы своего гнезда без боя. Но был уже сентябрь: ей пора было лететь на юг.

Издали ещё раз донеслось её грустное:

– Сплю! Сплю! – и всё смолкло.

Неясей облетела весь лес. Больше в нём не оказалось сов. Она осталась здесь одна.

Это был тот самый лес, где поселились корольки.

Хорошо жилось неясей на новом месте. Днём она пряталась в дупле, а по ночам охотилась.

Она тихо вылетала на большую поляну среди леса и усаживалась всегда на одно и то же дерево у самой опушки. Тут она неподвижно сидела, прислушивалась к ночным шорохам.

Прошуршит лимышь опавшими на землю листьями, мелькнёт ли под кустом быстрая тень зайчонка, – неясей сорвётся с ветки и в несколько

взмахов настигнет зазевавшегося зверька. Кривые когти внезапно вонзятся в спину зверьку. Крылатое чудовище оторвёт его от земли и ударом клюва прикончит в воздухе.

С тёплой добычей в когтях неясить возвращается на своё дерево и тут съедает её. Только шёрстку бросает на землю.

И с каждым днём под сторожевым деревом неясити валялось всё больше и больше круглых комков шерсти.

Попадались среди них и комочки птичьих перьев. Неясить никогда не пропускала случая захватить врасплох спящую птицу.

Во всём лесу она не трогала только чёрных воронов. Вороны были больше её. Неясить боялась их крепких, острых клювов.

Раз ночью неясить сидела на сторожевом дереве.

Светила луна, ветер стих, и кругом была мёртвая тишина.

Днём выпал снег, и теперь весь лес вспыхивал искрами.

Вдруг рыхлый ком снега сорвался с широкой еловой лапы на опушке поляны и мягко упал на землю.

Неясить скользнула с дерева и полетела через поляну к тихо качавшейся ветке.

Словно огромная ночная бабочка, она затрепетала крыльями на одном месте. Её глаза пристально уставились в тёмную глубину ели.

Там, на ветке у самого ствола, спали, тесно прижавшись друг к другу, корольки.

Острый взгляд совы ясно различил во тьме маленькие пушистые клубочки перьев. Больше десятка корольков сидело рядом. Каждый заботливо прикрывал соседа тёплым крылышком. Короткие хвостики птиц торчали по обеим сторонам ветки.

Холодный ветер от крыльев совы забрался королькам под крылья. Птички вздрогнули и проснулись.

В тот же миг сова бросилась на них с растопыренными лапами.

Три маленьких птички сразу забились в её когтях. Остальные в страшном смятении бросились куда попало.

Широкая тень совиных крыльев скользнула по белому снегу поляны. Неясить вернулась с добычей на своё дерево.

Из темноты на весь лес раздавался её пронзительный смех и вой.

Перепуганные корольки забились в густую хвою еловых лап. Так провели они всю ночь, чуть живые от страха.

Наконец стало светать.

– Тук-тук-тук-тэrrrrrr! – забарабанил зорю дятел.

Роца просыпалась.

Корольки всё ещё не решались покинуть ёлку. Где-то в глубине леса крикливые кукушки затеяли громкую перебранку.

Последними подлетели корольки.

– Таррр – эрррр! – нетерпеливо барабанил дятел.

– Ци, ци, ци, летим, летим! – со всех сторон отвечали ему синицы.

Медлить было нельзя. Корольки полетели догонять других птиц.

Пёстрый дятел с красным околышем на шапке был главным предводителем всех лесных разведчиков.

Он сидел на сухой берёзе и барабанил носом по суку. Его команда собралась уже на соседних деревьях.

Тут был поползень в голубом наряде с белой грудью. Были две серые пищухи с кривыми, как шило, носами. Были стайки синиц: скромных сереньких пухлячков, бойких москочек и гренадерчиков в бурых шинельках и высоких остроконечных шапках.

Дятел перестал барабанивать, высунул голову из-за ствола и одним глазом взглянул на птиц.

Увидев, что все в сборе, он громко крикнул: «Кик!» Потом соскочил с берёзы и молча полетел вперёд, словно ему и дела не было до маленьких разведчиков.

– Твуть! – свистнул поползень и пустился за дятлом.

Поползень один во всём лесу умел бегать по стволу головой вниз. Он водил за собой всю команду, когда дятел отлучался по своим делам.

Свистя и передразнивая поползенья, полетели за ним стайки синиц, пищухи и корольки.

Дятел опустился на старую ольху и короткими прыжками, упираясь хвостом в ствол, стал подниматься вверх.

Синицы прыгали по ветвям, вертясь и кувыркаясь, как акробаты. Корольки рассыпались по ёлкам и скользили в длинной хвое. А поползень и пищухи лазали вверх и вниз по стволам и ветвям. Разведка шла полным ходом. Птицы высматривали притаившихся насекомых и ловили их.

– Кик! Кик! – покрикивал дятел и перелетал с дерева на дерево.

Весёлая ватага маленьких лесных разведчиков передвигалась вслед за ним. Лес наполнился их свистом, писком и песнями, словно было лето.

А кругом лежал снег. Утро было морозное, ясное.

Корольки летали вместе с другими птицами. Но их тоненькая песня звенела печально. В их дружной стайке недоставало троих, погибших ночью.

От дерева к дереву птицы добрались уже до большой поляны среди леса. На краю её под толстой берёзой корольки заметили круглые комки

перьев и шерсти. Из одного комочка высовывалось зеленоватое крылышко с двумя белыми полосками.

Королькам стало страшно: они узнали крылышко одного из своих погибших братьев.

– Крок! Крок! – раздалось в эту минуту громкое карканье с вершины высокой ели.

Корольки вздрогнули и притаились. Им почудился страшный хохот ночного чудовища.

Прошло несколько минут, пока они узнали хорошо знакомый им голос ворона.

В это время дятел увёл свою команду в глубину чащи.

Корольки поспешили на его удаляющийся крик.

В чаще было сумрачно и жутко. Корольки пугливо озирались по сторонам. Они чувствовали, что сова сидит теперь где-нибудь здесь, поблизости, спрятавшись от их глаз.

Внезапно из-за дерева вывернулась бурая птица с тёмным хохлом на голове. Корольки бросились врассыпную.

Но бурая птица сейчас же снова скрылась в чаще. За ней, одна за другой, пронеслись ещё три таких же птицы.

Это были кукушки. На маленьких корольков они не обратили никакого внимания.

Дальше корольки увидели гнилое дерево с большим чёрным дуплом посередине. Из дупла на них повеяло сыростью и гнилью. Корольки поспешили прочь.

Наконец впереди показался просвет, и корольки вылетели на малергькую, залитую солнцем полянку. Тут стоял пенёк, и они увидели на нём большой уродливый древесный гриб.

Только что собрались корольки пролететь мимо него, как вдруг серые веки гриба медленно поднялись. Под веками зажглись большие круглые глаза и уставились вверх, прямо в ослепительный круг солнца.

Только теперь корольки разглядели кошачье лицо, крючковатый клюв и мохнатые, когтистые лапы большой серой неясности.

Приспустив крылья и распустив перья, сова грелась на солнце.

Корольки сразу узнали в ней чудовище, напавшее на них ночью.

Огненно-жёлтые перья дыбом встали у них на головах.

В один миг они скрылись под защиту ветвей. Оттуда тоненькими, комариными голосами они подали тревожный сигнал.

– Ци, ци, ци, летим, летим! – сейчас же ответили им издали синицы.

– Кик! – громко отозвался дятел.

Сова быстро подобрала крылья и насторожилась.

Увидав маленьких птиц, она скорчила такую злобную гримасу, что корольки в испуге шарахнулись в самую глубину ветвей.

Тут на выручку к ним подоспели лесные разведчики.

Дятел сел на дерево и громко забарабанил и закричал. Поползень и пищухи сновали по ветвям и пронзительно посвистывали. А смелые синицы прямо кинулись в бой и с писком и свистом стали кидаться на сову, чуть не задевая её своими короткими крылышками. Расхрабрившиеся корольки сейчас же присоединились к ним.

Неясыть грозно щёлкала клювом. Она не трогалась с места и только выкручивала шею, поворачивая голову во все стороны, даже прямо на спину. Яркий солнечный свет бил ей в глаза, а птицы кружились над ней, как вихрем поднятые листья. Она не могла схватить увёртливых маленьких разведчиков.

При солнечном свете они хорошо видели каждое её движение и в один миг бросались в стороны. Они кидались на неё со всех сторон сразу, дразнили её.

Неясыть сидела ярко освещённая солнцем, у всех на глазах, всем ненавистная. Она чувствовала себя очень нехорошо. Ей хотелось улизнуть, скрыться с глаз, спрятаться в своём глубоком, тёмном дупле. Она уже повернулась на пне, чтобы улететь в чащу.

Но в этот миг с криком выскочили из чащи бурые кушки. Они услышали тревожные сигналы разведчиков, заметили сову и яростно набросились на неё.

Маленькие разведчики обрадовались неожиданному подкреплению. Кукши с их поднятыми хохлами, взъерошенными перьями, крикливые и злые, показались им большими и сильными птицами.

Но сову они не могли напугать: она знала, что одним клювом может расправиться с любой из них. Гораздо страшней их клювов был для неё резкий, отвратительный крик их. Её нежный слух страдал от сильного шума. Она взмахнула крыльями и поднялась на воздух.

Путь к дуплу был отрезан нападающими. Она взмыла вверх и медленно полетела над лесом, высматривая, куда скрыться от надоедливых птиц.

Кукши и маленькие лесные разведчики бросились за ней. Их крики разнеслись в морозном воздухе над всем лесом.

Чёрные вороны слышали их с вершины высокой ели. Их зоркие глаза сразу заметили над лесом сову.

Всей семьёй вороны поднялись с ели и, рассекая воздух широкими крыльями, понеслись наперерез сове.

Услыхав за собой их крик, неясыть повернула в другую сторону и помчалась так быстро, как только могла. Она знала, что ей несдобровать, если вороны догонят её.

Корольки не могли поспеть за ней на своих коротких крылышках и вернулись назад в лес.

Они сделали всё, что могли: нашли врага и позвали больших птиц. Все дневные птицы ненавидят сов и всегда дружно бросаются преследовать их, если заметят днём.

Так случилось и в этот раз.

Вороны гнали неясыть до тех пор, пока ей не удалось спрятаться от них. Тогда они вернулись к себе на высокую ель.

А загнанная, перепуганная насмерть неясыть дождалась ночи и отправилась отыскивать себе другое место для жилья.

Нашла ли она незанятый другой совой лес или сама попала в когти более сильному хищнику, – неизвестно. Но в тот лес, где жили дружные лесные разведчики, она никогда больше не вернулась.

И больше уже никто не пугал по ночам корольков, когда они спали на ветвях, прикрывая друг друга тёплыми крылышками.

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

Музыкант

Старый медвежатник сидел на завалинке и пиликал на скрипке. Он очень любил музыку и старался сам научиться играть. Плохо у него выходило, но старик и тем был доволен, что у него своя музыка. Мимо проходил знакомый колхозник и говорит старику:

– Брось-ка ты свою скрипку-то, берись за ружьё. Из ружья у тебя лучше выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил колхозника, где он видел медведя. Взял ружьё и пошёл в лес.

В лесу старик долго искал медведя, но не нашёл даже и следа его.

Устал старик и присел на пенёк отдохнуть.

Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде не треснет, ни птица голосу не подаст. Вдруг старик услышал: «Дзенн!..» Красивый такой звук, как струна пропела.

Немного погодя опять: «Дзенн!..»

Старик удивился:

«Кто же это в лесу на струне играет?»

А из лесу опять: «Дзенн!..» – да так звонко, ласково.

Старик встал с пенёка и осторожно пошёл туда, откуда слышался звук. Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за ёлочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под деревом сидит медведь, схватил одну щепку лапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил её. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: «Дзенн!..» – как струна запела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поёт щепка.

Замолк звук, – медведь опять за своё: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник ещё раз проходил мимо избы медвежатника. Старик опять сидел на завалинке со скрипкой. Он пальцем дёргал одну струну, и струна тихонечко пела: «Дзинн!..»

Колхозник спросил старика:

– Ну что, убил медведя?

– Нет, – ответил старик.

– Что ж так?

– Да как же в него стрелять, когда он такой же музыкант, как и я?

И старик рассказал колхознику, как медведь играл на расщеплённом грозой дереве.

Голубой зверёк

В густом лесу на горе было темно, как под крышей. Но вот вышла луна из-за тучи, и сейчас же засверкали, заблестели снежинки на ветках, на елях, на соснах и засеребрился гладкий ствол старой осины. У вершины её чернела дыра – дупло.

Вот по снегу мягкими, неслышными прыжками подбежал к осине тёмный длинный зверёк. Остановился, понюхал, поднял кверху острую мордочку. Верхняя губа приподнялась, – мелькнули острые, хищные зубы.

Это куница – убийца всех мелких лесных зверей. И вот она, чуть шурша когтями, бежит уже вверх по осине.

Вверху из дупла высунулась усатая круглая головка. Через миг голубой зверёк уже бежал по суку, осыпая снег на ходу, и легко прыгнул на ветку соседней сосны.

Но как ни легко прыгнул голубой зверёк, ветка качнулась, – куница заметила. Она согнулась в дугу, как натянутый лук, потом выпрямилась – и стрелой перелетела на качавшуюся ещё ветку. Куница понеслась вверх по сосне – догонять зверька.

Нет никого в лесу проворней куницы. От неё не уйти даже белке.

Голубой зверёк слышит погоню, ему некогда оглянуться: надо скорее, скорее спастись. С сосны он прыгнул на ель. Напрасно зверёк хитрит, бежит по другой стороне ели, – куница скачет по пятам. Зверёк забежал на самый конец еловой лапы, а куница уже рядом – хватать зубами! Но зверёк успел спрыгнуть.

С дерева на дерево неслись голубой зверёк с куницей, как две птицы среди густых веток.

Прыгнет голубой зверёк, нагнётся ветка, а куница за ним, – ни на миг не даёт передышки.

И вот уже не хватает у голубого зверька сил, уже слабеют лапки; вот прыгнул и не удержался – падает вниз. Нет, не упал, уцепился по дороге за нижнюю ветку – и вперёд, вперёд из последних сил.

А куница бежит уже поверху и высматривает с верхних ветвей, как удобнее броситься вниз и схватить.

И вот на миг голубой зверёк остановился: лес прервался пропастью. Куница тоже на всём скаку остановилась над зверьком. И вдруг кинулась вниз.

Прыжок её был точно рассчитан. Она всеми четырьмя лапами упала на

то место, где остановился голубой зверёк, но он уже прыгнул прямо в воздух и полетел, – медленно, плавно полетел по воздуху над пропастью, как во сне. Но всё было наяву, при яркой луне.

Это была полетуха, летяга – летучая белка: у неё между передними и задними лапками натянута свободная кожа, которая парашютиком держала её в воздухе.

Куница не прыгнула вслед: она не может летать, она упала бы в пропасть.

Летяга повернула хвост и, красиво закруглив полёт, спустилась на ёлку по ту сторону пропасти.

Куница щёлкнула зубами со злости и стала спускаться с дерева.

Голубой зверёк ускользнул.

Пёрышко

Художник пошёл с товарищами в лес на охоту. Он стрелял хорошо. А на охоте раньше никогда не бывал и не видел, как вспыхивает в зелени деревьев рыжее-рыжее перо лесного кулика – вальдшнепа.

Вальдшнеп выпорхнул у него из-под ног. Художник выстрелил, и убитая птица упала.

Художник поднял вальдшнепа и стал любоваться его красивым оперением. Глаз от него оторвать не мог. Каждое пёрышко его восхищало.

И захотелось художнику написать картину в красках: летит вальдшнеп среди леса.

Так вдруг захотелось, что бросил он товарищей и скорей пошёл домой.

Дома художник сейчас же принялся писать картину. Лес у него вышел скоро и хорошо. А вальдшнеп не выходил. Художнику хотелось написать красками все тоненькие-тоненькие чёточки на перьях лесного кулика. Но кисти были для этого слишком толсты. И он с досады даже поломал несколько хороших кисточек.

Потом, чтобы успокоиться, он стал опять внимательно разглядывать вальдшнепа.

И тут он заметил, что в крыле у этой птицы, у самого сгиба, есть одно очень твёрдое и очень тоненькое пёрышко. Художник вырвал это пёрышко и вставил его в письменную ручку.

Получилась тоненькая, упругая кисточка – как раз такая, какой недоставало художнику. Он взял её и расписал на своей картине перья вальдшнепа так тонко, что потом все удивлялись: «Как он это сделал?»

Моржиха

Два брата ненца поехали на лодке стрелять моржей. Старший брат грёб на корме веслом, а младший стоял на носу лодки; в руках у него была винтовка. Он был в одежде из тюленьей шкуры, мехом вверх.

Скоро они увидели на краю ледяного берега моржиху с моржонком.

Старший брат повёл лодку вплотную к ледяному берегу.

Моржиха спала. Братья подъехали совсем близко, и младший выстрелил моржихе в голову.

Моржонок разом нырнул, а у раненой моржихи хватило силы кинуться в воду и ударить клыками лодку.

Лодка разлетелась в щепки.

Старший брат успел выскочить на лёд.

Младший выронил винтовку и полетел в воду.

Вдруг раненая моржиха кинулась к нему и лапами прижала его к себе так крепко, что охотник не мог шевельнуться. Она приняла человека в тюленьей шкуре за своего моржонка.

И нырнула с ним на дно моря.

«Вот я пропал», – успел только подумать охотник.

Он уже задыхался.

Но тут, наконец, раненую моржиху покинули силы. Её ласты

разжались.

Младший брат всплыл наверх вместе с мёртвой моржихой.

Старший брат протянул ему весло и помог выбраться на лёд.

Оба брата живы и сейчас.

На деньги, полученные за клыки моржихи, они купили себе винтовку вместо утонувшей.

Мясо моржихи съели.

А из толстой шкуры моржихи сшили себе отличную новую лодку.

Непонятный зверь

У нас в колхозе картошку с осени закапывают в сосняке. Там песок, – картошка лежит всю зиму и не портится. Весной её вырывают из песка и садят. А в сосняке остаются глубокие ямы.

Вот раз шёл один наш колхозник по этому сосняку и слышит: будто скребётся кто в яме.

Подошёл к яме, а там на дне совсем незнакомый зверь. Ростом с собачку, толстый, сам весь в белой и чёрной шерсти.

У колхозника с собой был топор. Долго не раздумывая, колхозник наклонился над ямой да стукнул зверя обухом по голове.

Зверь упал.

Колхозник вытащил его из ямы, перекинул через плечо и пошёл домой.

Дома скинул зверя на пол и говорит своим сыновьям:

– Смотрите, какого я зверя пристукнул в сосняке. Совсем непонятный зверь. Даже и прозвания его не знаю.

Старший сынишка поглядел на зверя, – а зверь толстый, ноги короткие, рыло свинячье, – говорит:

– Это лесной поросёнок.

Средний сынишка поглядел зверю на когти, – а когти у зверя длинные, страшные, – и говорит:

– Это волчонок.

А младший сынишка поднял зверю верхнюю губу, поглядел на его зубы, – а зубы у зверя хищные, клыкастые, – и говорит:

– Медвежонок.

– Нет, – сказал колхозник, – не поросёнок, не волчонок и не медвежонок. Совсем непонятный зверь. Пойду за лесником. Лесник должен знать.

Взял шапку, вышел и дверь за собой захлопнул.

Через малое время вернулся с лесником, открывает дверь, а ребята его – все трое – на печке сидят, ноги поджали. И кричат ему:

– Тятя, не входи!

– Тятя, он живой!

– Кусачий!

Колхозник остановился на пороге, а зверь шаст у него между ног, да с крыльца, да в калитку.

Хрюкнул и пропал в кустах.

А лесник, что стоял позади колхозника, и говорит:

– Плохо ты его стукнул. Это зверь лесной, живучий. По-нашему – язвук, по-учёному – барсук. В норах живёт. Ест коренья, да лягушек, да слизняков.

Ребята спрашивают с печки:

– А людей он не ест?

– Людей не трогает.

– А мы-то страху натерпелись!

И полезли с печки.

– Эх, знать бы, мы печёной картошки ему дали б. Вкусной!

Про двух охотников

На дереве

Были два друга-охотника. Один был ханте, лесной человек. Он в лесу родился, в лесу всю жизнь прожил и прокармливал себя охотой. А другой служил в городе и только в свободные дни приезжал к другу в лес – пострелять птицу и зверя.

Раз осенью ханте привёл друга в лес на поляну и говорит:

– Слушай...

А вечер был, солнце уже село за деревья. Тихо в лесу.

Вдруг разнёсся по лесу короткий, глухой рёв: незнакомый и страшный голос какого-то зверя. У городского мурашки по спине побежали. Но виду он не показал, что ему страшно.

А ханте-охотник вытащил из-за пазухи берестяную трубу. Приложил её к губам и подаёт такой же звериный голос.

Зверь отозвался.

Ханте опять трубит.

Зверь ближе, ближе.

И вот слышит городской охотник: кто-то большой, тяжёлый ломит через чащу, сучья трещат.

Вдруг показалась звериная голова – нос горбылём, рожищи шире лопат. Громадный лось.

Надо бы обождать, когда зверь на открытое место выйдет, и тогда стрелять.

А городской не стерпел, выстрелил сквозь чащу. Пуля отломила зверю кусок рога. Зверь расвирепел, кинулся на охотников.

Охотники побросали ружья – и на деревья.

Городской забрался на прямую берёзу, а ханте рядом – на кривую, наклонную ель.

Лось подбежал под берёзу и давай копытами землю бить. Достать рогами охотника не мог.

А в земле корни берёзы. Лось их копытами, как топором, перерубил.

Закачалась берёза и стала падать.

Тут и была бы охотнику смерть: упади он, лось его мигом растоптал бы.

Да, на счастье охотника, берёза, падая, навалилась на ель, где ханте

сидел. Ханте подхватил друга и помог ему взобраться на ту ветку, где сам сидел.

А лось уже под елью – и опять копытит землю.

Ханте вытащил из кармана трубку, табак и даёт другу:

– Закуривай.

А друг говорит:

– Да ты что! Зверь и ель сейчас повалит, – обоим нам сейчас будет смерть.

– Нет, – говорит ханте. – Кури спокойно.

Ничего не будет. Корни-то ели где?

Лось рыл землю прямо под той веткой, где охотники сидели. А ель-то ведь была кривая, наклонная, корни её были далёко от этого места.

Всю ночь бесновался лось. Большую яму под елью вырыл. А в сторону отойти да рыть там так и не догадался. Смекалки у него не хватило.

Наконец, лось устал. Фыркнул со злости, что не достал обидчиков, и ушёл. Тогда охотники слезли, подобрали ружья и пошли домой.

В медвежьей шкуре

В другой раз городской охотник приехал к другу зимой. Опять пошли они в лес.

В лесу они разошлись. Ханте со своей лайкой пошёл в одну сторону, а городской – в другую. У него собаки не было.

Городской шёл-шёл по лесу, видит – сугроб.

А перед сугробом кусты в инее.

«Эге! – подумал охотник. – Отчего бы тут иней, когда его нигде кругом нет?»

Поднял длинный сук, ткнул им в сугроб.

А из-под сугроба – большущий медведь.

Он тут в берлоге лежал да дышал на кусты.

Оттого и были кусты в инее.

Выстрелил охотник и положил зверя на месте.

День зимний короткий. Пока охотник шкуру сдирал с медведя, и ночь подошла.

Как в темноте дорогу назад найти? И решил охотник ночевать в лесу.

Мороз был.

Охотник хватился спичек – костёр разжечь. А спичек нет.

И тут не приуныл охотник. Говорил ему друг-ханте, как он ночует

зимой в лесу: завернётся в звериную шкуру, и тепло ему спать в снегу.

Охотник поднял медвежью шкуру – тяжёлая, тёплая шуба.

Да внутри-то шуба вся в крови. Охотник перевернул медвежью шкуру мехом внутрь, завернулся в неё с ног до головы и лёг в снег.

Тепло в медвежьей шкуре. Охотник заснул.

Под утро приснился ему страшный сон: будто навалился на него медведь и давит, давит, – вздохнуть нет сил.

Охотник проснулся, – ни рукой, ни ногой шевельнуть не может.

Сковал мороз сверху медвежью шкуру, мокрую от крови. Как железными обручами сдавил охотника.

И слышит охотник: шуршит кто-то по снегу, подходит к нему.

«Ну, – думает охотник, – настал мой смертный час. Зачуял другой зверь мясо. Сейчас до меня доберётся, а я и ножа достать не могу».

А это подходит не зверь, а ханте-охотник: его лайка нашла городского по следу.

Ханте разрезал ножом медвежью шкуру, выпустил из неё друга и говорит:

– Неладно ты завернулся. Мехом наружу надо. Тогда и внутри тепло и снаружи мороз не возьмёт.

Задерихвост

Хищник должен прятаться, если хочет подтаиться к добыче.

Большой медведь бесшумно крался по лесу, осторожно переступал голыми подошвами сухие сучки.

Впереди на опушке была куча хвороста. За ней – луг.

Там паслись кони. Они часто поднимали головы, нюхали ветер. Но ветер дул от них на кучу.

Кони поворачивали головы против ветра и ни чуют, ни видеть хищника не могли.,

Вдруг из хвороста, как пузырьёк из лужи, выскочил крошечный задерихвост – птичка ростом в сосновую шишку; носик востренький, тельце орешком, хвостик торчком.

И шныряет всегда понизу.

Как от него спрячешься, когда у тебя ноги и ступают они по земле?

Медведь пал на брюхо, вжался в мох. Да уж поздно: уже заметил его задерихвост.

Да как затрещит!

И откуда у крохи такой голос: за тысячу шагов вздрогнешь.

Кони заржали, умчались.

В ярости вскочил медведь, кинулся ловить нахального малыша.

Вмиг раскидал всю кучу.

А задерихвост мышонком проскользнул у него между ног и вспорхнул на дерево. Поди поймай его там!

Всю охоту испортил медведю. С головой его выдал.

И хвостик торчком!

Поганки

Становилось голодно, надо было подумать о мясе. Я взял ружьё и пошёл на маленькое лесное озеро. Оно густо поросло у берегов травой. На ночь сюда собирались утки.

Пока дошёл – стемнело. В тростнике закрикало, с шумом поднялись утки. Но я их не видел, стрелять не мог.

«Ладно, – подумал я. – Дождусь утра. Майская ночь совсем короткая. А до света они, может, вернуться».

Я выбрал место, где тростник расступался и открывал полянку чистой воды. Сделал себе шалашик в кустах и забрался в него.

Сперва сидеть было хорошо. Безлунное небо слабо сияло, звёзды поблёскивали сквозь ветви. И пел-шептал свою приглушённую, несмолкаемую, как ручеёк, песню козодой-полуночник.

Но набежал ветерок. Звёзды исчезли, козодой умолк. Сразу посвежело, посыпал мелкий дождик. За шиворот мне потекли холодные струйки, сидеть стало холодно и неудобно. И уток не слышно было.

Наконец запела зарянка. Её цвирикающая переливчатая песенка задумчиво-грустно звучит вечерами. А под утро кажется радостной, почти весёлой. Но мне она не обещала ничего хорошего. Я проголодался, продрог и знал, что теперь утки не прилетят. Не уходил уж только из упрямства.

Дождик перестал. Начало прибывать свету. Пел уже целый птичий хор.

Вдруг вижу: в траве, в заводинке, движутся две птичьих головки.

Вот они, утки! Как незаметно сели...

Я стал прилаживать ружьё, чтобы удобно было стрелять, когда выплывут на чистое.

Выплыли. Смотрю: острые носики, от самых щёк на прямые шеи опускается пышный воротник. Да совсем и не утки: поганки!

Вот уж не по душе охотникам эти птицы!

Не то, чтобы мясо их на самом деле было *поганое*, вредное для здоровья. Оно просто невкусное. Одним словом, поганки – не дичь.

А живут там же, где утки, и тоже водоплавающие. Охотник обманется и с досады хлопнет ни в чём не повинную птицу. Застрелит и бросит.

Так грибник, приняв в траве рыжую головку какой-нибудь сыроежки за красный гриб, со злости пнёт её ногой и раздавит.

Разозлился и я: стоило целую ночь мёрзнуть! Подождите же!

А они плывут рядом, плечо к плечу. Точь-в-точь солдатики. И

воротники распушили.

Вдруг – раз! – как по команде «разомкнись!» – одна направо, другая налево. Расплылись.

Не тратить же на них два заряда!

Расплылись немного, повернулись лицами друг к дружке и кланяются. Как в танце.

Интересно смотреть.

Сплылись – и нос к носику: целуются.

Потом шеи выпрямили, головы назад откинули и рты приоткрыли: будто торжественные речи произносят.

Мне уж смешно: птицы ведь, какие они речи держать могут.

Но вместо речей они быстро опустили головы, сунули носы в воду и разом ушли под воду. Даже и не булькнуло.

Такая досада: посмотреть бы ещё на их игры!

Стал собираться уходить.

Вдруг смотрю: одна, потом другая выскакивают из воды. Стали на воду, как на паркет, во весь свой длинненький рост, ножки у них совсем сзади. Грудь выпятили, воротники медью на солнце зажглись – до чего красиво – так и полыхают.

А в клюве у каждой платочек зелёной тины: со дна достали. И протягивают друг дружке подарок. Примите, дескать, от чистого сердца ради вашей красоты и прекрасного майского утра!

Сам-то я тут только и заметил, как хорошо утро. Вода блещет. Солнышко поднялось над лесами и так ласково припекает. Золотые от его света комарики толкуются в воздухе. На ветвях молодые листочки раскрывают свои зелёные ладошки. Чудесно кругом.

Сзади сорока налетела, как затрещит! Я невольно обернулся. А когда опять посмотрел на воду, поганок там уже не было: увидели меня и скрылись.

Они скрылись, а радость со мной осталась. Та радость, которую они мне дали. Теперь ни за что я этих птиц стрелять не буду. И поганками их называть не буду. Ведь у них есть и другое имя, настоящее: нырец или чомга.

Очень они полюбились мне в то утро, хоть я и остался без мяса.

Чёрная лисица

В лесах Якутии зимой появилась чёрная лисица.

Чёрные лисицы бывают очень редко. И шкура их стоит дороже всех других мехов.

Вот все охотники сейчас же бросили стрелять белок, даже соболей, и стали гоняться за одной этой лисицей.

Чёрный мех на снегу издали виден. Чёрной лисице надо быть очень хитрой, чтобы спасти свою шкуру. И она была такая хитрая, что никого к себе не подпускала на выстрел и не шла ни в одну ловушку.

Понемногу все охотники отказались от неё и принялись опять стрелять белок, соболей и других зверей.

Один только молодой зверолов ни за что не хотел отстать от неё. Он думал: «Помучусь, зато уж поймаю её».

И продолжал гоняться за ней.

А чёрная лисица делала так: охотник идёт за ней, а она даст круг и выйдет на его след. И ходит за ним по лесу.

Молодой зверолов эту её хитрость понял.

«Ладно же, – подумал он. – Ходи. А я расставлю по круговой тропке капканы да самострелы и буду ходить по этой тропке. Тут-то ты, матушка, и попадёшься мне».

Так и сделал.

Расставил на тропке капканы, снегом их запорошил, чтобы видно не было. Спрятал в кустах самострелы, а верёвочки, которые стрелу спускают, провёл через тропку.

И стал ходить по тропке. Он ходит, и чёрная лисица за ним ходит.

Он через все верёвочки и капканы перешагивает, и чёрная лисица через них перепрыгивает.

Кружили-кружили, кружили-кружили, – охотник устал, еле ноги волочит. И задел за одну верёвочку.

Самострел выстрелил, и стрела попала зверолову в ногу. Он еле домой дополз. И всю зиму пролежал больной в постели.

А чёрная лисица так и ушла.

Как муха медведя от смерти спасла

Повадился медведь на овсы. Каждую ночь приходит, да не столько съест овса, сколько помнёт его и потопчет. Чистое разоренье колхозу!

Колхозники к охотнику:

– Так и так, Сысой Сысоич, выручай.

Сысой Сысоич охотник старый, заправский. Он взялся за дело умело.

Овсы были в лесу. Сысой Сысоич выбрал опушку и сделал себе лабаз: несколько жердинок на ветки положил, на чём сидеть. Днём ружьё почистил, ствол смазал маслом: чтобы блестел под луной, видней было бы стрелять. И ещё с вечера засел в засаду – на лабаз.

Отлично. Сидит на дереве, ждёт.

Вот смерклось. Пошли по лесу шелесты, шорохи, шёпоты. Всё кажется: вот идёт медведь, тут сучком треснул, тут в овсе зашелестел. А темно, ничего не видать.

Наконец взошла луна. Овсяное поле сразу заблестело серебряным озером. И видит Сысой Сысоич: вот он, медведь! Прямо под ним лежит, колосья лапами загребает и запихивает себе в пасть. Сладкое овсяное молочко сосёт, чавкает от удовольствия, – так вкусно!

Вот ладно.

Сысой Сысоич тихонько поднимает ружьё и наводит его на зверя. И уж совсем было нацелился, – вдруг летит что-то большое, чёрное – прямо Сысой Сысоичу в глаза!

И село на ружьё.
Тут Сысой Сысоич понял: это муха.
Маленькая она, муха-то, а села перед самым носом, и кажется большущей, как слон. Заслонила собой медведя от Сысой Сысоича.
Вот уж это неладно.
Сысой Сысоич на неё тихонько:
– Кышш!
Сидит муха.
– Ффф! – дунул на неё.
Муха сидит.
– Фффы! – дунул покрепче.
Муху снесло. Но только Сысой Сысоич стал целиться, муха опять тут как тут.
Вот уж совсем неладно.
Сысой Сысоич ещё крепче дунул:
– Ффыф!
Слетела – и опять села на ствол. Такая упрямая, никак не прогонишь.
Ух, как рассердился Сысой Сысоич!
Вот уж это совсем из рук вон плохо.
Сысой Сысоич передвинулся вперёд сколько мог на своём лабазе, занёс над мухой кулак... да как треснет по стволу!
Трах, бах, треск и гром! Ружьё стреляет, жердинки под Сысой Сысоичем ломаются, Сысой Сысоич летит с дерева – прямо к медведю.
Бедный зверь спокойно сосал вкусное овсяное молочко и совсем не ожидал такого нападения.
Он так перепугался, что вскочил и, даже не взглянув, кто это кинулся на него с неба, – сломя голову в лес.
Сысой Сысоич не очень расшибся и скоро поправился. Медведь больше на овсы не приходил. А муха, которая спасла медведя от верной смерти, неизвестно куда делась.

Подкидыш

Мальчишки разорили гнездо каменки, разбили её яички. Из разбитых скорлупок выпали голые, слепенькие птенчики.

Только одно из шести яичек мне удалось отобрать у мальчишек целым.

Я решил спасти спрятанного в нём птенчика.

Но как это сделать?

Кто выведет мне его из яйца?

Кто вскормит?

Я знал неподалёку гнездо другой птички – пеночки-пересмешки. Она только что отложила своё четвёртое яичко.

Но примет ли пересмешка подкидыша? Яйцо каменки чисто-голубое. Оно больше и совсем не похоже на яички пересмешки: те – розовые с чёрными точечками. И что будет с птенцом каменки? Ведь он вот-вот должен выйти из яйца, а маленькие пересмешки выклюнутся только ещё дней через двенадцать. Станет ли пересмешка выкармливать подкидыша?

Гнездо пересмешки помещалось на берёзе так невысоко, что я мог достать его рукой.

Когда я подошёл к берёзе, пересмешка слетела с гнезда. Она порхала по ветвям соседних деревьев и жалобно посвистывала, словно умоляла не трогать её гнезда.

Я положил голубое яичко к её малиновым, отошёл и спрятался за куст.

Пересмешка долго не возвращалась к гнезду. А когда, наконец, подлетела, не сразу уселась в него: видно было, что она с недоверием разглядывает чужое голубое яйцо.

Но всё-таки она села в гнездо. Значит, приняла чужое яйцо. Подкидыш стал приёмьшем.

Но что будет завтра, когда маленькая каменка выклюнется из яйца?

Когда утром на следующий день я подошёл к берёзе, с одной стороны гнезда торчал носик, с другой – хвост пересмешки.

Сидит!

Когда она слетела, я заглянул в гнездо. Там было четыре розовых яичка и рядом с ними – голый слепенький птенчик каменки.

Я спрятался и скоро увидел, как прилетела пересмешка с гусеничкой в клюве и сунула её в рот маленькой каменке.

Теперь я был уже почти уверен, что пересмешка выкормит моего подкидыша.

Прошло шесть дней. Я каждый день подходил к гнезду и каждый раз видел торчащие из гнезда клювик и хвост пересмешки.

Очень меня удивляло, как она поспекает и каменку кормить и высиживать свои яйца.

Я скорей отходил прочь, чтоб не помешать ей в этом важном деле.

На седьмой день не торчали над гнездом ни клювик, ни хвост. Я подумал: «Всё кончено! Пересмешка покинула гнездо. Маленькая каменка умерла с голоду».

Но нет, в гнезде лежала живая каменка. Она спала и даже не тянула вверх головку, не разевала рта: значит, была сыта. Она так выросла за эти дни, что покрывала своим тельцем чуть видные из-под неё розовые яички.

Тогда я догадался, что приёмьш отблагодарил свою новую мать: теплотой своего тельца он грел её яички – высиживал ей птенцов.

Так оно и было. Пересмешка кормила приёмьша, приёмьш высиживал её птенцов.

Он вырос и вылетел из гнезда у меня на глазах. И как раз к этому времени выклюнулись птенчики из розовых яичек.

Пересмешка принялась выкармливать своих родных птенцов и выкормила их на славу.

Дятел и малиновка

Кто-то из ребят спросил:

– А какой из себя дятел?

– Я знаю, – сказал Ваня. – У дятла нос долотом, потому что он деревья долбит носом; а хвост голиком, – знаете, как жёсткий, из одних прутьев, веник, с которого оборваны листья.

Жёсткий, упругий хвост у дятла, потому что дятел опирается на хвост, когда размахивается головой.

– Совершенно верно, – хором отозвались ребята.

– Ростом дятел с дрозда, – продолжает Ваня, – пёстрый, весь в чёрных и белых крапинах, спина чёрная, на каждом крыле по круглому белому пятну, а на голове красное.

– Верно, – сказала Майя, – дятел пёстрый, с дрозда ростом. И шапочка у него красная. Но спина у него белая и на крыльях не круглые пятна, а узкие белые полосы. Ещё ты забыл сказать, Ваня, что у дятла по четыре пальца на лапе, – два вперёд, два назад.

– Так-то так, – сказала Таня, – пальцев четыре, и спинка белая, и крылья в белых полосках. Только ростом-то дятел не больше воробья.

– Ой-ой-ой! – закричал Саня. – Никто из вас, значит, и в глаза не видал дятла! Дятел – это же крупная птица, с ворону, пожалуй, будет. И весь он совершенно чёрный, только шапка на голове у него красная, как у начальника станции.

– Ну, ну, правильно, – сказала Аня. – Дятел – птица довольно крупная. К нам в сад осенью каждый день прилетал один – забор долбить. Уж я-то его хорошо разглядела. Только почему вы говорите, что он пёстрый или чёрный?

– А по-твоему, какого же он цвета? – спросили ребята.

– Да зелёный, конечно, – сказала Аня.

Ребята как прыснут со смеху.

– Зелёный, длинный, висит в гостинной!

– Серо-буро-муро-малиновый в крапинках!

– Висит и пищит!

Как приутихли немножко ребята, Таня и говорит:

– Никак, видно, нам не сговориться, – у каждого из вас дятел своего цвета. Хорошо ещё, что шапка у него красная и пальцев четыре. А вот я целое лето держала дятла дома: у мальчишек выпросила, они его камнем с

ветки сбили. Уж, кажется, могла рассмотреть, какой он из себя? И я вам заявляю: нет у дятла на голове ни одного красного пёрышка! Все золотые. Золотая у него шапочка. И пальцев у него вовсе не четыре, – кто это так сосчитать умудрился? – а вовсе три: два пальца вперёд, а один назад.

Смотрят друг на друга ребята – и ничего понять не могут: почему у всех дятлы разные? То ли за дятлов других каких птиц принимали? То ли сами из своей головы выдумали, какие они из себя – дятлы?

Кто-то потребовал:

– Призвать сюда нашего учёного брата Льва-юнната. Пусть скажет, кто же из спорящих прав?

– А все правы, – сказал юннат Лев. – Дятлов-то ведь у нас сколько разных – целое «семейство». Пёстрые дятлы, большой пёстрый – с белыми пятнами на крыльях и с чёрной спиной; белоспинный с белыми полосками на крыльях; эти оба ростом с дрозда, а малый пёстрый дятел – тот с воробышка. Желна – чёрный дятел самый большой; что в тёмных борах живёт, – тот с ворону, а зелёный дятел поменьше его и любит светлые лиственные рощи. У всех дятлов самцы – красношапочники, и у всех У этих дятлов – и самцов и самок – по четыре пальца на ноге – два вперёд, два назад. И у одного только из наших пёстрых дятлов и шапочка не красная, а золотая, и пальцев не четыре, а всего три: два вперёд, один назад. Так он и зовётся: трёхпалый дятел.

А теперь, – закончил свой доклад юннат Лев, – дайте-ка я вам другую птичью загадку загадаю. Какая из себя птичка малиновка? Знаете?

– Подумаешь! Загадал! – зашумели ребята. – Кто же малиновку-то не знает? Об ней и в песне поётся: «Стрелок малиновку убил...» Такая же обыкновенная птица, как воробей.

– Только тоненькая, – сказал Ваня. – И носик у неё тоненький! Вся серенькая, а на груди – малиновое пятно. Поёт на утренней и на вечерней заре. Гнездо вьёт на земле, под корнями деревьев или в дупле. Яички несёт розоватые со ржавыми пятнышками.

Маня подтвердила:

– Всё, как есть, так.

И Таня скрепила:

– Точно!

– И ничего преподобного! – сказал Саня. – Малиновка – вся такая светленькая пташка без никаких малиновых пятен. Поёт она днём, гнезда вьёт в малиннике, в папоротнике и в других кустах и травах. И яички у неё совсем не розовые, а беловатые с бурыми пестринками.

– Правильно! – подтвердила Аня.

– С подлинным верно! – скрепила Таня.

– Вот новое дело! – закричали ребята. – Малиновка-то у нас одна, – не то, что целое семейство дятлов. Что ж они путают? Одни про одно, другие про другое! Слово учёному брату – Льву-юннату.

– Имя плохое – «малиновка», – сказал юннат Лев. – Одни найдут гнездо птички в малине – и птичку эту назовут малиновкой. Другим бросится в глаза малиновое пятно на груди – и эту птичку они назовут малиновкой, за это пятно назовут. Вот потом и разбирайся, кто про что думает, про какую птичку «малиновку».

Та тёмненькая птичка с малиновым пятном на груди, птичка, что поёт только по зорям, – правильно зовётся заряжкой. А та, что часто в садах, в малиннике гнёзда вьёт, – садовой славкой.

– Дело! – сказали ребята. – «Юннат малиновку убил». И распалась та птичка малиновка на две живые, хорошие птюшки – зарядку и славку садовую.

Аришка-Трусишка

Колхозницы Федоры дочурку все Аришкой-Трусишкой звали. До того трусливая была девчонка, – ну, просто ни шагу от матери! И в хозяйстве от неё никакой помощи.

– Слышь, Аришка, – скажет, бывало, мать, – возьми ведёрочко, натаскай из пруда воды в корыто: постирать надо.

Аришка уж губы надула.

– Да-а!.. В пруду – лягушки.

– Ну и пусть лягушки. Тебе что?

– А они прыгучие. Я их боюсь.

Натаскает Федора воды сама, бельё стирает.

– Поди, доченька, на чердаке бельё развесь – посушиться.

– Да-а!.. На чердаке – паук.

– Ну и пусть паук.

– Он ползучий. Я его боюсь.

Махнёт Федора рукой на дочь, сама на чердак полезет.

– А ты, Аришка, пока хоть в чулан сходи, молока крынку принеси.

– Да-а!.. А в чулане – мыши.

– А хоть бы и так! Не съедят они тебя.
– Они хвостатые. Я их боюсь.
Ну, что с такой трусишкой поделаешь?!

Раз летом убирала колхозники сено на дальнем покосе в большом лесу.
Аришка от матери ни на шаг, цепляется за юбку, – работать не даёт.
Федора и придумала:
– Ты бы, девушка, в лес сходила по малину.
Тут в лесу страсть сколько малины. Хоть лукошко набери.
Аришка – первая в колхозе сладёна. К ягодам липнет, как муха к сахару.
– Где, маменька, где тут малинка?
– Да вон на опушке. Идём, покажу.
Как увидела Аришка на кустах красные ягоды, так к ним и кинулась.
– Далёко-то в лес, слышь, не ходи, доченька, – наставляла Федора. – А напугаешься чего – меня кличь. Я тут рядом буду, никуда не уйду.

* * *

Славно поработалось в тот день Федоре: ни разу её из лесу Аришка не окликнула.

Пришло время полдничать. Только собралась Федора за дочуркой в лес, глядь – Аришка сама идёт. Все щёки у неё в малиновом соку и в руках – полное лукошко ягоды.

– Умница, доченька! – обрадовалась Федора. – И где же это ты столько много ягоды набрала?

– А там подальше, за ручьём, в большом малиннике.

– Ишь расхрабрилась, куда забрела! Говорила ведь я тебе: далеко в лес не заходи. Как там тебя звери не съели?

– Какие там звери? – смеётся Аришка. – Один медвежонок всего и был.

Тут уж Федоре пришёл черёд пугаться.

– Как... медвежонок? Какой такой медвежонок?..

– Да смешной такой, хорошенький. Мохнатый весь, носик чёрненький, а глазки зелёные-зелёные!

– Батюшки-светы! И ты не испугалась?

– И не подумала! Я ему: «Здравствуй, Мишук!» А он, бедненький, напугался – да на дерево от меня. Я ему кричу: «Слазь, Мишенька, слазь! Дай только поглажу!» А он выше да выше. Так и не слез ко мне. Поди, и

сейчас на том дереве сидит, с перепугу-то.

У Федоры так сердце и оборвалось.

– А в кустах, доченька, никого там не заметила?

– Был кто-то, ходил, сучьями потрескивал да всё ворчал толстым голосом. Тоже, верно, малинку собирал. Уж я звала-звала: «Дяденька, пособи медвежонка поймать!» Да не вышел он ко мне.

– Дитя неразумное! – всплеснула руками Федора. – Да ведь это не иначе как сама медведиха кругом ходила, своего медвежонка берегла! Да как только она тебя насмерть не разорвала!

А колхозники, как такое услышали, сейчас подхватили кто топор, кто вилы – да в лес!

В малиннике за ручьём и на самом деле нашли медведицу. Только она им не далась, ушла от них с другим своим медвежонком.

А того медвежонка, что на дерево залез, колхозники изловили и Аришке в подарок на ремешке привели.

Случилось это всё в прошлом году.

Теперь медвежонок с большого медведя вырос, а от Аришки ни на шаг, как, бывало, Аришка от матери. Сама Аришка – та всё ещё маленькая, только ещё в первый класс пошла, и над партой её чуть видно. Мишука своего нисколько не боится, хоть он вон какое страшилище вырос: лошади от него шарахаются и трактор на дыбы становится.

Нынче уж Федорину дочурку никто Аришкой-Трусишкой не зовёт – все Аришей с Мишей величают. Она старательная такая стала, всем девчонкам в пример, матери помощница. И за водой на пруд, и в погреб, и на чердак ходит.

Вот и пойми её, чего она раньше мышей-то боялась!

Снегирушка-Милушка

Жил у нас с бабушкой летом снегирушка. Грудка розовая, как кисель. Ручной совсем. Такой милушка! И очень музыку любил. Заведёшь патефон – он сейчас насвистывать.

Мы ему всё больше ставили старинную песенку про охотника и зайку. Он и выучил её. Целыми днями, бывало, свистит себе из своей большой проволочной клетки:

Шёл охотничек лесочком. —
Вот идёт, идёт, глядит,—
А под кустичком-кусточком,
А под кустичком-кусточком
Заинька сидит...

Так славно насвистывал – все удивлялись.

А потом, осенью, – заболел. Заболел наш снегирушка – и смолк. Сидит – хохлится, зёрна не клюёт и молчит.

Пёрышки у него стали падать. Это он линял. Долго линял – хохлился. А когда перелинял и выздоровел, – опять повеселел.

Повеселеть-то повеселел снегирушка, а песенку нашу любимую забыл. Насвистывает что-то своё, птичье, а про зайку – никак. Хотя мы ему по-прежнему патефон заводили.

Заведём – он слушает, слушает... Смирно сидит, будто что-то вспомнить силится, – и не может.

К зиме мы kota взяли у соседей, большого, серого: очень нас мыши одолели. Тут уж снегирушка и совсем замолк.

Раз солнечным весенним утром мы опять поставили эту пластинку:

Ну-тка, борзая, хватай-ка! —
Тут охотничек сказал.

Снегирушка ни гу-гу.

Я и говорю бабушке:

– Я не знал, что птичкам так тяжело линять.

Наш снегирушка совсем слух потерял, как маленькая Маша после

кори.

Бабушка говорит:

– Может быть, это он кота боится. Надо кота унести.

А снегирушка из клетки вдруг как засвистит:

Я не ваш! – ответил зайка, —

Я не ваш! – ответил зайка, —

Прыг – и ускакал!

Мы так и ахнули: вспомнил ведь песенку, милушка!

Музыкальная канарейка

Ещё была у моей бабушки канарейка. Бабушка её очень берегла, потому что канарейка была тоненькая, нежная – вся жёлтенькая, – и пела чудесно. Эта канарейка тоже музыку обожала, только самую хорошую. Бабушка ей всегда самые лучшие свои пластинки заводила, разные там концерты.

Вот как-то бабушка ушла из дому, а я назвал к себе ребят. На дворе был дождь, нам было скучно, и мы придумали устроить свой оркестр.

Я взял гребёнку и тонкую бумажку, сделал себе губную гармошку. А ребята – один себе стакан поставил – ложечкой стучать; другой – пустое ведро вверх ногами – вместо барабана; у третьего трещотка деревянная была. И начали мы играть известную песенку: «Мы едем, едем, едем в далёкие края!»

И совсем уже было у нас на лад пошло, начало даже что-то получаться, – вдруг входит бабушка. Вошла бабушка, улыбнулась на нашу музыку. Потом посмотрела на клетку да как всплеснёт руками:

– Ах, что вы делаете! Вы мою канарейку убили!

А мы к её клетке даже близко не подходили.

Смотрим – правда, канарейка лежит на песке, глаза закрыты и ножкиверху.

Бабушка сразу всех ребят зонтиком выгнала и давай скорей свою канарейку сердечными каплями отхаживать.

Отходила всё-таки.

Бабушка немножко успокоилась и говорит:

– Глупые какие! Разве можно при ней такой отвратительный шум устраивать! Ведь у неё замечательно нежный слух. Она не может вытерпеть ваших трещоток, вёдер и губных гармошек. Это очень музыкальная птичка-певичка, и с ней сделался настоящий обморок от вашей безобразной игры.

Муха и чудовище

Бабушка говорит: мало любить всякую животинку, её понимать ещё надо, – а это не так-то просто.

Удивляюсь, прямо, что тут мудрёного?

Один раз лежу в траве на солнышке – загораю.

Вдруг – бац! – у меня перед носом села муха. На лист сирени. Да не простая муха – серая комнатная, а замечательно какая красивая. Майка на ней зелёная, трусы синие, всё яркое, блестящее, в обтяжку, как облитое. Бывают такие блестящие мухи.

Села и сидит. Тоже, видно, загорать прилетела. И, видно, ей скучно: лениво так брюшко себе почесала задней ножкой и зевнула во всю пасть.

Хотя, может быть, это мне только так показалось, что пасть. Спорить не буду. По правде, я даже не знаю, есть ли у мухи пасть. Надо будет как-нибудь через увеличительное стекло посмотреть. Хобот-то у мух есть: это простыми глазами видно. А раз есть хобот, – значит, должна быть и пасть: иначе куда же ей хоботом еду класть? Я слона видел. Он хоботом взял у мальчика булку и отправил её себе в пасть. У него здоровая пасть. Наверное, и у мухи не хуже.

Ну, одним словом, вижу: мухе скучно сидеть одной на листе и загорать. И она очень обрадовалась, когда вдруг кто-то стал снизу подниматься на лист.

Показалась зелёная гладкая голова с длинным кривым рогом и двумя ярко-красными глазами под ним. Потом толстая шея...

Муха было подскочила к ней, – а шея всё вытягивается, вытягивается из-под листа – толстая, жирная, вся в перетяжках. Голова всё выше, выше... и уставилась на муху своими красными глазами.

Муха – брык! – со всех ног и отскочила на дальний край листа.

Я так и прыснул со смеху. Кричу ей:

– Струсил, струсил! – хотя, правда, рогатое чудовище и мне показалось довольно страшным.

Мухе, конечно, стыдно. Она сделала вид, будто и не думала удирать, а так, отскочила только, чтобы удобнее было драться. Она поплевала себе в ладошки и стала засучивать рукава: «А ну, выходи на кулачки!»

Видели, как это мухи делают? Подождут передние ножки и ножкой об ножку сучат, – точь-в-точь рукава закатывают. Хотя раз майка и трусы у них – всё это их собственное тело, то никаких рукавов у них и нет. А

замечательно похоже это у них выходит!

Чудовище не двигалось.

Это придало мухе нахальства. Она опустила руки и на шестереньках бочком, бочком начала наступать на чудовище.

Я подумал: «Вот это так здорово! Сейчас поднимется на самые задние ноги и разыграет дурачка на четыре кулачка! Вот это так бокс!»

Тут чудовище тихонько шевельнулось и направило свой кривой рог прямо ей в грудь.

Муха – стоп! Но не бежит. Размахнулась сразу двумя средними ножками – и давай себя гладить по бёдрам, по трусам, – приноравливается, значит, с какой стороны удобнее ударить.

Я понимаю, я всё понимаю! Мальчишки у нас тоже так делают перед дракой.

И вдруг – вот уж этого я сам не ожидал! – рядом с рогатой головой поднимается из-под листа вторая голова – тупорылая, такая же зелёная, только безрогая.

Муха как подскочит – жжж! – замахала крыльями и драла по воздуху. Ещё бы: сразу с двумя такими чудовищами биться! Всякий струсит.

Но вот тут-то самое смешное: вторая голова стала на ножки, за ней выпятилось, поднялось на лист всё тело чудовища – и оказалось, что чудовище-то одно, а первая его голова, которая с рогом, совсем и не голова, а наоборот – хвост! Оказалось, – это гусеница такая толстая – сиреневый бражник, что ли, называется. И на хвосте у неё не глаза, а просто такие точки красные.

Значит, муха с хвостом воевать собиралась. Вот дурёха-то!

Я гусеницу скovyрнул себе в кепку и побежал скорей бабушке показать и рассказать про муху.

Бабушка стояла посреди избы и выгоняла мух в открытое окно. Машет полотенцем и кричит:

– Кыш, мухи! Кыш, кыш отсюда!

Я ей всё рассказал, всё объяснил, как было, даже сам показал, как муха рукава засучивала и по трусам себя гладила. А бабушка ну хохотать надо мной!

Вот уж не понимаю, что тут такого смешного!

Прямо до слёз дохохоталась и говорит:

– Ох, и мастер ты у меня из мухи слона, делать! Муха и драться-то не собиралась на кулачки, просто она чистилась. И совсем она не такая глупая; она лучше тебя, верно, знала, что это за чудовище лезет, где у него хвост, а где голова. Всё это ты из себя выдумал, потому что по себе судишь.

Подумай только: разве мухи дерутся на кулачки? У них и кулаков-то нет.

Вот подите поговорите с ней! Ну, что она понимает в драке?

Я не стал с ней спорить, – пусть думает, что хочет. Я только сказал:

– Бабушка, а ты зачем кричишь: «Кыш, мухи, кыш, кыш, кыш из комнаты!» Думаешь, они слова твои понимают?

Ну, бабушка мне ничего не ответила. А всё-таки потом уж больше не кричала на мух: «Кыш, мухи, кыш!»

ПО СЛЕДАМ

Снежная книга

Набродили, наследили звери на снегу. Не сразу поймёшь, что тут было.

Налево под кустом начинается заячий след. От задних лап следок вытянутый, длинный; от передних – круглый, маленький.

Пошёл заячий след по полю. По одну сторону его – другой след, побольше; в снегу от когтей дырки – лисий след. А по другую сторону заячьего следа ещё след: тоже лисий, только назад ведёт.

Заячий дал круг по полю; лисий – тоже. Заячий в сторону; лисий за ним. Оба следа кончаются посреди поля.

А вот в стороне – опять заячий след. Пропадает, дальше идёт...

Идёт, идёт, идёт – и вдруг оборвался – как под землю ушёл! И где пропал, там снег примят, и по сторонам будто кто пальцами мазнул.

Куда лиса делась?

Куда заяц пропал?

Разберём по складам.

Стоит куст. С него кора содрана. Под кустом натоптано, наслежено. Следы заячьи. Тут заяц жировал: с куста кору глодал. Встанет на задние лапы, отдерёт зубами кусок, сжуёт, переступит лапками, рядом ещё кусок сдерёт. Наелся и спать захотел.

Пошёл искать, где бы спрятаться.

А вот – лисий след, рядом с заячьим. Было так: ушёл заяц спать. Час проходит, другой. Идёт полем лиса.

Глядь, заячий след по снегу! Лиса нос к земле.

Принюхалась: след свежий!

Побежала по следу.

Лиса хитра, и заяц не прост: умел свой след запутать. Скакал, скакал по полю, завернул, выкружил большую петлю, свой же след пересёк – и в сторону.

След пока ещё ровный, неторопливый: спокойно шёл заяц, беды за собой не чуял.

Лиса бежала, бежала – видит: поперёк следа свежий след.

Не догадалась, что заяц петлю сделал.

Свернула вбок – по свежему следу: бежит, бежит – и стала: оборвался след! Куда теперь?

А дело простое: это новая заячья хитрость: двойка.

Заяц сделал петлю, пересёк свой след, прошёл немного вперёд, а

потом обернулся – и назад по своему следу.

Аккуратно шёл – лапка в лапку.

Лиса постояла, постояла – и назад.

Опять к перекрёстку подошла.

Всю петлю выследила.

Идёт, идёт, видит – обманул её заяц: никуда след не ведёт!

Фыркнула она и ушла в лес по своим делам.

А было вот как: заяц двойку сделал – прошёл назад по своему следу.

До петли не дошёл – и махнул через сугроб – в сторону.

Через куст перескочил и залёг под кучу хвороста. Тут и лежал, пока лиса его по следу искала.

А когда лиса ушла, – как прыснет из-под хвороста – и в чащу.

Прыжки широкие, – лапки к лапкам: гонный след.

Мчит без оглядки. Пень по дороге. Заяц мимо. А на пне...

А на пне сидит большой филин.

Увидал зайца, снялся, так за ним и стелет. Настиг и цап в спину всеми когтями!

Ткнулся заяц в снег, а филин насел, крыльями по снегу бьёт, от земли отрывает.

Где заяц упал, там снег примят. Где филин крыльями хлопал, – там знаки на снегу, будто от пальцев.

Улетел заяц в лес. Оттого и следа дальше нет.

По следам

Скучно Егорке целый день в избе. Глянет в окошко: бело кругом. Замело лесникову избушку снегом. Белый стоит лес.

Знает Егорка полянку одну в лесу. Эх, и местечко! Как ни придёшь – стадо куропачей из-под ног. Фррр! Фррр! – во все стороны. Только стреляй!

Да что куропатки! Зайцы там здоровые! А намедни видал Егорка на поляне ещё след – неизвестно чей. С лисий будет, а когтищи прямые, длинные.

Вот бы самому выследить по следу диковинного зверя. Это тебе не заяц! Это и тятка похвалит.

Загорелось Егорке: сейчас в лес бежать!

Отец у окошка сапоги валяные подшивает.

– Тять, а тять!

– Чего тебе?

– Дозволь в лес: куропачей пострелять!

– Ишь, чего вздумал, на ночь глядя-то!

– Пусти-и, тять! – жалобно тянет Егорка.

Молчит отец; у Егорки дух заняло, – ой, не пустит!

Не любит лесник, чтоб парнишка без дела валандался. А и то сказать: охота пуще неволи. Почему мальчонке не промяться? Всё в избе да в избе...

– Ступай уж! Да гляди, чтоб до сумерок назад. А то у меня расправа коротка: отберу фузею и ремнём ещё настегаяю.

Фузея – это ружьё. У Егорки своё, даром что парнишке четырнадцатый год. Отец из города привёз. Одноствольное, бердана называется. И птицу и зверя из него бить можно. Хорошее ружьё.

Отец знает: бердана для Егорки – первая вещь на свете. Пригрози отнять – всё сделает.

– Мигом обернусь, – обещает Егорка. Сам уже полушубок напялил и берданку с гвоздя сдёрнул.

– То-то, обернусь! – ворчит отец. – Вишь, по ночам волки кругом воют. Смотри у меня!

А Егорки уж нет в избе. Выскочил на двор, стал на лыжи – и в лес.

Отложил лесник сапоги. Взял топор, пошёл в сарай сани починять.

Смеркаться стало. Кончил старик топором стучать.

Время ужинать, а парнишки нет.

Слышно было: пальнул раза три. А с тех пор ничего.

Ещё время прошло. Лесник зашёл в избу, поправил фитиль в лампе, зажёл её. Вынул каши горшок из печи.

Егорки всё нет. И где запропастился, поганец?

Поел. Вышел на крыльцо.

Темь непроглядная.

Прислушался – ничего не слышать.

Стоит лес чёрный, суком не треснет. Тихо, а кто его знает, что в нём?

– Воууу-уу!..

Вздрогнул лесник. Или показалось? Из лесу опять:

– Воуу-уу!..

Так и есть, волк! Другой подхватил, третий... целая стая!

Ёкнуло в груди: не иначе, на Егоркин след напали звери!

– Вуу-воуу-уу!..

Лесник заскочил в избу, выбежал – в руках двустволка. Вскинул к плечу, из дул полыхнул огонь, грохнули выстрелы.

Волки пуце. Слушает лесник: не отзовется ли где Егорка?

И вот из лесу, из темноты, слабо-слабо: «бумм!»

Лесник сорвался с места, ружьё за спину, подвязал лыжи – и в темноту, туда, откуда донёсся Егоркин выстрел.

Темь в лесу – хоть плачь! Еловые лапы хватают за одежду, колют лицо. Деревья плотной стеной – не продерёшься.

А впереди волки. В голос тянут:

– Вуу-ооуууу!..

Лесник остановился; выстрелил ещё.

Нет ответа. Только волки.

Плохое дело!

Опять стал продираться сквозь чащу. Шёл на волчий голос.

Только успел подумать: «Воют, – пока, значит, ещё не добрались...»

Тут разом вой оборвался. Тихо стало.

Прошёл лесник ещё вперёд и стал.

Выстрелил. Потом ещё. Слушал долго.

Тишь такая – прямо ушам больно.

Куда пойдёшь? Темно. А идти надо.

Двинулся наугад. Что ни шаг, то гуще.

Стрелял, кричал. Никто не отвечает.

И опять, уж сам не зная куда, шагал, продирался по лесу.

Наконец совсем из сил выбился, осип от крика.

Стал – и не знает, куда идти: давно потерял, в какой стороне дом.

Пригляделся: будто огонёк из-за деревьев? Или это волчьи глаза блестят?

Пошёл прямо на свет. Вышел из лесу: чистое место, посреди него изба.

В окошке свет.

Глядит лесник, глазам не верит: своя изба стоит!

Круг, значит, дал в темноте по лесу.

На дворе ещё раз выстрелил.

Нет ответа. И волки молчат, не воют. Видно, добычу делят.

Пропал парнишка!

Скинул лесник лыжи, зашёл в избу. В избе тулупа не снял, сел на лавку. Голову на руки уронил да так и замер.

Лампа на столе зачатила, мигнула и погасла. Не заметил лесник.

Мутный забелел свет за окошком.

Лесник поднялся. Страшный стал: в одну ночь постарел и сгорбился.

Сунул за пазуху хлеба краюху, патроны взял, ружьё.

Вышел на двор – светло. Снег блестит.

Из ворот тянутся по снегу две борозды от Егоркиных лыж.

Лесник поглядел, махнул рукой. Подумал: «Если б луна ночью, может, и отыскал бы парнишку по белотропу. Пойти хоть косточки собрать! А то бывает же такое! – может, и жив ещё?...»

Приладил лыжи и побежал по следу.

Борозы свернули влево, повели вдоль опушки.

Бежит по ним лесник, сам глазами по снегу шарит. Не пропускает ни следа, ни царапины. Читает по снегу, как по книге.

А в книге той записано всё, что с Егоркой приключилось за ночь.

Глядит лесник на снег и всё понимает: где Егорка шёл и что делал.

Вот бежал парнишка опушкой. В стороне на снегу крестики тонких птичьих пальцев и острых перьев.

Сорок, значит, спугнул Егорка. Мышковали тут сороки: кругом мышинные петли-дорожки.

Тут зверька с земли поднял.

Белка по насту прыгала. Её след. Задние ноги у неё длинные – следок от них тоже длинный. Задние ноги белка вперёд за передние закидывает, когда по земле прыгает. А передние ноги короткие, маленькие – следок от них точечками.

Видит лесник: Егорка белку на дерево загнал, там её и стукнул. Свалил в снег с ветки.

«Меткий парнишка!» – думает лесник.

Глядит: здесь вот Егорка подобрал добычу и дальше пошёл в лес.

Покружили, покружили следы по лесу и вывели на большую поляну.

На поляне Егорка, видать, разглядывал заячьи следы – малики.

Густо натропили зайцы: тут у них и петли и смётки – прыжки. Только Егорка не стал распутывать заячьи хитрости: лыжные борозды прямо через малики идут.

Вон дальше снег в стороне взрылён, птичьи следы и обгорелый пыж на снегу.

Куропатки это белые. Целая стая спала тут, в снег зарывшись.

Услышали птицы Егорку, вспорхнули. А он выпалил. Все улетели; одна шмякнулась. Видно, как билась на снегу.

Эх, лихой рос охотник: птицу на лету валил! Такой и от волков отбиваться может, даром им в зубы не дастся.

Заторопился лесник дальше, сами ноги бегут, поспевают.

Привёл след к кусту – и стоп!

Что за леший?

Остановился Егорка за кустом, толчётся лыжами на месте, нагнулся – и рукой в снег. И в сторону побежал.

Метров сорок прямо тянется след, а дальше колесить стал. Э, да тут звериные следы! Величиной с лисьи, и с когтями...

Что за диковина? Сроду такого следа не видано: не велика лапа, а когтищи с вершок длиной, прямые, как гвозди!

Кровь на снегу: пошёл дальше зверь на трёх. Правую, переднюю, Егорка ему зарядом перешиб.

Колесит по кустам, гонит зверя.

Где уж тут было парнишке домой ворочаться: подранка разве охотник бросит?

Только вот что за зверь? Больно здоровые когтищи! Тяпнет такими по животу из-за куста... Парнишке много ли надо!

Глубже и глубже в лес лыжный след – сквозь кусты, мимо пней, вокруг поваленных ветром деревьев. Ещё на корягу налетишь, лыжу поломаешь!

Эх, желторотый! Заряд, что ли, бережёт? Вот это место – за вывороченными корнями – и добить бы зверя. Некуда ему тут податься.

А руками разве скоро возьмёшь? Сунься к нему, к раненому! Обозлённый-то и хомячишко в руки не дастся, а этот зверь, видать, тяжёлый: дырья от него в снегу глубокие.

Да что же это: никак снег падает? Беда теперь: занесёт след, тогда как быть?

Ходу! Ходу!

Кружит, колесит по лесу звериный след, за ним лыжный. Конца не видно.

А снег гуще, гуще.

Впереди просвет. Лес пошёл редкий, широкоствольный. Тут скорей ещё следы засыпает, всё хуже их видать, трудней разбирать.

Вот наконец: догнал тут Егорка зверя! Снег примят, кровь на нём, серая жёсткая шерсть.

Поглядеть надо по шерсти-то, что за зверь такой. Только неладно тут как-то наслезено... На оба колена парнишка в снег упал...

А что там впереди торчит?

Лыжа! Другая! Узкие глубокие ямы в снегу: бежал Егорка, провалился...

И вдруг – спереди, справа, слева, наперерез – машистые, словно собачьи, следы.

Волки! Настигли, проклятые!

Остановился лесник: на что-то твёрдое наткнулась его правая лыжа.

Глянул: бердана лежит Егоркина.

Так вот оно что! Мёртвой хваткой схватил вожак за горло, выронил парнишка ружьё из рук, – тут и вся стая подоспела...

Конец! Взглянул лесник вперёд: хоть бы одёжи клоч подобрать!

Будто серая тень мелькнула за деревьями. И сейчас же оттуда глухое рычание и тьяк, точно псы сцепились.

Выпрямился лесник, сдёрнул ружьё с плеча, рванул вперёд.

За деревьями над кучей окровавленных костей, оскалив зубы и подняв шерсть, стояли два волка. Кругом валялись, сидели ещё несколько...

Страшно вскрикнул лесник и, не целясь, выпалил сразу из обоих стволов.

Ружьё крепко отдало ему в плечо. Он покачнулся и упал в снег на колени.

Когда разошёлся пороховой дым, волков уже не было.

В ушах звенело от выстрела. И сквозь звон ему чудился жалобный Егоркин голос: «Тять!»

Лесник зачем-то снял шапку. Хлопья снега падали на ресницы, мешали глядеть.

– Тять!.. – так внятно опять почудился тихий Егоркин голос.

– Егорушка! – простонал лесник.

– Сними, тять!

Лесник испуганно вскочил, обернулся... На суку большого дерева, обхватив руками толстый ствол, сидел живой Егорка.

– Сынок! – вскрикнул лесник и без памяти кинулся к дереву.

Окоченевший Егорка мешком свалился на руки отцу.

Духом домчался лесник до дому с Егоркой на спине. Только раз пришлось ему остановиться – Егорка пристал, лепечет одно:

– Тять, бердану мою подбери, бердану...

* * *

В печи жарко пылал огонь. Егорка лежал на лавке под тяжёлой овчиной. Глаза его блестели, тело горело.

Лесник сидел у него в ногах, поил его горячим чаем с блюдечка.

– Слышу, волки близко, – рассказывал Егорка. – Сдрейфил я! Ружьё выронил, лыжи в снегу завязли, бросил. На первое дерево влез, – они уж тут. Скачут, окаянные, зубами щёлкают, меня достать хотят. Ух, и страшно, тятя!

– Молчи, сынок, молчи, родимый! А скажи-ка, стрелок, что за зверя ты подшиб?

– А барсука, тятя! Здоровый барсучище, что твоя свинья. Видал когти-то?

– Барсук, говоришь? А мне и невдомёк. И верно: лапа-то у него когтистая. Ишь, вылез в оттепель, засоня! Спит он в мороз, редкую зиму вылезет. Погоди вот – весна придёт, я тебе нору его покажу. Знатная нора! Лисе нипочём такой не вырыть.

Но Егорка уже не слышал. Голова его свалилась набок, глаза сами закрылись. Он спал.

Лесник взял у него из рук блюдце, плотней прикрыл сына овчиной и

глянул в окно.

За окном расходилась метель. Сыпала, сыпала и кружила в воздухе белые лёгкие хлопья – засыпала путанные лесные следы.

МОЙ ХИТРЫЙ СЫНИШКА

Приказ на снегу

Пообещал я как-то сынишке взять его с собой на охоту – тропить зайцев. И с тех пор не стало мне покоя. Каждое утро, чуть свет, сынишка врывается ко мне:

– Вставай! Сегодня пойдём? Погода хорошая.

Ему на охоту идти погода всегда хорошая. А зверя тропить, то есть разыскивать по следам, – не всякий день удобно. След разный бывает, смотря по погоде.

Я откажусь идти, а сынишка хныкать:

– Опять не хочешь! Ведь откладываем да откладываем... Когда же наконец пойдём?

И придумал я военную хитрость.

– Слушай, – говорю, – мою команду!

Он сразу руки по швам.

– Есть, – говорит.

– Ну вот: зря меня больше не буди. Утром, как встанешь, первым делом беги в садик. Там на снегу прочтёшь мой приказ – выходить в поход или нет.

– Есть, – говорит, – выходить утром в сад.

Он лёг спать, а я взял палку и вышел из дому.

Дом у нас с палисадничком. Зимой в палисаднике никто не ходит. Снег там как выпадет, так и лежит нетронутый. Я просунул палку сквозь забор и написал на снегу печатными буквами – сынишка у меня ещё маленький, только по-печатному разбирает:

СЕГОДНЯ НЕ БУДИТЬ!

В ту ночь я выспался хорошо: сынишка не пришёл будить меня спозаранку. Я встал, оделся и посмотрел в окно. Моё окно выходит как раз в палисадник, и моя надпись видна мне прямо из комнаты. Утро было серенькое, безветренное, тёплое: градусник за окном показывал чуть-чуть выше нуля. Снег не блестел, казался грязноватым, как плохой мел. Тусклым, скучным лежал мой приказ на снегу.

Я порадовался своей выдумке: ведь по этой надписи мне каждый день будет видно, какие изменения происходят и со следами в поле.

Стенки букв подтаивали, буквы расплывались, как на промокашке. В такой хмурый день свежие следы быстро расплываются, а прежние следы кажутся одинаково старыми.

Я спокойно сел за работу.

На второй день опять не пришёл будить меня сынишка.

Утро было солнечное; ещё с ночи завернул такой мороз, что снег стал, как пастила: сверху подсохла толстая корка – наст. По нему не только лёгкий зайчишка – волк и тот не провалится. И следа никакого не оставит – разве кой-где когтями царапнет. Надпись моя казалась нацарапанной ножом по льду. Стенки букв сверкали, как срезанный металл. Ямки наполнились мёрзлой крупкой. В такую погоду найдёшь одни старые следы, новых нет.

И третий день не принёс ничего хорошего.

Опять был мороз да ещё с ветром – позёмкой. Сухой крупитчатый снег мело по земле – пудрило следы. Буквы точно кто столовой солью посыпал. Пойдёт заяц утром с поля, где кормился, – с жировки, – его следы сразу и припудрит.

Как их отличишь от его вечерних следов?

Сынишка ходил насупленный, но молчал – приказ оставался в силе.

Я поздно засиделся в ту ночь за работой. Лёг под утро.

– Подъём! – вдруг кто-то крикнул мне в самое ухо, как бывало на военной службе. Но что-то больно уж тоненький голосок у дневального.

Я с трудом открыл глаза.

– Будись живо! – кричал сынишка. – Я уже чай пью.

Я только глянул в окно – и сразу убедился, что он не напрасно меня поднял: на оконной раме, на заборе лежал толстый, пухлый, как вата, снег.

Значит, перед рассветом выпала мёртвая пороша.

Так называют охотники выпавший ночью густой снег – лучший помощник следопыта. Он начисто засыпает все старые следы. Утром в поле глазам охотника открывается мёртвая белая пелена. И только самые свежие – утренние – следы зверей чётко отпечатываются в новеньком рыхлом снегу.

Я так заторопился на охоту, что забыл посмотреть на свою надпись. Да и ни к чему было: её, конечно, так же занесло, как и все старые следы.

Зимой зайца трудно увидеть – не только белоснежного беляка, даже серого русака.

Но только мы с сынишкой выехали за кладбище, сразу увидели след заячий.

Слышу, сынишка шепчет про себя тихонько стишки собственного сочинения:

Лап от задних пяточки
Впереди,
От передних пяточки
Позади.

Он у меня уже знает, что заяц на бегу заносит длинные задние ноги вперёд передних. След от задних продолговатый, пяточкой впереди, от передних – круглый, как пяточок, позади.

– Сам на кладбище пошёл помирать, – уверенно доложил сынишка. – Поворачивать?

– Нет, стой, – предупредил я, заноса лыжи немного вбок. И снял с плеча ружьё. – Это ведь русачий след, а русаку чащи не надо, чтобы залечь. Смотри: дальше след оборвался. Тут заяц двойку сделал: повернул и пошёл назад своим следом. А вот скидка: он прыгнул в сторону, погоди-ка, вон не у того ли куста он залёг?

И только мы стали подходить к этому кусту, за ним мелькнули чёрные кончики длинных ушей. Я выстрелил. Здоровый русачина подскочил выше куста, перекувырнулся через голову и пропал.

Когда мы подошли, он уже не дрыгал, зарывшись в снег.

Без труда мы вытропили ещё трёх русаков и одного беляка. Но застрелить удалось ещё только этого беляка: остальные благополучно от нас удрали.

Мы отыскали длинную палку, привязали к ней за лапки обоих зайцев – серого и белого – и понесли их домой. Я держал палку в руке, сынишка положил другой конец её себе на плечо.

У самого дома нам встретился сосед. Он посмотрел на нашу добычу и сказал:

– Дельно! Тропили?

– Тропили.

– Так. Хорошее дело. Я вот тоже своего парнишку от молодых ногтей приучаю к разным следам присматриваться. Следопыт-охотник и на войне всегда первый разведчик и партизан тоже.

Слово «война» напомнило мне про мой приказ на снегу.

– А тебя всё-таки наказать надо, – сердито сказал я сынишке. – Ведь приказ-то был не будить меня!

– Я не виноват, – заявил он, несколько не испугавшись. – Что осталось на снегу от приказа, то я и сделал.

– Как так? – не понял я.

– Сам посмотри.

Я взглянул через забор в палисадник. Там в ярком солнечном свете ослепительно блистало на снегу одно только короткое слово:

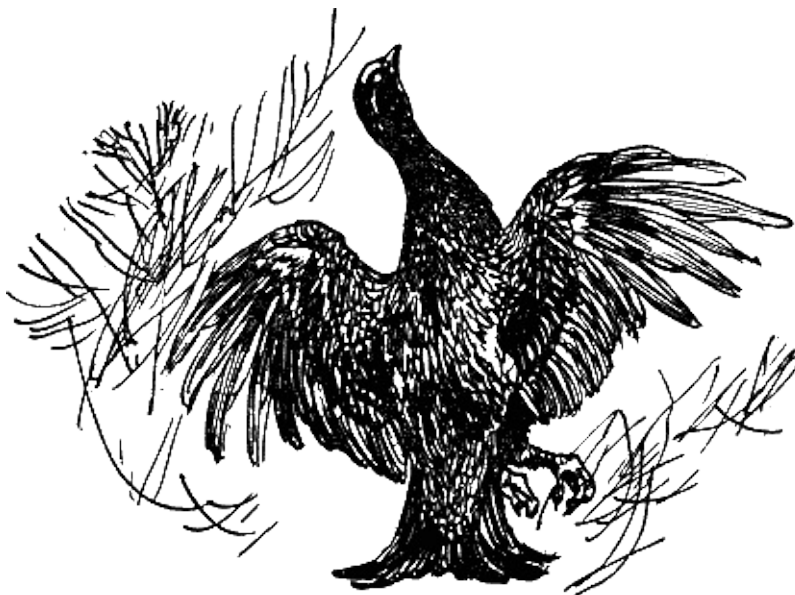
БУДИ

Остальных букв не было и следа.

– Я вижу, – объяснил сынишка, – каждый день буквы всё хуже. Я взял дощечку и прикрыл эти четыре буквы, чтобы приказ совсем не замёрз.

Маленький, маленький, а какой хитрый!

Тетерева в лунках

К тетеревам, когда они сидят на деревьях, не подойдёшь на выстрел.
– Стой, не шевелись, – говорю я сынишке. – Смотри, что будет.

Мы вышли к опушке леса. А на другой опушке – через поле – на кружевных вершинах голых берёз сидят тетерева. Их десятка полтора. Они черны и неподвижны, как грачиные гнёзда.

Заметили они нас или нет? Если не заметили, сейчас будут ложиться спать.

Солнце уже село. За лесом горит яркая и низкая зимняя заря. Деревья кажутся на ней обугленными. Их стволы точно наклеенные на блестящей жёлтой бумаге чёрные полосы.

Вдруг одно из грачиных гнёзд обрушивается с ветки прямо на снег.

Это слетел первый тетерев – косач. За ним, как груши, падают с веток остальные. Вонзаются в снег, исчезают.

– Бежим к ним! – говорит сынишка и шуршит лыжами по мёрзлому снегу.

– Нет, – говорю я, – они ещё не заснули, не подпустят нас.

– А заснут, ты их всех перестреляешь?

– Не так-то просто! Через десять минут будет темно: стрелять нельзя.

Но мы их и без ружья. Только точно запомни, где они в снег нырнули.

– Я точно. Вон у той двухствольной берёзы.

– Так. А теперь идём домой.

И по дороге я рассказываю ему свой план.

После ужина он, к удивлению матери, без всякого напоминания торопится лечь спать. А я чищу ружьё и вешаю его на стену: ночью оно нам не понадобится.

Я беру две корзины, с которыми летом мы ходили за грибами, и обвязываю их сверху тряпками. Достая два сачка, которыми ловили рыбёшек и лягушек в пруду. И привожу в порядок два снятых с велосипедов фонаря.

В полночь за стеной – в хлеву – бьёт крыльями и несколько раз громко кукарекает наш петух. Один за другим ему отвечают другие деревенские петухи.

Вот у диких петухов – тетеревов – такого обычая нет. Они не поют среди ночи – спят крепко. Нам это и на руку.

Я бужу сынишку.

Морозец знатный! Месяца нет, но в чёрном небе искрятся звёзды, и снежное поле мерцает.

Мы на лыжах. У каждого корзина, сачок и спереди на поясе незажжённый фонарь. Мы идём туда, где на опушке под снегом спят тетерева.

Не дойдя до места, останавливаемся. Я зажигаю оба фонаря – сынишкин и свой.

Так ярко вспыхивают они, что невольно зажмуришься. Пришлось постоять, пока глаза не привыкли.

– Теперь, – шепчу сынишке, – корзинку за спину, сачок в руки – и с лыж долой.

Увязая по колени в снегу, медленно и стараясь меньше шуметь, подходим к двухствольной берёзе.

Перед каждым из нас резкая струя света. В нём каждая соринка видна на снегу. А кругом черным-черно.

Вижу: слева от берёзы лунка – полукруглая неглубокая ямка. На дне её рыхлый, обвалившийся с краёв снег. Справа от берёзы такая же лунка.

Перешёптываемся с сынишкой. Он идёт к левой, а я к правой.

Не отрываю глаз от лунки, подкрадываясь к ней.

Знаю: тут тетерев. Нырнул в снег, как в воду, и холодная сухая вода скрыла его под собой.

В глубине тетерев шагнул два-три раза. Потоптался на месте, как укладывающаяся спать собачка. Образовалась пещерка. Он повернулся носом к выходу. Поджал лапки. Улёгся.

Спит.

Тепло в подснежной спаленке. И темно-темно.

Вот я уже в трёх шагах от неё.

Ещё шаг – и вдруг снежный взрыв, что-то чёрное в нём с шумом и треском вырывается из лунки. Косач!

И, ослеплённый нестерпимо ярким светом, падает на снег, – не может лететь.

Вертится на снегу, как большой жук.

Я кидаюсь к нему с сачком.

Слышу, справа и слева от меня с шумом поднимаются тетерева. И что-то кричит сынишка.

Но мне не до него: стараюсь сачком накрыть косача. От резких движений фонарь прыгает у меня на животе, свет мечется по снегу, как струя из пожарной кишки в руках расшалившегося мальчишки. Косач на миг исчезает во тьме, но я тут же – наизусть уже – накрываю его.

Есть!

Со всей силы жму сачок в снег. Перехватываю палку. Подсовываю под сачок руку. Сачок пуст.

Эх ты, какой же я неловкий!

Да что там всё время кричит сынишка?

Где он? Куда девался его фонарь?

Направляю струю света на голос, вот он за берёзой – лежит в снегу.

В несколько скачков я около него.

Кричит:

– Тихонько, тихонько, осторожно!

– Да что с тобой?

– Тихонько сунь руки. Под живот, под самый живот!

Я коленями в снег, руками – без перчаток, снег жжёт – под сынишку и хватаю жёсткие толстые перья. Крепко держу за крыло, перехватываю за царапающие лапы, тащу!

Косач!

Он так сильно рвётся, что вот выпущу.

Но сынишка уже на ногах. Хватает косача за свободное крыло и вместе мы засовываем живую добычу в корзину, крепко обвязываем её тряпкой.

– Я гляжу, – торопится рассказать сынишка, – из снега прямо у ног моих высунулась голова. Чёрная. Вертит носом, глазами хлопает. Я – бух в снег, прямо на неё. Он подо мной ворочается, щекочет. Ору, ты не слышишь. А ловко я его пузом-то?

Ловко-то ловко, что и говорить! А вот стекло у фонаря раздавил,

конечно, и сачок сломан.

Ну, да это не считается, когда живого косача руками поймал. К тетеревам, когда они на деревьях сидят, и на выстрел не подойдёшь.

Мышарик

Когда снег покрыл землю, в избе стали нас донимать мыши. Мой сынишка поставил на них мышеловку-живоловку.

Утром смотрим – приманка съедена и в мышеловке лежит мёртвая мышь. Полевая мышь: крупная, с блестящим чёрным ремешком на спине.

В поле голодно стало – вот она и пришла в избу. Это понятно.

Но почему она мёртвая?

Рассмотрели – череп у неё прогрызен, и мозг выеден. Кто это сделал? Какой хищник мог протиснуться сквозь частую проволоку живоловки, такую частую, что даже мыши сквозь неё не пролезть?

Вечером сынишка опять насторожил живоловку. И мы легли спать. Я скоро заснул, а он, оказывается, не спал – караулил. Ночь была лунная.

– И вот, – рассказал он утром, – когда все заснули и всё затихло, из-под пола вылезла большая мышь. Она села на задние лапки, пошевелила усами и потом сразу побежала к мышеловке. Вошла в неё и дёрг за приманку!

На полу белый свет из окна – мне всё видно.

Трык! – дверца захлопнулась, воровка попалась. Со страху она забилась в уголок и больше не трогала приманки. Я всё не сплю: смотрю, что дальше будет.

Вдруг катится к мышеловке мышарик.

– Кто? – перебил я сынишку.

– Мышарик. Ну, знаешь, я такой придумал – девочек пугать.

– Ничего не знаю, – сказал я. – Какой такой «мышарик»? Как так пугать?

– Ну, такой шарик, блестящий. От детского бильярда, знаешь? Я попросил маму, она мне зашила его в серенькую тряпочку. А сзади хвостик тряпичный. Покатишь по полу, – он, совсем как мышка, бежит. Только хвостик по полу шлёпает. Да всё равно девочки боятся: думают, настоящий, да ещё какой-нибудь очень страшный, кусачий.

– Так это ты свой мышарик к мышеловке покатишь?

– Совсем не я. Какой ты непонятный! Живой мышарик. Он сам.

– Бежит и хвостом по полу шлёпает?

– Нет, у этого хвостик не шлёпал.

– Гм... Ну, дальше?

– Ну, он к мышеловке. Вытянулся тоненькой колбаской и скользнул между двух проволок. Вот мышь испугалась! Бегает по мышеловке. А

мышарик прыг! – прямо ей на спину. Мышь и упала мёртвая.

Мышарик посидел-посидел у неё на голове. Потом скатился – и к приманке. Приманку съел, ещё рыльце поднял и марш из мышеловки. Под твою кровать закатился. – Стой, – опять перебил я сынишку. – А рыльце у него какое, видел?

– Видел. Длинноносенькое, хоботком. Только не такой хобот, как у слона, а востренький.

– А! – сказал я. – Тогда всё понимаю. Это землерой. Самый крошечный зверь, сродни кроту и ежу. Он жуков ест и вот даже с крупной мышью справляется. Он и в избу к нам за мышами пришёл.

– Это он в лесу землерой, – сказал сынишка. – А в избе земли нет. Я так и буду его звать – мышарик.

– Ну что ж, зови.

Плавунчик

Преудивительная у нас водится птичка. Называется – плавунчик.

Где бы вы ни жили летом – на Волге, на Кавказе или в жарких степях Казахстана, под Ленинградом, под Москвой или на Камчатке, – всюду вы можете этих птичек встретить. И всегда неожиданно. А назавтра придёте туда, где их видели, – их уж нет.

Ищите их на море, в озере, на реке, в пруду. Даже если около вашего дома есть просто большая яма, – и тут вам могут попасться на глаза плавунчики. Была бы в яме вода.

Птички эти из куликов. Кулики – стройные такие птицы, на очень длинных ногах и с очень длинным носом. Живут больше по болотам, по берегам рек, озёр. Но они не плавают, не ныряют: только бегают у воды по берегу и кланяются носом до земли. Носом они достают себе еду в тине, в иле, под камешками или в траве.

Кулики-то плавунчики, – кулики, да у них, как говорит мой сынишка, всё шиворот-навыворот. Носик у них не такой уж длинный, ножки тоже. И редко увидишь их на берегу: они всё плавают.

Спросите, на кого плавунчики похожи? Как их узнать, если встретишь?

Узнать их очень легко. Ростом плавунчики примерно со скворца. Похожи они на те нарядные цветные поплавки, что покупают молодые удильщики в городских магазинах. Особенно похожи, когда сидят и танцуют на волнах, как поплавки. Сами белые, и серые, и красноватенькие – пёстро расписаны.

И всегда их целая стайка. Народ они очень дружный. Одиночку редко-редко встретишь. Они всё в компании.

Сынишка мой, когда в прошлом году в первый раз их увидел, очень удивился. Пришёл домой и говорит:

– Что за птиц таких я видел, – просто не пойму! Идёшь – все птицы от тебя удирают, разлетаются. А эти и не думают. Плавают у самого берега. Я подхожу – они не только не улетают, даже отплыть подальше не хотят. Кувыркаются головой под воду, как маленькие уточки. Ни минуты не посидят спокойно: кружатся жуками на воде. А то в чехарду начнут играть: прыгают друг через друга, перепархивают – и опять на воду садятся.

Жили мы прошлый год в деревне на Урале. Домик наш стоял на самом берегу реки Камы. И всё лето стайки плавунчиков плавали у нас перед

глазами, – прямо из окошек видно. Сегодня плавает стайка, а завтра исчезнет. Пройдёт два-три дня, другая стайка появится. И так всё лето.

Сынишка мой говорит:

– Вот бездельники! Другие птицы – все на гнёздах, птенцов выводят. А эти ничего не делают, только в чехарду на воде играют всё лето. Наверно, это петушки: красивенькие такие, яркие. У всех птиц самцы красивей самок. Наш Петька вон какой франт, а курочки – серенькие.

Я ему объяснил, что он ошибается. У плавунчиков как раз наоборот: петушки серенькие, а курочки франтихи, ярко одеты. Далеко на севере, в тундре, весной курочки снесут в гнёзда яйца – и до свидания! Улетают. Петушки одни на гнёздах сидят, детей выводят, потом учат их, как жить. А курочки-франтихи всё лето по всей нашей стране летают, путешествуют себе с места на место.

Сынишка мой говорит:

– Это просто какие-то птички шиворот-навыворот! А всё-таки я их шибко залюбил, потому что они меня не боятся. Будто знают, что я их не трону и плохого им не сделаю. Хорошие они.

– Очень хорошие, – согласился я.

И вот раз утром прибегает мой сынишка домой с Камы. Он рыбу ходил удить на реку. Прибегает и говорит:

– Смотри, кого я принёс.

Лезет себе за пазуху, вынимает оттуда живого плавунчика и пускает его на пол.

– Я, – говорит, – сидел на берегу с удочкой.

Вдруг две вороны летят. Кричат, каркают.

А впереди них, смотрю, какая-то маленькая птичка мчится. Вороны её ловят, схватить хотят. Она из стороны в сторону бросается, кричит. Увидела меня – и прямо ко мне. Примчалась – и в ноги мне. И сидит.

«Туик!» – говорит. Я сразу понял: «Защити меня», – просит.

Ну, я на ворон удочкой замахал, закричал. Они покружились, видят – со мной не справиться, и отлетели.,

Я нагнулся, взял плавунчика в руки. Он и не думает улетать. Я удочку смотал – домой с ним. Вот он – видите какой.

Плавунчик ходит себе по избе, нас ни чуточки не боится.

Думали мы, думали, что с ним делать? Конечно, такая милая птичка – радость в доме. Но чем её кормить? И ведь ей плавать надо. Держать дома трудно.

Решили выпустить.

В деревне-то, конечно, нельзя выпускать: тут кошки, собаки и те две

вороны. Решили плавунчика отнести подальше.

Сынишка наклонился, взял его в руки.

Он ничего – пожалуйста! Точно век с людьми в избе жил.

Пошли мы с сынишкой за околицу, через поле, в лес. В лесу, среди вырубки, знал я такую большую яму с водой. Тины там, корму всякого птичьего много было. Днём туда разные кулики прилетали – покормиться, а на ночь – утки.

На этой яме мой сынишка и выпустил плавунчика.

Плавунчик порхнул на воду, пискнул нам два раза – туик, уик! – вроде, значит, «спасибо» сказал, «до свиданья» – и как ни в чём не бывало, принялся жуком кружить по воде, пить и есть.

Долго мы стояли с сынишкой, любовались им. Наконец, я говорю:

– Ну, пойдём. Мама давно уж, верно, нас с обедом ждёт. А плавунчик забудет нас, улетит отсюда на Каму – к своей стайке. Птица вольная, – ей так хорошо.

Ушли мы. Но я ошибся: плавунчик не улетел и не забыл нас.

Через два дня пришли мы с сынишкой на эту яму: уток я хотел настрелять. Спрятался в елушках на берегу.

Уж солнце за лес село. Тут вдруг что-то мелькнуло у нас над головой – и видим: плавунчик наш на воду садится!

Я высунулся из елушек, машу на него рукой:

– Кыш, кыш, улетай отсюда скорей!

А он посмотрел на меня, – туик! – пискнул, вроде «здравствуй» сказал, и плывёт к нам. Подплыл и у наших ног кувыркается, тинку со дна носом достаёт – закусывает.

Сынишка говорит:

– Пойдём-ка, папа, домой лучше. А то ещё ты моего плавунчика вместо утки подстрелишь, как стемнеет.

Так и ушли, ни разу не выстрелив.

И больше уж не пришлось мне на этой яме охотиться: плавунчик наш привычку взял каждый вечер сюда прилетать. Плавает среди уток, кружит по воде, – ну, как тут стрелять: дробь разлетится, – ненароком и его заденет.

Пришла пора – с севера, из тундры, прилетели стайки сереньких плавунчиков: петушки со своими воспитанниками – молодыми.

Поплавали немножко на Каме все вместе – с франтихами-самочками. И исчезли.

Это они в своё осеннее путешествие отправились – на зимовки. А зимовки у них в далёких жарких странах – в Индии, в Индокитае и ещё, дальше.

Улетел с ними и наш плавунчик.

Но весной он опять прилетит.

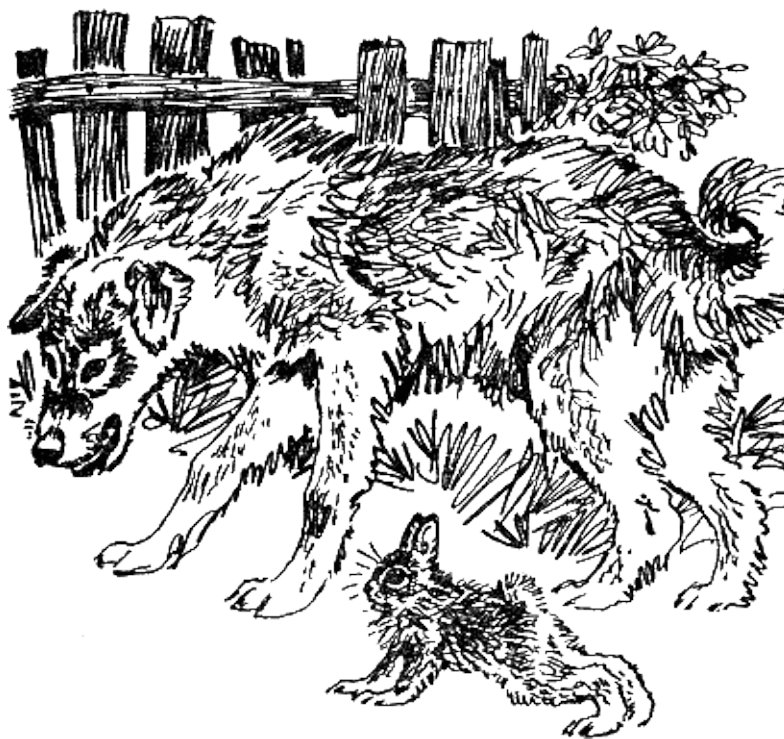
И пожалуйста, ребята, если где встретите его или других плавунчиков, – не трогайте их, не пугайте! Они ведь совсем беззащитные и, главное, очень уж верят людям.

А ведь так приятно, так хорошо на душе становится, когда в тебя крепко верят и ждут от тебя только хорошего.

Особенно, когда так в тебя верит беззащитное маленькое существо.

Пусть хоть птичка.

Лупленный бочок

Думаете, все зайцы одинаковые, все труссы? Нет, зайцы тоже разные бывают. Спросите вот моего сынишку, какого мы раз поймали скандалиста.

Мы были на охоте в лесу. Втроём: сынишка, я и Джим. Джим – это собачка наша. Коротконожка, уши до земли, хвостик куцый. Замечательная охотничья собачка, хоть и старенькая: всякую дичь разыщет, на крыло поднимет, а подстреленную поймает, схватит и осторожно, не помяв ни пёрышка, подаст прямо в руки. Необыкновенно умный и добрый у нас Джим. С другими собаками не дерётся, никого никогда не кусает, всем знакомым людям при встрече хвостиком часто-часто машет и, знаете, так по-собачьи, приветливо улыбается.

На охоте мы были сухой осенью, – уже лист с деревьев падал, а дождей больших ещё не было. В это время охотиться в лесу всего трудней: высохший лист гремит под ногами, дичь тебя далеко слышит и видит сквозь поредевший кустарник и, не допустив, улетает.

Вдруг слышу – Джим залаял, залаял в кустах – и вдруг замолк.

«На кого это он?» – думаю. И приготовился стрелять.

Но оттуда, из кустов, никто не вылетел.

А сынишка уже там – и кричит мне из кустов:

– Папа, папа, беги скорей! Кого Джим-то в плен взял!

Я – к ним и вижу:

Джим лежит врастяжку на земле, а передними лапами зайчонка прижал к листьям, держит его. Зайчонок верещит отчаянно, Джим хвостом часто-часто виляет, а сынишка мой стоит над ними – и не знает, что ему делать.

Я подошёл, взял зайчонка у Джима. Держу зайчонка двумя пальцами за шиворот, – он ещё пуще верещит, лапками от меня отбивается.

Сынишка говорит:

– Это он на тебя сердится. Кричит: «Как ты смеешь меня – такого маленького – обижать!»

И вправду похоже было, что зайчонок что-то кричал. А Джим на задние лапы встал, передними мне в колени упёрся и лижет зайчонка: успокаивает его, – что, значит, не бойся, не таковские мы, ничего плохого тебе не сделаем. Тут вдруг сынишка говорит:

– Смотри, папа, у дего левый бочок лупленный.

Смотрю, на левом боку у зайчонка плешинка. Шерсть содрана, голая кожа – в пятак кружок.

– Эге! – говорю. – Да ведь это мне знакомый зайчишка! Он от дяди Серёжи сбежал. Полезай-ка, дружок, в карман.

Осторожно его под пузечко перехватил и сунул в свою охотничью куртку, в спинной карман. Такой у меня карман есть в куртке: во всю спину, а по бокам. – пуговицы. Очень удобно в нём стреляную дичь носить и всякую всячину, что, бывает, на охоте попадается.

Зайчонку там темно, тепло, – он и притих.

И сразу мы домой пошли.

По дороге мне пришлось, конечно, всё подробно рассказать сынишке, откуда я этого зайчонка знаю и отчего у него бочок лупленный.

Дядя Серёжа – приятель мой, тоже охотник, живёт на краю деревни, у самого леса. Зайчонка он поймал недели три назад – совсем ещё крошкой – у себя в саду под кустом смородины. Этот зайчонок из листопадничков. У зайчих первые зайчата рождаются весной, когда ещё снег корочкой – наст. И называются они *настовичками*. А последние в году рождаются осенью, когда уже лист с деревьев начинает падать. Их охотники так и зовут – *листопадничками*.

Дядя Серёжа очень этому зайчонку обрадовался. Вот почему: у него, у дяди Серёжи, не так давно оценилась дворовая собака по кличке Клеопарда. Щенят всех он ещё раньше знакомым своим обещал. А как их у матери отнимешь? И без того злющая Клеопарда – совсем с ума сойдёт, на

всё начнёт кидаться. Дядя Серёжа и придумал зайчонка ей вместо щенят подложить, чтобы не скучала, не лютовала.

Так и сделал.

Щенята в ящике сидели. Он их оттуда взял, когда матери не было, а на их место зайчонка положил.

Клеопарда пришла – щенят нет, а сидит в ящике малая зверюшка и её собачьим запахом пахнет: в ящике-то всё с её запахом.

Она и не тронула зайчонка: своим признала. Утешилась им. Кости ему стала таскать, лучшие куски мяса. С такой пищи зайчонок живо бы ножки протянул, да дядя Серёжа кормил его молоком и капустой. Так и не научила Клеопарда своего приёмьша кости глотать и мясо есть – её собачью пищу. Зато научила собачьей храбрости.

Клеопарда была отличным сторожем и к хозяйскому дому никого не подпускала – ни чужого человека, ни собак. С таким злобным видом вылетала им навстречу, что редкая собака не подождёт хвоста и не пустится наутёк, не дожидаясь, пока эта серая злока сшибёт с ног.

Ростом она была с волчицу.

Зайчонок вырослел быстро. Зайчихи своих детей и двух недель не кормят. По-заячьему, двухнедельный зайчонок уже «большим» считается и должен сам себе разные вкусные травки разыскивать и прятаться от собак.

Этот зайчонок, хоть ещё махонький, живо из ящика выскочил и бегал по всему двору за своей названной матерью. И во всём ей, как обезьянка, подражал. Клеопарда с места – и он за ней. Она на собаку – и он тоже. Она куснёт – и он старается куснуть собаку. А зубы у него передние – видели зайцев? – длинные, острые, ветки перегрызают. Как куснёт, – из собаки шерсть летит! Собаке не до него: только бы от Клеопарды отбиться. Он, зайчонок, и потерял всякий страх перед собаками. Как где увидит, так и несётся навстречу – кусаться. Храбрый волчонок стал. Соседские собаки все его боялись.

Да вот раз забрёл на двор к дяде Серёже какой-то дальний щенок, который ни Клеопарды не знал, ни храброго её сынишки.

Клеопарды тут не случилось поблизости, а зайчонок её, напившись молочка, спал на сене под ящиком.

Щенок подбежал к ящику, – зайчишка! И кинулся на него.

Собака, конечно, не то, что заяц. Если по-заячьему двухнедельный зайчонок уже «большим» считается, то у трёхнедельной собачонки ещё только глаза прорезаются. Она и в три месяца считается щенком.

Этому щенку месяца четыре уже стукнуло от роду, а он был ещё совсем глупый. Очень хотелось ему зайца поймать. А как за дело взяться

толком, он не знал – не приходилось ему ещё на охоте бывать.

Он прыгнул на зайчонка и хватя его зубами за бочок! Надо бы за шиворот или ещё как, а он за бок.

Ну, конечно, шерсти клочок выдрал порядочный, плешинку на боку сделал, – а удержать не мог. Зайчонок как вскочит, как махнёт с перепугу через ящик – только его щенок и видел! А тут ещё Клеопарда прибежала, – пришлось щенку поскорей убираться со двора подобра-поздорову.

Клеопарда своему зайчонку рану зализала. Известно ведь: собачий язык – лучше всякого пластыря, и раны залечивает превосходно. Но зайчонок после этого случая жить на дворе у дяди Серёжи больше не захотел. Ночью пролез сквозь забор – и в лес.

Да вот трёх дней не прошло, Джим наш его в лесу и поймал.

Сынишка рассказ мой выслушал и губы надул, чуть не плачет.

– Ну, вот, – говорит. – Ты его, значит, дяде Серёже несёшь. А я думал, он у нас поживёт...

– Что ж, – говорю. – Сегодня-то уж, конечно, у нас переночует, а завтра сходим к дяде Серёже, попросим. Если ему не надо, может, и уступит нам.

Мы пришли домой, и я выпустил зайчонка на пол.

Он сразу в угол, под лавку – и спрятался там.

Сынишка налил ему блюдечко молока, зовёт его:

– Лупленный Бочок, Лупленный Бочок, иди молочко пить. Сладкое!

Зайчонок не выходит.

Сынишка полез за ним под лавку, схватил его за шиворот, вытащил. Зайчонок верещит, задними лапами дрыгает.

– Глупенький, мы же люди, – объясняет ему сынишка, – мы тебя не обидим!

А зайчонок изловчился – и цоп его зубами за палец! Так куснул, что даже кровь пошла.

Сынишка вскрикнул, выпустил его.

Зайчонок опять под лавку.

Тут наш котёнок – у нас ещё котёнок тогда был, ростом поменьше зайчонка, – подбежал к блюдечку и начал лакать из него молоко.

Лупленный Бочок как выскочит, как кинется на него, как куснёт!

Котёнок птицей от него на печку взвился!

Сынишка сквозь слёзы улыбается:

– Вот так заяц!

Мы поужинали, и Джим первый улёгся спать на своё место – у него свой матрасик в углу. Джим очень устал – ведь целый день по лесу бегал, дичь искал, старичок.

Смотрим, Лупленный Бочок к нему ковыляет. Сел на задние лапы, а передними вдруг как забарабанит по Джиму!

Джим вскочил и, ворча и оборачиваясь, ушёл под лавку: не драться же с маленьким, – да всё-таки обидно свою постель такому уступать!..

Лупленный Бочок преспокойно себе улёгся на его матрасике.

Переспали мы ночь. Утром встаём, – Джим так и спит под лавкой на голом полу, а котёнок всё на печке сидит, слезть боится.

Я сынишку спрашиваю:

– Ну, что ж, пойдём к дяде Серёже зайчонка себе просить?

Сынишка посмотрел на котёнка, на Джима, на свой завязанный палец – и говорит:

– Знаешь, что? Пойдём, лучше, отнесём зайчонка дяде Серёже насовсем.

Там мы и сделали. Ну, как, в самом деле, такого скандалиста дома держать! Со всеми дерётся. Уж на что добряк Джим – и с ним не ужился.

Отнесли мы зайчонка дяде Серёже, а он говорит:

– Мне тоже такого не надо. Тащите его, откуда взяли.

Пришлось в лес нести.

Там выпустили.

Зайчонок прыг-прыг – и в кусты.

Даже «до свиданья» не сказал.

Вот какие зайцы бывают.

Бешеный бельчонок

Мы с сынишкой собрались в лес по грибы. И только свернули тропой с просёлочной дороги, – навстречу нам из лесу собака Клеопарда. Злющая – чистый волк.

Сынишка был впереди меня. Он хотел кинуться назад, ко мне, но я успел крикнуть ему:

– Только не беги! Иди, как шёл.

Ускорив шаг, я поравнялся с сынишкой и взял его за руку. Ни ружья, ни палок у нас с собой не было: одни простые корзинки. Обороняться было нечем.

А Клеопарда была уже в нескольких шагах от нас. Или мы ей дорогу должны были уступить, или она нам: тропа была узкая, а по сторонам – грязь.

– Вперёд без страха и сомнения! – произнёс я как можно веселее, крепко сжимая руку сынишки.

Клеопарда остановилась и молча оскалила зубы. Миг был решительный.

Я ещё твёрже шагнул – раз, два, три...

Свиристельное животное вдруг прыгнуло в сторону и, увязая в глубокой грязи, пошло мимо нас стороной.

Я отпустил руку сынишки.

– Видишь? А ты хотел бежать.

– Ух, страшно!

– Убегать ещё страшней.

Но тут мы дошли до леса и скоро забыли это приключение.

Вчера целый день лил дождь. Грибов было много. Сперва мы брали всякие – и красные, и подберёзовики, маслята. Но глубже в лесу, на гривках под елями и соснами, начались белые. Тут мы на другие грибы и смотреть не стали.

Лес весь сверкал, переливался разноцветными весёлыми звёздочками, каждый листок, каждая травинка и мшинка блестела, улыбалась капельными глазками – солнце ещё только поднималось над деревьями и не успело высушить вчерашнего дождя. Все кусты и ёлочки были в паутинках, и каждая паутинка была унизана крошечными водяными жемчужинами. Мы, конечно, сразу промочили штаны и рубахи, но всё равно становились на колени, раскапывали руками мокрый мох и вытаскивали из-под него

маленьких крепышей с тёмной шапочкой на пузатенькой ножке – настоящих боровичков. Потом спешили дальше – искать новое гнездо грибов.

Мы так увлеклись, что и не заметили, как забрались глубоко в лес и очутились на опушке небольшой поляны.

– Стой! – шёпотом вдруг сказал сынишка и схватил меня за руку. – Смотри: бельчонок!

Правда: на другой стороне поляны на ветках сосны прыгала молодая белочка с тоненьким ещё хвостиком.

Бельчонок спускался с ветки на ветку. Исчез на минутку из глаз и вдруг, смотрим, скачет по земле к берёзе. Ближе к нам от той опушки стоял куст, и ещё ближе – одинокая берёза. И рядом с берёзой открыто рос малоголовый гриб на высокой белой коже – обабок.

– А! – сказал я, тоже шёпотом и потянул сынишку за ёлочки, чтобы не спугнуть бельчонка. – Знаешь, бельчонку, наверно, ужасно хочется попробовать этот гриб, а на землю спуститься страшно: вдруг кто-нибудь увидит и схватит.

– Ага! – согласился сынишка. – Наверно, он очень голодный.

Бельчонок уже прыгал к обабку по земле, смешно подкидывая задом.

От опушки до берёзы было верных шагов пятнадцать. Моих человеческих шагов пятнадцать, а беличьих мелких скачков по земле – не меньше, как полсотни.

И вот только бельчонок подскакал к берёзе, не успел ещё и куснуть гриба, – вдруг сбоку из травы откуда ни возьмись – лисица! И на него. Мы так и ахнули.

Но бельчонок вовремя заметил опасность, повернул – и в два скачка очутился на берёзе.

Он мигом взвился по стволу и притаился под самой макушкой. Весь сжался от страха в комочек.

Лисица осталась с носом.

Сынишка хотел захлопать в ладоши, но я ему не дал, шепнул:

– Подожди. Это ещё не всё. Лисица, я вижу, пожилая, опытная. Она так этого дела не оставит.

Я потому так подумал, что лисица сразу, как бельчонок махнул от неё на дерево, осадил всеми четырьмя лапами, стала и потом с самым равнодушным видом повернула прочь от берёзы – к опушке. Даже не взглянула вверх, на дерево. Будто её совсем и не интересовал никогда бельчонок, не за ним она кинулась, а так просто.

А у самой глаза блестят, рот до ушей. Мне тут и почудилась какая-то

хитрость с её стороны.

Смотрим, правда: не дошла лисица до опушки, вдруг, – шмыг за куст, который между берёзой той и опушкой стоял. И нет её.

– Ишь, хитрюга! – шепчет сынишка. – В засаду села. Как же теперь бельчонок домой в лес попадёт? Ведь ему мимо этого куста бежать.

– Вот в том-то и дело, – шепчу я. – Не миновать ему лисьих зубов... Но... Тс-с!.. смотри, он что-то придумал.

Чуть заметный среди листвы на белой ветке берёзы рыжий комочек зашевелился, развернулся – и опять превратился в бельчонок. Вытянув шею и повёртывая голову во все стороны, бельчонок долго осматривался. Но, верно, оттуда, с вершины, ему не было видно лисицы: он осторожно, потихоньку стал спускаться с ветки на ветку. Прыгнет – и оглянется. Прыгнет – и тянет шейку, заглядывает вниз.

– Ох, глупый, глупый! – шепчет сынишка. – Сейчас ведь спрыгнет на землю. Пойдём скорей, прогоним лисицу!

– Подожди, подожди! – шепчу. – Посмотрим, чем кончится.

В первый раз я своими глазами видел, как лисица охотится за белкой.

Бельчонок тихонько спустился уже до половины берёзы – и тут замер вдруг на ветке. Да вдруг как затрясётся на лапках, как закричит, зацокает!

– Увидел, увидел! – шепчет сынишка.

Сомнений быть не могло: белый кончик рыжей трубы – хвоста лисьего – высунулся из куста, и бельчонок его заметил!

«Эй, лисонька! – подумал я про себя. – Рано победу затрубила! Думала уже, вот он – твой бельчонок! Заиграла хвостом, да и выдала себя».

Кончик лисьего хвоста сейчас же опять исчез за кустом.

Но бельчонок никак не мог успокоиться. Он пронзительно громко ругал коварную лисицу уже не знаю какими своими беличьими словами и весь трясся от негодования.

Потом, когда лисий хвост исчез, замолчал. И вдруг, чего-то ужасно испугавшись, винтом взвился по стволу к себе на спасительную вершину. Может быть, вообразил себе, что лисица сейчас прыгнет за ним из-за своего куста – на полдерева.

– Дело затягивается, – шепчу я сынишке. – Но – терпение: лисица, видимо, решила сидеть в засаде хоть до вечера. А бельчонок, конечно, голодный. На берёзе ему долго не высидеть: там ему ни шишек, ни орехов. Всё равно придётся слезать.

Прошло несколько минут. Ни лисица, ни белка не подавали никаких признаков жизни. Сынишка уже начал меня за рукав дёргать:

– Прогоним лису и пойдём грибы собирать.

Но тут бельчонок опять показался из своего прикрытия и прыгнул на одну из тонких верхних веток берёзы. Это была одна из самых длинных веток дерева, и она, как вытянутая рука, указывала прямо на опушку леса – на ту самую крайнюю сосну, с которой полчаса тому назад спустился бельчонок.

Бельчонок разбежался по ней и, сильно качнув конец ветки, прыгнул.

– Бешеный! – шёпотом вскрикнул сынишка. – Он...

Сынишка хотел, конечно, сказать, что бельчонок попадёт прямо в пасть лисице. Но он не успел договорить: так быстро всё кончилось.

Бельчонок, разумеется, не рассчитал: допрыгнуть до опушки с берёзы он не мог.

Самой ловкой белке не перелететь с такого расстояния по воздуху – не птица же! Просто, видно, бельчонок с отчаянья прыгнул: будь, что будет! И он, конечно, кувырнулся, не пролетев и половины расстояния до сосны.

Надо было видеть, как он летел вниз, растопырив все четыре лапки и вытянув тонкий хвостик, – прямо в куст, где сидела лисица, прямо на неё!

Но не успел он долететь до куста, как лисица...

Думаете, подскочила и на лету схватила его в зубы?

Нет, лисица опрометью выскочила из куста и сломя голову бросилась наутёк через пни и кусты.

Громкий смех сынишки – прямо мне в ухо – чуть не оглушил меня.

А бельчонок, упав на куст, не разбился: ветви спружинили, слегка подкинули его лёгкое тельце и, опять приняв на себя, мягко опустили его на землю.

Бельчонок скок-скок-скок! – и на сосну. С сосны на осину, с осины ещё на какое-то дерево – и скрылся с глаз в лесу.

Сынишка хохотал до слёз. И весь лес, казалось, хохотал с ним – все капельные глазки дождя на листьях, на траве и кустах.

– Бешеный! – твердил сынишка сквозь смех и слёзы... – Ну, прямо бешеный!.. Как он на лисицу-то! Как она от него! И хвост поджала! Вот бешеный бельчонок.

– Ну, – спросил я, когда он прохохотался, – теперь понимаешь, почему я не дал тебе бежать от Клеопарды?

– Знаю, знаю:

«Вывод ясен без картин —
Часто, в битве не робея,
Побеждает трёх один».

Уж не знаю, откуда он взял эти стишки! Он у меня набит стихами и выпаливает ими вдруг как из пушки.

Весёлые мы пришли в тот день из лесу.

Про одного мальчика

Дробинка

Отец подарил мальчику маленькое дробовое ружьё. Мальчик устроил себе на берегу пруда шалашик и стал ждать уток.

Наконец прилетели два чирка. Селезень был очень красив: весь пёстрый и на ржавой голове две ярко-зелёные полосы. А уточка была серенькая, скромная, только на крыльях у неё блестели зелёные пёрышки.

Когда чирки подплыли к шалашу, мальчик выстрелил. И случилось так, что целился он в красивого селезня, а попал в уточку.

Тогда селезень взвился в небо, дал в воздухе один круг, другой круг, потом вдруг сложил крылья – и камнем полетел вниз. Он упал на берег и, конечно, разбился насмерть.

Мальчик подумал: «Ах, зачем я убил уточку! Вот и селезень не захотел жить без неё».

Мальчик прибежал домой в слезах и стал рассказывать отцу, как он попал в уточку и как селезень тогда нарочно взвился в облака и оттуда камнем упал на землю.

А отец хорошенько рассмотрел птиц и показал мальчику, что у селезня в голове маленькая ранка.

Значит, селезень не потому упал, что не хотел без подружки жить, а оттого, что ему в голову тоже попала одна дробинка, – смертельная.

Птичья песенка

Через год этот мальчик научился хорошо стрелять из своего ружья. Попадал в птиц даже на лету.

Один раз он шёл лесной просекой. Снег только ещё начинал таять. Только что прилетели стайки зябликов.

Зяблики прыгали по голым ветвям деревьев, слетали на проталинки – поискать себе еду. Все они были, как на подбор, красавцы: краснощёкие, лиловогрудые, с белыми перевязками на крылышках.

Мальчик знал, что это были самцы: зябличихи прилетят позже, через несколько дней. Зяблики не пели.

«Не время ещё им петь, – думал мальчик. – Пока не прилетят зябличихи, не услышишь их песен».

Вдруг что-то серое мелькнуло сбоку между деревьями и упало на проталину.

Как ветром сдуло зябликов с просеки. С тревожным пиньканьем и рюмканьем они скрылись в лесу.

А с проталины перед мальчиком взлетел небольшой серый ястреб. В когтях у него был зяблик.

Пока мальчик снимал с плеча ружьё, ястреб повернул и полетел вдоль просеки. Теперь мальчик видел только его спину. И выстрелил в неё.

На миг ястреб остановился в воздухе. Когти его разжались, из них выпорхнул зяблик.

Ястреб мёртвый упал на землю.

Спасённый зяблик взлетел на дерево, отряхнулся, повернулся к мальчику и вдруг запел.

Сперва он будто захлёбывался песней, пел тихо. Потом звонче и звонче. И вдруг оборвал на самой весёлой ноте.

Мальчику очень понравилась песенка. Он подумал: «Ведь это он благодарит меня за то, что я спас его от ястреба».

Мальчик снял шапку и замахал зяблику:

– Не за что, не за что! Лети себе на здоровье.

Зяблик улетел.

Тогда мальчик подобрал застреленного ястреба и побежал домой.

Дома он рассказал отцу, как спас зяблика и как зяблик поблагодарил его звонкой песенкой.

Но отец сказал:

– Всё-то ты выдумываешь. Совсем не для того пел зяблик, чтобы поблагодарить тебя.

– А для чего же? – спросил мальчик.

– Ни для чего. Ушёл из когтей ястреба, вот и запел. Поёт и сам не знает, – почему, отчего, для кого он поёт. А что это ты освободил его от ястреба, он даже и не подумал.

Голубые лягушки

Прошёл месяц, снег совсем почти стаял и все канавки в лесу разлились в целые ручьи. В них громко кричали лягушки.

Раз мальчик подошёл к канаве. Лягушки сразу замолчали – бульк-бульк-бульк! – попрыгали в воду.

Канавка была широка. Мальчик не знал, как через неё перебраться. Он

стоял и думал: «Из чего бы тут сделать мостик?»

Понемногу из воды стали высовываться треугольные головы лягушек. Лягушки со страхом пучеглазились на мальчика. Он стоял неподвижно. Тогда они начали вылезать из воды. Вылезли и запели.

Их пение нельзя было назвать очень красивым. Есть лягушки, которые звонко квакают; другие крикают вроде уток. А эти только громко урчали, хрипели:

– Тур-лур-лурр!

Мальчик взглянул на них и ахнул от удивления: лягушки были голубые!

До этого ему приходилось видеть много лягушек. Но все они были обыкновенного лягушачьего цвета: серо-буро-коричневые или зелёные. Он даже держал одну зелёную дома, в большой банке из-под варенья. Когда она квакала, она надувала у себя на шее два больших пузыря.

А эти – в канаве – только горлышки раздували, и горлышки у них тоже были красивого светло-голубого цвета.

Мальчик подумал: «Наверно, ещё никто на свете не видел голубых лягушек. Это я первый открыл их!»

Он живо поймал трёх лягушек, посадил их в кепку и побежал домой.

Дома были гости. Мальчик вбежал в комнату и закричал:

– Смотрите, голубые лягушки!

Все обернулись к нему и замолчали. Он взял и вытряхнул из кепки всех трёх лягушек прямо на стол.

Раздался громкий хохот.

Мальчик глянул на лягушек и раскрыл рот от удивления: все три его лягушки были не голубые, а обыкновенного лягушачьего цвета – серо-буро-коричневые.

Но отец мальчика сказал:

– Нечего смеяться над мальчишкой: он ловил лягушек в то время, когда они урчали. Это обыкновенные травяные лягушки, лягушки-турлушки. Они некрасивы. Но когда их освещает весеннее солнце и они поют, они очень хорошеют: становятся нежно-голубого цвета.

Не всякий это видел.

Сумасшедшая птица

Когда мне было десять лет, я прожил целую зиму в деревне.

Я бегал по лесу, выслеживал птиц и узнавал разные интересные подробности их жизни. Это было моим любимым занятием, и я очень скучал, когда что-нибудь мешало моим прогулкам.

Но вот ударили февральские морозы. Поднялась сильная метель.

Отец долго не выпускал меня из дому. Время тянулось ужасно медленно.

Наконец через несколько дней я, проснувшись утром, увидел в окошко ясное голубое небо.

Я сейчас же отпросился у отца, оделся и выскочил на двор.

На дворе было морозно, но тихо. Ярко светило солнце. Глазам было больно от блеска белого снега.

В лес нечего было и думать пробраться. Там намело такие сугробы рыхлого снега, что я на каждом шагу проваливался по пояс.

Пришлось направиться вдоль по реке. С неё, наоборот, ветром смело почти весь снег, так что местами был виден голубоватый лёд.

Птиц не было нигде. Передо мной тянулась длинная белая полоса реки. Справа и слева на её крутых берегах молчаливо стоял засыпанный снегом лес. Даже писка синиц не было в нём слышно.

Я подумал: «Верно, птицы плохо чувствуют себя после такой долгой метели».

Скоро я увидел перед собой на снегу чёрное пятно.

Оказалось, что это мёртвая ворона. Она лежала, уткнувшись головой в сугроб, распластав сбитые ветром крылья.

Я поднял её и осмотрел со всех сторон. Она уже окоченела. Нигде на всём теле её не было ни следа раны или ушиба.

Я понял, что ворону убил мороз.

Мне было очень жалко эту большую крепкую птицу, замёрзшую тут, посреди сугробов. Я утешал себя мыслью, что не все птицы погибли в эти дни. Наверно, мне удастся ещё сегодня поймать какую-нибудь полумёртвую птичку. Я снесу её домой, обогрею, накормлю и буду держать до весны.

Словно в ответ на мои мысли, невдалеке послышалось тихое щебетанье.

Я поднял глаза. Впереди была прорубь. По краю её, у самой воды,

прыгала белогрудая птичка. Она дёргала коротким хвостом и заливалась на все лады самой весёлой песней.

«Вот сумасшедшая! – подумал я. – Как она может радоваться в такой мороз?»

Белогрудая птичка не обращала на меня никакого внимания. Мне захотелось ближе рассмотреть её. Но едва я сделал несколько шагов к ней, как птица с размаху бросилась в прорубь вниз головой. Одно мгновение я ещё видел, как она быстро двигала крыльями, словно летела в воде. Потом она исчезла подо льдом.

Я так и остался стоять с выпученными глазами и открытым ртом.

«Утопилась!» – мелькнула вдруг у меня страшная мысль. Я бросился к проруби. Мелкая вода текла здесь очень быстро. Утопленницы нигде не было видно.

Слёзы навернулись мне на глаза. Я прибежал домой, к отцу, с мёртвой вороной в руках и с удивительным рассказом про белогрудую птицу-утопленницу.

Ворону отец велел мне сейчас же выкинуть, а над моим рассказом долго смеялся. Я не понимал, что тут смешного, и очень сердился на отца.

– Дурачок! – сказал он. – Ведь это была оляпка. Она вовсе не утонула, а прыгает теперь снова по льду и радуется, что обманула тебя.

– Неправда! – горячился я. – Она сошла с ума и утопилась. Я сам видел, как её утянуло под лёд. Течение там такое быстрое...

– Ну, вот что, – остановил меня отец, – беги-ка опять на то место, где ты её видел. Она будет там. А если её там нет, значит, неподалёку от первой проруби есть вторая. Через неё оляпка и выскочила, нырнув от тебя под лёд.

Я опять побежал на реку. Отец мой любил и хорошо знал птиц. Если он говорит, что оляпка бросилась в прорубь нарочно, – значит, есть ещё надежда, что моя белогрудая птичка жива.

У проруби оляпки не было. Но дальше на реке я увидел вторую прорубь, пошёл к ней и вдруг заметил мою утопленницу на обрывистом берегу реки. Она была жива и здорова, бегала по снегу и распевала свою негромкую песенку, похожую на плеск и журчание ручья.

Я побежал к ней. Она слетела к проруби, закачалась на тонких ножках, словно кланялась мне, а когда я приблизился, бухнула в воду, точно лягушка в болото.

Стоя над прорубью, я видел, как она гребла под водой крыльями, словно пловец руками. Потом она побежала по дну, цепляясь изогнутыми коготками за все его неровности. В одном месте она даже задержалась

немножко, на моих глазах перевернула клювом камешек и вытащила из-под него водяного жука.

А через полминуты она уже выскочила из другой проруби. Я с трудом верил своим глазам. Мне всё хотелось ещё поближе рассмотреть её. Несколько раз подряд я заставлял её кидаться в воду.

Меня очень удивляло, что под водой она блестит, как серебряная рыбка. Я не знал ещё тогда, что перья оляпки смазаны тонким слоем жира. Когда птица погружается в воду, воздух пузырится на её жирных перьях и блестит.

Наконец ей надоело нырять. Она поднялась на воздух, полетела над рекой прямо, как по ниточке, и в одну минуту скрылась у меня из глаз.

* * *

Прошло почти два месяца со дня моей первой встречи с оляпкой. За это время я очень полюбил её. В хорошую погоду я отправлялся на реку следить за ней. Она всегда успевала юркнуть от меня в прорубь. И всегда при этом вид у неё был такой весёлый, словно мы играли в «кошки-мышки».

Вся деревня знала эту забавную маленькую птицу. Крестьяне звали её водяным воробьём.

* * *

В конце зимы снова затрещали морозы, ещё крепче февральских. В эти дни моя оляпка уже не пела больше.

Теперь мне приходилось долго разыскивать её, прежде чем я находил её где-нибудь под ледяным навесом берега. Тут она сидела нахохлившись. Вид у неё был грустный и недовольный.

Когда я подходил к ней, она молча снималась и улетала куда-то далеко, всегда в одну и ту же сторону.

И вот, наконец, настал день, когда она улетела с этого места: проруби замёрзли. Лёд мешал оляпке нырять в воду за жуками.

Я очень тревожился о своей белогрудой приятельнице.

«Может быть, – думал я, – она лежит теперь где-нибудь в снегу, как та ворона, что я кашёл на реке после метели».

Дома отец сказал мне:

– Скорее всего, твоя оляпка попала в когти какому-нибудь хищнику. А всего верней, она просто отправилась искать себе другое место на реке, где вода не замерзает даже в самые крутые морозы.

На следующее утро опять выглянуло солнце, и я отправился на розыски оляпки.

Миновав знакомые проруби, я взобрался на обрывистый берег и пошёл вдоль реки.

Скоро путь мне преградила маленькая речка. Она быстро неслась с горки и круто обрывалась с берега, по которому я шёл, в большую реку.

Это был настоящий водопад. Речка широкой струёй хлестала с обрыва и пенилась внизу, крутясь в бурном водовороте. В этом месте на большой реке была широкая полынья.

Я никогда прежде не видал водопада. С восторгом и страхом смотрел я на бешеный поток, готовый смять под собой всякого, кто неосторожно к нему приблизится.

Вдруг я заметил двух птиц, летевших прямо к водопаду. Впереди неслась, сверкая белой грудью, моя оляпка. Сзади быстро настигал её серый ястреб.

Не успел я опомниться, как сумасшедшая птичка исчезла в стремительной струе водопада.

Ястреб круто взмыл кверху перед падающей стеной воды, на одно мгновение повис в воздухе, повернулся и медленно полетел прочь. Добыча ускользнула из его когтей.

Ястреб не знал, что случилось с оляпкой. Но я видел, как она стремглав пронеслась сквозь стену водопада, сделала небольшой полукруг и как ни в чём не бывало уселась на камне под обрывом, с которого падала вода.

Сквозь шум водопада не было слышно её голоса. Но по её движениям я понял, что она поёт свою весёлую песенку.

Домой я возвращался с прогулки вприпрыжку. Теперь я был уверен, что моей смелой маленькой приятельнице не страшны ни когти ястреба, ни холод, ни голод зимы.

Да зиме уж недолго оставалось мучить птиц. День был по-весеннему тёплый. Солнце припекало, и вокруг меня с лёгким звоном рушился снег. Был уже конец февраля. Скоро должны были кончиться морозы.

С такими весёлыми мыслями бежал я домой, У знакомой проруби мне вдруг пришло в голову: хорошо бы попробовать, очень ли холодна вода, в которой так любит купаться оляпка.

Недолго думая, я подбежал к проруби и сильно топнул ногой по тонкому льду.

Я хотел только сломать лёд, чтобы потом попробовать воду рукой. Но тонкий ледок, затянувший прорубь, уже подтаял. Он легко проломился под моим ударом, Я с размаху влетел в прорубь, сначала одной ногой, а потом, не удержав равновесия, и всем телом.

К счастью, воды в этом месте было мне всего по колено.

Как ошпаренный, выскочил я на лёд и, стуча зубами от холода, сломя голову помчался домой. Вода, в которой так любила купаться оляпка, оказалась очень холодной.

В тот же день я слёг в постель в сильном жару. Я проболел целых два месяца. А когда выздоровел, мне ещё досталось от отца за то, что я искупался в проруби.

– Только сумасшедшие, – говорил отец, – нарочно лезут в воду зимой...,

– А оляпка? – перебил я.

Отец рассмеялся и больше не стал бранить меня.

Кузя двухвостый

Сергейке очень хотелось поймать какую-нибудь птичку, особенно кузю – большую белощёкую синицу. Уж очень они – кузи – весёлые, бойкие, смелые.

Клетка у Сергейки была, а западню ему дали товарищи. На три дня дали. И в первый же День Сергейке попался в западню кузя.

Сергейка принёс его домой и стал пересаживать из западни в клетку. Но кузя так бился, дрался и клевался, что Сергейка ненарочно выдрал у него несколько перьев из хвоста. И стал кузя двухвостый: сзади по бокам торчат перья вилочкой, а посередине ничего нет.

Сергейка подумал: «Куда мне двухвостого! Мальчишки засмеют, скажут: «общипанный, в суп его надо».

И решил кузю выпустить и наловить других птиц. Два дня ещё оставалось у него.

А кузя прыгает себе с жёрдочки на жёрдочку, перевёртывается вниз головой, как обезьяна, и долбит своим крепким клювиком зёрна. Солнце в комнату заглянет, он запоёт:

– Зин-зи-вер, зин-зи-веррр! – так весело, звонко. Будто никогда и на воле не был, всегда жил в клетке.

Сергейка стал его выгонять из клетки, – кузя как крикнет:

– Пинь-пинь-черрр! – как зашипит на него!

Пришлось выставить клетку в окно и открыть дверцу. Улетел кузя. Сергейка опять западню поставил.

Утром приходит и ещё издали видит: захлопнута западня, кто-то попался. Подошёл, а в западне кузя сидит. Да не какой-нибудь, а тот самый: двухвостый!

– Кузенька! – взмолился Сергейка. – Ты же мешаешь других птиц ловить. Один только день и остался мне ловить их.

Он взял западню с кузей и пошёл прочь от дома. Шёл-шёл, пришёл в середину леса и там выпустил кузю. Кузя крикнул:

– Пинь-пинь-черрр! – и скрылся в чаще.

Сергейка вернулся домой и опять поставил западню.

На другой день приходит, – опять кузя двухвостый б западне!

– Пинь-пинь-черрр!

Чуть не расплакался Сергейка. Выгнал кузю И отнёс западню хозяевам.

Прошло несколько дней, Сергейка скучал и уже стал думать: «Зачем я кузю выгнал? Хотя и двуххвостый, а какой весёлый».

Вдруг за окном:

– Пинь-пинь-черррр!

Сергейка открыл окно, и кузя сейчас же влетел в избу. Прилепился к потолку, перелетел на стену, увидал таракашку, тюкнул его носом и съел.

И стал кузя жить в избе у Сергейки. Захочет, – в клетку залетит, зёрнышек поклюёт, выкупается в ванночке и опять вылетит: Сергейка клетку не закрывал, Захочет, – по всей избе летает, тараканов ищет.

Склевал всех тараканов, крикнул «пинь-пинь-черрр!» и улетел.

Тигр пятиполосик

Пришла осень, и мой подсолнух поспел. Я пошёл срезать его, а Ирка за мной увязалась. Я ей говорю:

– Всё равно я семечки себе возьму: ведь подсолнух мой.

А она говорит:

– Нет, мой!

Я говорю:

– Как это так – твой? Здравствуйте! Я его посадил. И загородку кругом сделал, чтобы не сломали. Значит, мой.

Она мне:

– А поливала его всё лето я. Значит, мой!

Поливала она – это правда. Просто мне некогда было: всё время охотился на одного тигра. Он в конце сада живёт, в джунглях. Да ведь подсолнух-то я для себя посадил, не для Ирки. Значит, он мой. Правда? Я и говорю:

– Ирка, – говорю, – лучше не лезь. А то ударю!..

Она заревела. А всё равно идёт за мной. Уж такая упрямая! Так вместе и дошли до загородки, где мой подсолнух.

Смотрю, что такое? На подсолнухе мой тигр сидит!

Он рыжий. А на спине – раз, два, три, четыре, – пять ровных чёрных полос.

Я там и стал. Тигр нас не видел: мы от него за кустами были.

Он сидит и преспокойно себе выковыривает семечки из цветка. Выковырнет их и на задние лапы сядет. Как человек: передними держит семечко – и в рот. Шелуху прочь, а семечко за щёку.

Уж чуть ли не половину семечек выковырял!

Я Ирке кулаком:

– Тихо! Стой, не шевелись!

И скорее за рогатку.

Прицелился – бац!

Тигр пискнул – и брык с цветка. Смотрю, бежит по траве. Я – за ним. Он – на забор.

Я подбежал, он – виль! – и на другую сторону.

Я Ирке кричу:

– Тут держи!

Сам – через забор.

Он опять на эту сторону.

Ирка, конечно, струсила схватить его, хоть он и раненный: на заборе кровь.

Я поднял сук и со всей силой – раз! – по забору.

В него не попал, а всё равно сшиб.

Он сорвался и в яму – бух!

Под забором большая была яма. С водой!

Смотрю, плывёт.

Я побежал кругом ямы.

Он вылез – и шасть на дерево! Сухая осина там стояла. Вся в дырках, в дуплах.

Он по стволу – и в дупло. Я заметил, в какое.

Я влез на осину и кепкой дупло заткнул.

– Готово! – кричу.

А Ирка снизу:

– Вот он, вот он! С другой стороны выскочил!

Вот ведь! Я скорее вниз.

Смотрю, сидит на пеньке, на меня обернулся. Щёки оттопырены – уморительная мордаха!

Только я шаг сделал, он свистнул – нырк! – и под корни. Подошли... смотрим – норка.

Я сел на пенёк с рогаткой и говорю Ирке:

– Беги скорей за лопатой. Я покараулю. Разроем – я его за хвост.

А Ирка говорит:

– Знаешь что? Вот что: молодец пятиполосик. Ты его ранил, а он бегом, и вплавь, и на дерево – не дался в руки. Талант прямо!

Я говорю:

– Зверь, конечно, на рану крепкий. Даже добычи своей не бросил – так за щеками и унёс.

Ирка ко мне на пенёк подсела и говорит:

– Знаешь что? Вот что: у него, наверно, дитёнки. Он семечки своим дитёнкам нёс. И потом ведь он не знал, что это наш подсолнух.

Ну и поехала, и поехала...

– Вот, – говорит, – прибежал пятиполосик к себе домой. Сам весь в крови. Дитёнки с кроваток повскакали. «Папа, папочка! Что с тобой? Кто это тебя так?» А он им семечек дал, говорит: «Кушайте. Это великан один на меня напал. Ух, страшный! На задних ногах бегаёт. Еле-еле от него ушёл».

Дитёнки от страха трясутся, плачут: «Папочка, сейчас он сюда придёт,

всех нас убьёт».

Тут я говорю:

– Ну вот, Ирка, всегда ты так... А видела, какая у него шкура красивая? Я могу тебе подарить её. Повесишь её над кроватью на стенку. И всем будешь говорить, что это тигр полосатый. Бывают такие – небольшие. Один знакомый мальчик тебе его в лесу убил.

Ирка, глупая, как расхохочется:

– Тигр по цветам лазает! В норке живёт! И как ещё он тебя в клочки не разорвал!

Вот уж эти девчонки! Ничего, ничего в охоте не понимают!

Смеялась, смеялась, потом и говорит:

– Знаешь что? Вот что: давай лучше наш подсолнух пятиполосику подарим. Пятиполосик ведь по-взаправдашнему – белочка. Маленькая земляная белочка-бурундук. Она семечками своих дитёнок кормит. И кладовые себе на зиму набивает. А нам мама семечек сколько хочешь на базаре купит. Калёных попросим: калёные слаще.

А ещё потом говорит:

– Бедненький! Он теперь раненный. Ему трудно бегать. Давай срежем подсолнух и сюда принесём, к норке ему. Ладно?

Вот всегда она так! Ну, как я теперь на тигра охотиться буду? Какой же он тигр, когда он пятиполосик и с дитёнками?

Правда, что ли, принести ему подсолнух к норке?

Вы как думаете?

Тайна ночного леса

(Рассказ юнната)

Здорово мне захотелось добыть белую куропатку. В наших местах это редкая дичь. Подпускают они близко, да всегда так неожиданно, с лаем срываются, что каждый раз вздрогнешь, а пока сообразишь, что да как, они уже далеко. Ну, и смажешь, конечно.

А вот Кузя-пастушонок нет-нет да и принесёт из лесу, где лошадей пасёт, две-три штуки. И ружьё-то у него – бердана какая-то допотопная, вся в дырках, на двадцать шагов с подбегом бьёт. А вот, поди ж ты!

Всё-таки я у него выпытал, как это он ухитряется.

Оказывается, он их ночью бьёт. Разведёт на мшарнике костёр и спрячется рядом в кусты. И белые куропатки целым выводком приходят к костру. Тут уж, конечно, не штука в них, в пеших-то, попасть в десяти шагах.

Мне и расхотелось добывать: другое совсем в голову пришло. Я же ведь не просто охотник, а естествоиспытатель. Орнитолог – специалист по птицам.

«Почему это, – думаю, – другие лесные куры – глухарь, рябчик – никогда к костру не летят, а куропатка идёт? Зачем?»

Что насекомых непреодолимо влечёт к себе свет в ночи, всем известно. Я сам ловил бабочек на велосипедный фонарь. Они летят прямо на огонь, и если бы на стекло, тут им и крышка: сожглись бы. Но ведь на то они и насекомые – животные неразумные.

А куропатки что будут делать, когда подойдут к костру? Неужто, зачарованные пламенем, тоже кинутся в него, погибнут, как бабочки?

Не может быть! Скорее пустятся в пляс вокруг костра, как настоящие огнепоклонники или как наши юннаты, когда выберутся в лес и в первый раз после города запалят костёр.

Или, может быть, куропатки подойдут к костру и чинно рассядутся вокруг него всем семейством? И папаша с мамашей будут объяснять детям на своём удивительном курино-собачьем языке:

– Ко-ко-ко, дескать, это, детушки, огонь! К нему не подходите, – гав! гав! гав! Обожжёт!

Или, может быть, совсем не красота пламени на них действует, а просто они приходят погреться у костра?

Ведь кто его знает, какие неожиданные тайны можно подсмотреть ночью в лесу у костра! То есть, не сидя у костра, а вот, как Кузя: со стороны.

В том-то и дело, что охотник, когда разложит огонь, сам около него сидит – на свету. Всем лесным глазам его видно, а он – как слепой: ничего не знает, что вокруг него в темноте творится.

И я решил во что бы то ни стало узнать: чем это таким привлекает куропаток огонь? С помощью Кузи, конечно.

Мы пошли в лес с вечера. И сразу нам повезло.

Встретили колхозников на моховом болоте. Они шли с большими корзинами клюквы за спиной. Не успели дойти до нас, вдруг у них из-под ног с лаем вырвался старый куропач, а за ним и весь его выводок.

Кузя хотел даже, на счастье, пальнуть в стадо, да я удержал его:

– Брось ты! Что ты, не понимаешь: распугаем сейчас, они ночью не придут. Пока не подсмотрим, чем они у костра занимаются, о ружье забудь. Понятно?

– Тоже мне! – рассердился Кузя. – Командир нашёлся!

– Обожди ещё, может, они сами в костёр бросятся, сами зажарятся. Готовое жаркое получишь.

Кузя сразу повеселел:

– Ай правда! Чего заряд даром тратить?

Теперь мы знали, что выводок здесь есть. И, конечно, заметили, куда он переместился. В угол болота перелетел. Там, на опушке леса, мы и собрали грудку сушья и смолья.

Поужинали всухомятку.

Наконец наступила ночь. Чёрная, прохладная, настоящая августовская ночь с Млечным Путём и падающими звёздами, – всё, как полагается.

Мы разложили костёр и засели в кустах, шагах в пяти друг от друга. Кузя левее, я правее.

Сушник пылает ярко; поблизости каждая кочечка, каждая мшинка на ней видна. Но я нарочно отвернулся, стал смотреть на лес позади: какой он при огне? Ведь сразу куропатки не придут же! Кузя говорил – другой раз часами ждёт.

Вдруг слышу сзади тихонько так:

– Эрр-рэк-кэк, ор! Го-кок-ко! Гау!

Быстро оборачиваюсь: идут! Куропатки!

Гуськом идут. Одна, другая, третья...

Не успел сосчитать – ббах! – слева.

Дёрнул-таки Кузя из своей берданы! Не выдержал!

Одна куропатка упала. Остальные, конечно, сорвались и с треском и лаем в один миг исчезли в темноте.

– Спятил! – кричу на Кузьку. – Котлету из тебя сделаю!

Только сучья по лесу затрещали: удрал Кузя. Не гнаться же за ним в темноте!

Подобрал я убитую куропатку и тут же решил, что Кузьке её не отдам: пускай чувствует! Раскидал костёр, огонь затоптал.

А что больше делать? Второй раз куропатки не придут – не дуры.

Хорошо, что Кузька на другой день не попался мне на глаза: злой я ходил, ух! Подумать только: теперь уж я, может быть, знал бы такую интересную тайну ночного леса! Первый на всём свете узнал бы её!

Мысль, зачем прцходят куропатки к костру, всё не выходила у меня из головы. Наконец я решился пойти один на болото – караулить.

Три дня выжидал, чтобы куропатки забыли, как Кузя грохнул, и пошёл на то же место. Всё так же сделал, как тогда. Забрался в кусты и жду.

Не очень-то весело одному в лесу чёрной осенней ночью. Я зарядил ружьё разрывной пулей: не от страха, конечно, а мало ли что может случиться! Может, медведь из лесу выйдет. Что ж мне – шапкой от него отбиваться?

Долго я сидел – ждал. Закоченел совсем. «Пойду, – решил. – Всё равно толку никакого не будет».

Взглянул подальше, где уж свет от костра слабее.

Что такое?

Чьи большие жёлтые меховые туфли передвигаются между кочками! Крадутся к костру...

А ног не видно.

Я, конечно, нисколько не струсил. Присмотрелся, а это белые

куропатки идут! От костра они жёлтыми кажутся. Впереди, видно, старый куропад идёт, папаша: большой очень, красно бровый. Сзади маленькие поспевают. Папаша влез на кочку, головку назад повернул и говорит так вполголоса:

– Эрр-рэк-кзк-кэк, вор!

Потом какие-то звуки вроде слов:

– Ковар-рство, ковар-рство, гау!

Из темноты на свет ему мякнуло:

– Ми-у! Ми-у! – Очень нежно. Наверно, самочка.

И тут из-за кочек выскочило всё семейство, штук пятнадцать. Куропад прыгнул с кочки, пошёл к костру, и все за ним гуськом.

А он опять: «Ковар-рство! Вор!»

Я подумал: «Улетят сейчас!»

Вдруг – ббах! – и нет куропадок...

Что такое? Кто это? Не сразу даже сообразил, что сам же я и выстрелил.

И даже одной куропатки мне не досталось, как после Кузиного выстрела. Ведь я пулей саданул и промазал, конечно. Орнитоолух...

Так до сих пор и не знаю, что куропатки делают ночью у костра. А как хотелось бы знать! Может, у кого из вас хватит выдержки подсмотреть? А, ребята?

